ПОЛНОЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ

Р. СТИВЕНСОНА

Безплатное приложеніе къ журналу «ПРИРОДА и ЛЮДИ» за 1914 г.

ОПТИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ.

СТЕРЕОБИХРОМОСКОПЪ

И КЪ НЕМУ

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ (АНАГЛИФОВЪ),

исполненныхъ красками, изображающихъ живописные виды странъ, различныя событія, снимки съ художественныхъ произведеній. **Стереобихромоскопъ** представляетъ *послѣднее слово оптической техники.* **Стереобихромоскопъ** *даетъ полную иллюзію* разсматриваемыхъ сюжетовъ при свѣтовомъ эффектѣ. За границей **Стереобихромоскопъ** въ короткое время *получилъ большую извѣстность* и возбудилъ общій интересъ.

Цѣна **60** коп., съ пересылкой **75** коп.

Издательство П. П. Сойкина (С.-Петербургъ, Стремянная, 12).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
РОБЕРТА ЛЬЮИСА СТИВЕНСОНА

ВЕЧЕРНІЯ БЕСѢДЫ НА ОСТРОВѢ

БЕРЕГЪ ФАЛЕЗА. ДЬЯВОЛЬСКАЯ БУТЫЛКА.
ОСТРОВЪ ГОЛОСОВЪ

ISLAND NIGHT'S ENTERTAINMENTS

CONSISTING OF THE BEACH OF FALESA,
THE BOTTLE IMP, THE ISLE OF VOICES

Переводъ А. С. Энкель

Съ 10 рисунками

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб., Стремянная, 12, собств. д.

Предисловіе къ русскому переводу.

Стивенсонъ, страстный, порывистый, влюбленный въ жизнь, всегда стремился поддерживать яркость и разнообразіе своихъ впечатлѣній. Для него застой былъ хуже смерти. Поселившись на Самоанскихъ островахъ и разставшись съ одромъ болѣзни, онъ былъ уже не только зрителемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ этой необыденно живописной, хоть и маленькой сцены. Въ новой обстановкѣ и въ стихійной первобытности туземныхъ нравовъ было для него что-то обаятельное, обновлявшее его силы.

— Почему вы поселились здѣсь, а не въ Гонолулу, не въ Швейцаріи?—спросилъ его одинъ австралійскій журналистъ.

— По очень простой и вполнѣ уважительной причинѣ: здѣсь меньше цивилизаціи. Неужели вы не понимаете, сколько въ этомъ прелести?

Отвѣтъ этотъ характеренъ. Дѣйствительно, жизнь его окружавшая была разнообразна и богата оттѣнками, которыхъ онъ нигдѣ не нашелъ бы въ цивилизованной странѣ. Онъ какъ будто самъ перенесся на «островъ голосовъ». Онъ видѣлъ возставшихъ туземцевъ, засѣвшихъ въ кустахъ съ винчестерскими карабинами, и по собственному его признанію, въ немъ самомъ «готово было проснуться первобытное начало». Въ его письмахъ изъ Вай-Лимы такъ и чувствуется избытокъ впечатлѣній; онъ едва успѣвалъ усвоить все новое и необычное, что было кругомъ него. Естественно, что такой отзывчивый и пылкій художникъ, какъ Стивенсонъ, очень скоро перенесъ этотъ невѣдомый міръ въ свое литературное творчество.

Однажды онъ былъ пораженъ внезапно мелькнувшей идеей новаго разсказа. «Эта мысль, — пишетъ онъ, — прожгла меня, какъ пуля, въ одно изъ страшныхъ мгновеній моей жизни, когда я былъ одинъ среди этихъ трагическихъ джунглей». Разсказъ этотъ былъ «Берегъ Фалеза». Послѣдовавшая за нимъ сказка «Дьявольская бутылка» первоначально предназначалась для полинезійскихъ читателей. Сюжетъ ея заимствованъ изъ пьесы, ставившейся въ Лондонѣ въ первой половинѣ XIX вѣка съ участіемъ извѣстнаго въ то время актера О. Смита. Пьеса, въ свою очередь, передѣлана изъ нѣмецкой народной сказки. У Стивенсона та же канва разсказа, но всѣ внѣшнія детали измѣнены; въ его сказкѣ мы не только видимъ большее богатство красокъ и фантазій, но и моральное значеніе его разсказа гораздо глубже, такъ какъ онъ сумѣлъ открыть такіе тайники психологіи и душевной борьбы, которые и не грезились прежнему автору.

Книга посвящена тремъ спутникамъ въ скитаньяхъ по островамъ. Объ одномъ изъ нихъ, Бенѣ Гирдѣ, стоитъ сказать нѣсколько словъ. Онъ былъ компаньономъ одной извѣстной фирмы въ Сиднеѣ, станціи которой ему постоянно приходилось объѣзжать. Стивенсонъ провелъ въ обществѣ Гирда нѣсколько мѣсяцевъ въ поѣздкѣ по островамъ Полинезіи, и съ этого времени началась дружба, о которой онъ говоритъ въ посвященіи. Въ разсказѣ «Берегъ Фалеза» Бенъ упоминается нѣсколько разъ безъ всякихъ поясненій, какъ лицо всѣмъ извѣстное и неразрывно связанное съ жизнью тихо-океанскихъ острововъ. Дѣйствительно, онъ снискалъ себѣ любовь и популярность среди туземцевъ своей ласковостью и честнымъ отношеніемъ къ нимъ, и съ его смертью (1896) «исчезла, быть можетъ, самая видная фигура полинезійскаго архипелага», какъ гласилъ его некрологъ. Какъ ни былъ великъ повѣствовательный даръ Стивенсона, онъ никогда не упускалъ случая познакомиться съ пріемами другихъ разсказчиковъ. Бенъ Гирдъ много видалъ на своемъ вѣку, и исторіи, которыя онъ разсказывалъ, доставляли автору «Острова Сокровищъ» живѣйшее наслажденіе.

«Вечернія бесѣды на островѣ» появились въ 1893 г. Изящество языка, богатство и благородство колорита и глубина поэтическихъ достоинствъ даетъ право причислить всѣ три разсказа, собранные въ этой книгѣ, къ лучшимъ жемчужинамъ англійской литературы.

Ung.

ВЕЧЕРНІЯ БЕСѢДЫ НА ОСТРОВѢ.

БЕРЕГЪ ФАЛЕЗА.

I. Океанійская свадьба.

Было ни день, ни ночь, когда я въ первый разъ увидѣлъ этотъ островъ. Луна уже склонялась къ закату, хотя еще свѣтила, а на востокѣ, румяномъ отъ зари, брилліантомъ сверкало дневное свѣтило. Въ лицо пахнулъ береговой вѣтеръ, принесшій съ собою ароматъ лимона и ванили и другіе болѣе обыкновенные запахи. Свѣжій вѣтеръ заставилъ меня расчихаться.

Надо вамъ сказать, что я нѣсколько лѣтъ жилъ среди туземцевъ на одномъ небольшомъ пограничномъ островкѣ. Тутъ мнѣ предстоялъ новый опытъ, такъ какъ даже и языкъ былъ для меня совершенно чуждымъ. Видъ этихъ лѣсовъ, горъ и необыкновенный запахъ обновили мою кровь.

Капитанъ потушилъ компасную лампу.

— Смотрите, мистеръ Уильтшайръ,—сказалъ онъ.—Видите за прогалиной рифа струйку дыма? Это и есть Фалеза, послѣднее населенное мѣсто къ востоку. Съ подвѣтренной стороны почему-то никто не живетъ. Возьмите трубу и въ нее вы можете разглядѣть дома.

Я взялъ трубу и на придвинувшемся берегѣ увидѣлъ рядъ лѣсовъ, бреши прибоя, коричневыя кровли и темныя внутреннія пространства домовъ, виднѣвшіяся между деревьями.

— Видите бѣлый кусочекъ на востокѣ?—продолжалъ капитанъ.—Это и есть вашъ домъ. Коралловая постройка стоитъ высоко, съ трехъ сторонъ окружена верандою, по которой можете гулять, сколько угодно. Лучшее мѣсто на Тихомъ океанѣ. Старикъ Адамсъ, увидя его, пожалъ мнѣ руку. «Въ пріятное,—говоритъ,—дѣло я вступаю».—«Пора»,—отвѣтилъ я ему. Бѣдняга Джонни! Послѣ того я видѣлъ его только одинъ разъ, но онъ уже измѣнилъ свое мнѣніе, не ладилъ ни съ темнокожими, ни съ

бѣлыми; а при слѣдующемъ нашемъ пріѣздѣ я уже не засталъ его въ живыхъ. Я поставилъ на его могилѣ шестъ съ надписью: «Джонъ Адамсъ. Скончался въ 1868 г. Иди и поступай также». Жаль мнѣ было этого человѣка. Я не находилъ его дурнымъ.

— Отъ чего онъ умеръ?—освѣдомился я.

— Отъ какой-то внезапно свалившей его болѣзни,—сказалъ капитанъ.—Онъ, кажется, всталъ ночью и надулся «Утолипечали» и «Изобрѣтенія Кеннеди». Но это не подѣйствовало: онъ былъ выше Кеннеди. Открылъ боченокъ джина—не дѣйствуетъ, крѣпости мало. Послѣ этого онъ выбѣжалъ на веранду и, должно быть, наткнулся на перила и упалъ. На другой день его нашли совсѣмъ помѣшаннымъ. Онъ все время бормоталъ, что кто-то подмочилъ его копру *). Бѣдняга Джонни!

— Не островъ ли былъ причиною болѣзни?—спросилъ я.

— И островъ, и тревога, и другая причина, говорили разно. Но я слышалъ, что климатъ тутъ здоровый. Да вотъ, Вигуръ, что былъ здѣсь передъ вами, ни на волосъ не измѣнился, а уѣхалъ, по его словамъ, потому что боялся Чернаго Джека и Кэза и Свистуна Джимми, который былъ еще живъ въ то время, но вскорѣ утонулъ въ пьяномъ видѣ. А капитанъ Рендоль живетъ здѣсь съ 1840 или 1845 г. Въ Билли я не вижу особенной перемѣны. У него такой видъ, что онъ проживетъ Маѳусаиловъ вѣкъ. Нѣтъ! По моему, мѣсто здоровое.

— Вотъ подходитъ ботъ,—сказалъ я.—Прямо въ проливѣ. Похожъ на шестнадцати футовое китоловное судно. На офицерскомъ мѣстѣ двое бѣлыхъ.

— Это ботъ утонувшаго Свистуна Джимми!—воскликнулъ капитанъ.—Посмотримъ въ трубу! Да, разумѣется, это Кэзъ и темнокожій. Репутація у нихъ мерзѣйшая, но вамъ извѣстно, какимъ мѣстомъ для разговоровъ является берегъ. По моему, Свистунъ Джимми былъ самымъ худшимъ, а онъ, какъ видите, уже отправился въ рай. Какое хотите пари, что они ѣдутъ за джиномъ? Держите пять противъ двухъ, что они возьмутъ шесть ящиковъ.

Когда оба эти торговца причалили къ борту, я остался очень доволенъ ихъ внѣшнимъ видомъ или, вѣрнѣе, внѣшностью обоихъ и рѣчами одного изъ нихъ. Я тосковалъ по бѣлымъ сосѣдямъ послѣ четырехлѣтняго пребыванія на экваторѣ, казавшагося мнѣ

*) Внутреннія волокна кокосоваго орѣха.

тюремнымъ заключеніемъ, съ навлеченіемъ «табу» и хожденіемъ въ Правленіе за снятіемъ его, съ покупкой джина и стремленіемъ къ пьянству, за которымъ слѣдовало раскаяніе, съ сидѣньемъ дома по вечерамъ въ компаніи лампы или хожденіемъ по берегу и придумываніемъ, какъ бы выругать себя за то, что нахожусь здѣсь. На моемъ островѣ бѣлыхъ, кромѣ меня, не было, а на сосѣднемъ, куда я перебрался, большую часть общества составляли одни простые покупатели. Потому-то я и радъ былъ видѣть двухъ вновь прибывшихъ. Одинъ изъ нихъ былъ, положимъ, негръ, но оба они были въ франтовскихъ полосатыхъ куртках, въ соломенныхъ шляпахъ, а Кэза такъ и въ городѣ считали бы щеголемъ. Онъ былъ маленькій, желтый, съ ястребинымъ носомъ, свѣтлыми глазами и съ подстриженною бородкою. Откуда онъ родомъ, никто не зналъ, по разговору знали только, что онъ англичанинъ. Онъ, очевидно, былъ хорошаго рода и получилъ превосходное образованіе. При этомъ онъ одаренъ былъ и талантами: игралъ на гармоникѣ, а съ веревкой, пробкой и колодой картъ дѣлалъ фокусы не хуже любого профессіонала. Онъ при желаніи могъ вести и салонный разговоръ и ругаться не хуже любого янки, и замучить своими остротами канака. Самое выгодное, по его мнѣнію, занятіе было всегда его занятіемъ, и за что онъ бывало ни возьмется, выходитъ такъ естественно, будто онъ для того только и созданъ. Онъ обладалъ мужествомъ льва и лукавствомъ крысы, и если онъ теперь не въ аду, то, значитъ, такого мѣста вовсе не имѣется. Я знаю единственную хорошую черту этого человѣка, а именно: любовь и доброе отношеніе къ женѣ, уроженкѣ Самоа, красившей волосы въ красный цвѣтъ, по модѣ женщинъ Самоа. Когда онъ умеръ (о чемъ я разскажу), у него нашли настоящее христіанское завѣщаніе, по которому вдовѣ досталась вся его собственность, все имущество негра и большая часть товара Билли Рендоля, потому что книги велъ Кэзъ. Она уѣхала на родину на шкунѣ Мэнуа и хозяйничаетъ дома до настоящаго времени.

Но обо всемъ этомъ я въ то первое утро зналъ не больше мухи. Кэзъ привѣтствовалъ меня, какъ джентльменъ и другъ, предложилъ мнѣ свои услуги, особенно необходимыя въ виду моего незнакомства съ туземцами. Лучшую часть дня мы просидѣли въ каютѣ, вышивая за знакомство. Мнѣ никогда не приходилось слышать человѣка, говорившаго болѣе мѣтко. На остро-

вахъ не было болѣе остроумнаго и плутоватаго торговца. Фалеза представился мнѣ самымъ подходящимъ мѣстомъ, и чѣмъ больше я пилъ, тѣмъ легче становилось на душѣ. Послѣдній торговецъ бѣжалъ съ острова, воспользовавшись судномъ, шедшимъ съ Запада. Капитанъ нашелъ домъ закрытымъ; у туземца-пастора были ключи и письмо, въ которомъ бѣглецъ признавался, что боялся за свою жизнь. Такъ какъ фирма осталась безъ представителя, то и груза, разумѣется, не было. Вѣтеръ былъ попутный, и капитанъ, разсчитывающій при хорошемъ ходѣ добраться засвѣтло до сосѣдняго острова, ускорилъ выгрузку моего товара. Кэзъ сказалъ, что мнѣ не стоитъ соваться съ носомъ, что фалезцы народъ честный, что вещей моихъ никто не тронетъ, развѣ вотъ только мелочи какія-нибудь, ножикъ, пачку табаку, что мнѣ самое лучше сидѣть смирно до ухода корабля, затѣмъ идти прямо къ нему, повидать капитана Рендоля — отца берега, добыть съѣстного, и идти домой спать, когда стемнѣетъ. Былъ полдень, и шкуна отправилась въ путь раньше, чѣмъ я ступилъ на берегъ Фалеза.

Отъ выпитыхъ на бортѣ стаканчиковъ вина и долгаго крейсированія, почва колебалась у меня подъ ногами, подобно корабельной палубѣ. Мѣстность была похожа на только что написанный красками ландшафтъ, ноги у меня шли въ тактъ. Фалеза могъ быть волшебнымъ лугомъ, если таковые имѣются, и жаль было бы, еслибъ ихъ не было. Пріятно было идти по травѣ, видѣть высокія горы, смотрѣть на мужчинъ въ зеленыхъ вѣнкахъ и на женщинъ въ ярко красныхъ и голубыхъ одеждахъ. Мы шли, одинаково наслаждаясь и яркимъ солнцемъ, и прохладою тѣни. Дѣтишки съ плутовскими глазками и коричневымъ тѣломъ бѣжали за нами съ радостными возгласами, похожими на писк домашней птицы.

— Надо будетъ вамъ раздобыть жену,—сказалъ Кэзъ.

— Это вѣрно,—сказалъ я.—Я было и забылъ.

Насъ окружала толпа дѣвушекъ. Я остановился и сталъ выбирать среди нихъ, какъ паша. Онѣ нарядились по случаю прихода корабля и представляли красивую картину. Если и былъ въ нихъ недостатокъ, такъ это излишняя ширина бедеръ. Я именно думалъ объ этомъ, когда Кэзъ дотронулся до меня.

— Вотъ хорошенькая,—сказалъ онъ.

Я увидѣлъ дѣвушку, идущую одиноко по другой сторонѣ. Она

ловила рыбу и была въ промокшей насквозь рубашкѣ. Она была молода и очень стройна для островитянки, съ продолговатымъ лицомъ, высокимъ лбомъ и страннымъ застѣнчивымъ, неопредѣленнымъ, не то кошачьимъ, не то дѣтскимъ выраженіемъ.

— Кто это?—спросилъ я.—Она годится, пожалуй.

— Это Умэ,—отвѣтилъ Кэзъ и, подозвавъ ее, заговорилъ съ нею на туземномъ языкѣ.

Что онъ ей говорилъ не знаю, но она, во время его рѣчи вскинула на меня робкій взглядъ, какъ ребенокъ, увертывающійся отъ удара, затѣмъ снова опустила глаза и улыбнулась. Ротъ у нея былъ большой, но губы и подбородокъ точеные, какъ у статуи. Улыбка появилась на мгновеніе и исчезла. Она стояла съ опущенной головой, выслушала Кэза до конца, отвѣтила ему пріятнымъ полинезійскимъ говоромъ, глядя ему прямо въ глаза, затѣмъ выслушала его отвѣтъ, поклонилась и ушла. На мою долю не досталось больше ни взгляда, ни слова, ни улыбки.

— Я думаю, дѣло уладится,—замѣтилъ Кэзъ.—Вы заполучите ее. Я потолкую со старухой, и вы пріобрѣтете вашу избранницу за пачку табаку,—добавилъ онъ, осклабясь.

Должно быть, ея улыбка запечатлѣлась въ моей памяти, потому что я рѣзко отвѣтилъ:

— Она на такую вовсе не похожа.

— Не знаю, такая ли она, но думаю, что она надежна—себя бережетъ, съ толпой не якшается и прочее. Пожалуйста, поймите меня! Умэ выше общаго уровня.—Онъ говорилъ горячо, что пріятно удивило меня.—Я не говорилъ бы съ такой увѣренностью, что добуду ее, если бы она не влюбилась въ очертаніе вашего носа. Вамъ остается держаться въ сторонѣ и предоставить мнѣ устроить дѣло съ матерью по моему, а я ужъ приведу дѣвушку къ капитану, чтобы повѣнчаться.

Слово «повѣнчаться» мнѣ было не по душѣ, что я и сказалъ:

— Тутъ нѣтъ ничего страшнаго,—возразилъ Кэзъ.—Капелланомъ будетъ негръ.

Въ это время мы подошли къ дому этихъ трехъ бѣлыхъ—негръ считается бѣлымъ, какъ и китаецъ. Представленіе странное, но обычное на островахъ. Домъ былъ большой, съ ободранной шатающейся верандой. На лицевой сторонѣ находились контора и магазинъ съ мизернѣйшей выставкой товара: ящика два жестянокъ съ масломъ, боченокъ сухарей, нѣсколько кусковъ

бумажной матеріи, которую и сравнивать съ моей было нельзя. Хороша была только контрабанда, то есть оружіе и спиртные напитки.

«Если это мои единственные соперники, я хорошо устроюсь въ Фалезѣ»,—подумалъ я. Они могли побѣдить меня только напитками да друзьями.

Въ задней комнатѣ сидѣлъ на корточкахъ на полу старикъ капитанъ Рендоль, жирный, блѣдный, голый по поясъ, сивый, какъ барсукъ, съ неподвижными отъ пьянства глазами. Тѣло его обросло волосами и было облѣплено мухами; одна сидѣла у него на глазу, а онъ даже и не замѣчалъ. Вокругъ жужжали москиты. Чистоплотный человѣкъ охотно прикончилъ бы его и похоронилъ бы сразу. Видъ его, мысль, что ему семьдесятъ лѣтъ, что онъ нѣкогда командовалъ судномъ, вышелъ на берегъ франтомъ, говорилъ громкія рѣчи въ судахъ и консульствахъ, сидѣлъ на клубныхъ верандахъ; мысль эта болью сжала мое сердце и отрезвила меня.

Онъ хотѣлъ было подняться, когда я вошелъ, но попытка не удалась, почему онъ просто подалъ мнѣ руку и пробормоталъ какое-то привѣтствіе.

— Папа здорово нагрузился нынче,—замѣтилъ Кэзъ.—У насъ тутъ была эпидемія, такъ вотъ капитанъ Рендоль принимаетъ джинъ, какъ предупреждающее средство. Такъ что ли, папа?

— Никогда въ жизни не принималъ такой штуки! — воскликнулъ капитанъ съ негодованіемъ.—Я пью джинъ, мистеръ, какъ васъ, для сохраненія здоровья.

— Совершенно вѣрно, папа,—сказалъ Кэзъ,—но вы выпьете и для подкрѣпленія. У насъ будетъ свадьба: м-ръ Уильтшайръ собирается сочетаться бракомъ.

— Съ кѣмъ?—спросилъ старикъ.

— Съ Умэ!—отвѣтилъ Кэзъ.

— Съ Умэ!—крикнулъ капитанъ.—На что она ему понадобилась? Онъ пріѣхалъ сюда ради здоровья? На кой чортъ ему Умэ?

— Засохните, папа!—сказалъ Кэзъ.—Не вы женитесь на ней. Ей вы не крестный отецъ, не крестная мать. Полагаю, м-ръ Уильтшайръ поступаетъ такъ, какъ ему нравится.

Онъ извинился, что долженъ уйти хлопотать о свадьбѣ, и оста-

вилъ меня одного съ этимъ жалкимъ существомъ, которое было его компаньономъ и, по правдѣ сказать, его жертвою: и товаръ, и мѣсто принадлежали Рендолю, Кэзъ же и негръ были паразитами, прилипшими къ нему и кормившимися имъ, подобно мухамъ, которыхъ онъ также мало замѣчалъ. О Биллѣ Рендолѣ я дѣйствительно не могу сказать ничего дурного, кромѣ того факта, что онъ мнѣ былъ противенъ, и время, проведенное въ его обществѣ, казалось мнѣ кошмаромъ.

Комната была полна мухъ и удушающе жаркая, такъ какъ домъ былъ грязный, низкій, маленькій, стоялъ на скверномъ мѣстѣ, за деревней, у опушки кустарника и закрытъ былъ со стороны дороги. Постели троихъ мужчинъ были устроены на полу, тутъ же свалены были въ безпорядкѣ кастрюли, сковороды и посуда. Мебели вовсе не было. Рендоль въ буйныя минуты уничтожилъ ее. Тутъ же я сидѣлъ и ѣлъ обѣдъ, поданный намъ женою Кэза; тутъ же занимали меня разговоромъ эти остатки человѣка; коснѣющимъ языкомъ разсказывалъ онъ старые пошлые анекдоты, старыя исторіи, сопровождаемыя сиплымъ смѣхомъ; моего угнетеннаго положенія онъ не сознавалъ. Онъ все время прихлебывалъ джинъ. По временамъ засыпалъ, затѣмъ снова просыпался, вздрагивалъ, охалъ и отъ времени до времени спрашивалъ меня, почему я хочу жениться на Умэ.

— Не слѣдуетъ тебѣ, дружокъ, допустить себя стать подобнымъ этому старому джентльмену, — твердилъ я себѣ цѣлый день.

Было, должно быть, часовъ около четырехъ пополудни, когда задняя дверь медленно открылась, и въ комнату вползла чуть не на животѣ странная старуха-туземка, вся запеленутая въ черную матерію, съ сѣдыми спутанными волосами, съ татуированнымъ лицомъ, что не было въ обычаѣ на этомъ островѣ, и съ большими блестящими, помѣшанными глазами. Она уставила ихъ на меня съ восторженнымъ, на мой взглядъ, нѣсколько дѣланнымъ выраженіемъ. Отчетливыхъ словъ она не говорила, а просто щелкала и чавкала зубами, лепеча, какъ ребенокъ, просящій рождественскаго пуддинга. Она прошла по всему дому, направляясь прямо ко мнѣ, доползши до меня, схватила мою руку и начала мурлыкать надъ ней, какъ кошка. Отъ мурлыканья она перешла къ пѣнію.

— Кто это, чортъ возьми?—крикнулъ я, пораженный всѣмъ этимъ.

— Это Февао,—сказалъ Рендоль.

Я увидѣлъ, что онъ заковылялъ въ дальній уголъ.

— Вы ея боитесь?—спросилъ я.

— Мнѣ бояться!—откликнулся капитанъ.—Я ей не довѣряю, мой другъ! Я ее на порогъ не пустилъ бы, но сегодня дѣло другое, сегодня свадьба. Это мать Умэ.

— Положимъ, это вѣрно, но чему она такъ рада?—спросилъ я, болѣе раздраженный, пожалуй, болѣе испуганный, чѣмъ хотѣлъ показать. Капитанъ пояснилъ, что она восхваляетъ меня въ стихахъ за то, что я женюсь на Умэ.

— Прекрасно, старушка,—сказалъ я съ неудачной попыткой къ смѣху.—Весьма признателенъ. Скажите мнѣ, когда покончите съ моей рукой.

Она какъ будто поняла. Пѣніе перешло въ крикъ и смолкло. Женщина выползла изъ дома точно такъ же, какъ вползла въ него, и, должно быть, прямо пробралась въ кусты, потому что, когда я послѣдовалъ за нею къ дверямъ, она уже исчезла.

— Странные обычаи,—замѣтилъ я.

— Странный народъ,—сказалъ капитанъ и, къ великому моему удивленію, осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ свою обнаженную грудь.

— Какъ, развѣ вы папистъ?—воскликнулъ я.

Онъ съ презрѣніемъ отрекся.

— Самый рьяный баптистъ,—возразилъ онъ,—но и у папистовъ, милый другъ, есть кое-что хорошее и въ томъ числѣ вотъ это самое. Послушайтесь моего совѣта, и если встрѣтите гдѣ-нибудь и когда бы то ни было Умэ, Февао или Вигура, или вообще кого-либо изъ этой толпы, обратитесь въ паписта и сдѣлайте то, что сдѣлалъ я. Понимаете?—спросилъ онъ, снова перекрестясь и подмигивая тусклымъ глазомъ.—Нѣтъ, сэръ, папистовъ здѣсь нѣтъ!..—и долго еще послѣ того сообщалъ онъ мнѣ свои религіозные взгляды.

Должно быть, Умэ съ перваго взгляда плѣнила меня, иначе я бѣжалъ бы изъ этого дома на чистый воздухъ, къ чистому морю или какой-нибудь рѣкѣ, хотя, по правдѣ сказать, и былъ обязанъ Кэзу; кромѣ того, я не смѣлъ бы держать высоко голову на этомъ островѣ, если бы убѣжалъ отъ дѣвушки въ брачную ночь.

Солнце зашло, небо было все въ огнѣ, и лампа уже горѣла нѣсколько времени, когда Кэзъ вернулся съ Умэ и негромъ. Умэ была одѣта и надушена. Короткая юбка изъ тонкой т а п ы выглядѣла богаче шелковой. Обнаженный до тальи бюстъ цвѣта темнаго меда былъ украшенъ полдюжиной ожерелій изъ сѣмянъ и цвѣтовъ, за ушами и въ волосахъ тоже были пурпуровые цвѣты кетміи *). Она держала себя, какъ подобаетъ невѣстѣ, серьезно и спокойно, и мнѣ стало стыдно стоять съ нею въ этомъ простомъ домѣ, передъ этимъ осклабившимся негромъ. Повторяю, мнѣ было стыдно, потому что шарлатанъ нарядился въ огромный бумажный воротникъ, а книга, по которой (онъ дѣлалъ видъ, что читаетъ) онъ читалъ, была просто томомъ романа; слова его службы не могутъ быть приведены. Я почувствовалъ укоръ совѣсти при соединеніи нашихъ рукъ; а когда ей вручили брачное свидѣтельство, я покушался отречься отъ сдѣлки и сознаться. Вотъ этотъ документъ, написанный и подписанный Кэзомъ на листкѣ, вырванномъ изъ конторской книги:

«Симъ удостовѣряется, что Умэ, дочь Февао Фалезской, незаконно повѣнчана съ мистеромъ Джономъ Уильтшайромъ на одну недѣлю, и мистеръ Джонъ Уильтшайръ можетъ отправить ее ко всѣмъ чертямъ когда ему заблагоразсудится.

Джонъ Блекморъ,
капелланъ матросовъ,

Извлечено изъ регистра Вильямомъ Т. Рендолемъ,
командиромъ матросовъ».

Славная бумага для вручения дѣвушкѣ, которая хранитъ ее, какъ золото! Человѣкъ можетъ по меньшей мѣрѣ почувствовать себя униженнымъ. Но въ этихъ мѣстахъ подобное практикуется по винѣ не бѣлолицыхъ, а миссіонеровъ.

Если бы они не обращали туземцевъ, мнѣ не пришлось бы прибѣгать къ обману, а бралъ бы я себѣ какихъ угодно женъ и со спокойной совѣстью оставлялъ бы ихъ, когда вздумается.

Чѣмъ болѣе я былъ пристыженъ, тѣмъ болѣе спѣшилъ уйти. Желанія наши, видимо, согласовались, насколько я замѣтилъ по перемѣнѣ въ торговцахъ. Насколько сильно было въ Кэзѣ желаніе удержать меня, настолько сильно ему хотѣлось теперь спро-

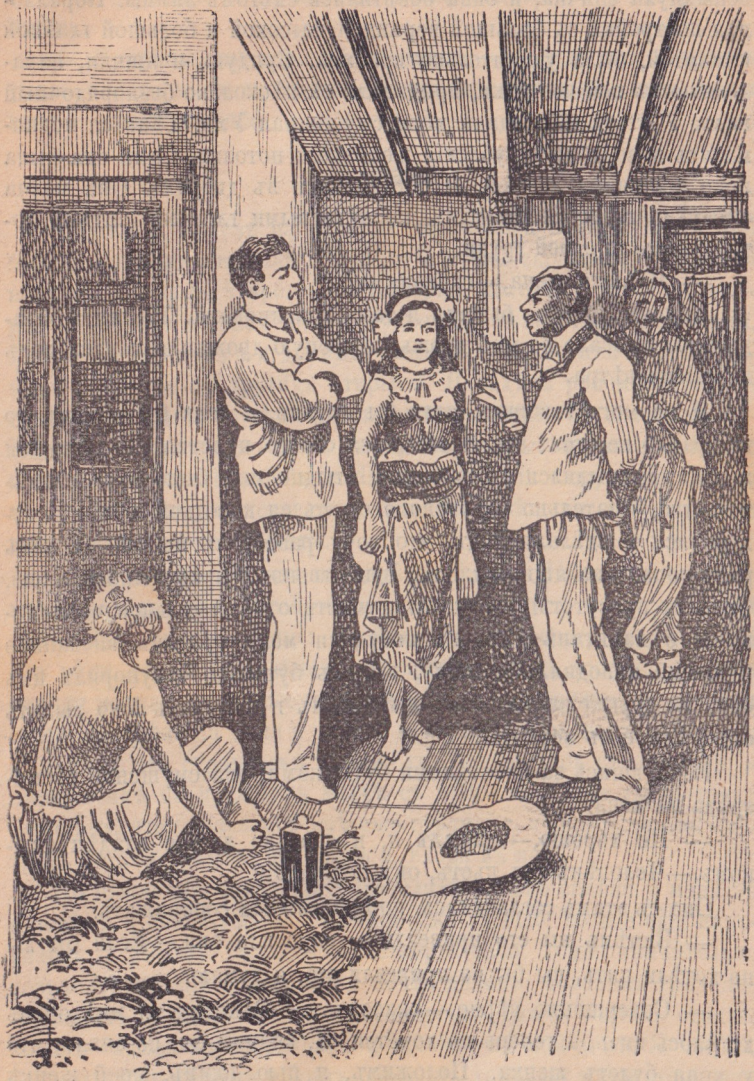
*) Растеніе семейства мальвовыхъ, которое у насъ зовутъ обычно китайской розой. *Прим. перев.*

вадить меня, точно онъ достигъ какой-то цѣли. «Умэ покажетъ вамъ вашъ домъ», сказалъ онъ, и всѣ трое простились съ нами въ комнатѣ.

Приближалась ночь. Въ селеніи пахло деревьями, цвѣтами, моремъ, печеными плодами хлѣбнаго дерева. Слышенъ былъ шумъ прибоя, а издали доносились изъ домовъ и изъ-за деревьевъ звуки мужскихъ и дѣтскихъ голосовъ. Пріятно мнѣ было дышать свѣжимъ воздухомъ, пріятно было покончить съ капитаномъ и видѣть рядомъ съ собой, вмѣсто него, это созданіе. Я чувствовалъ себя такъ же, какъ будто это была дѣвушка Стараго Свѣта, и, забывшись на минуту, я взялъ ее за руку. Пальцы ея пріютились въ моей рукѣ, я слышалъ ея порывистое дыханіе, и вотъ она вдругъ схватила мою руку и прижалась къ ней лицомъ. «Вы добрый!», крикнула она, побѣжала впередъ, остановилась, оглянулась, улыбнулась, опять побѣжала и такимъ образомъ довела меня по опушкѣ кустарника, кратчайшей дорогой, до дома.

Дѣло въ томъ, что Кэзъ, исполняя обязанность свата, сказалъ ей, что я безумно хочу обладать ею и не безпокоюсь о послѣдствіяхъ. Бѣдняжка, зная то, о чемъ я понятія не имѣлъ, повѣрила каждому слову, и у нея закружилась голова отъ тщеславія и благодарности. Я ничего этого не подозрѣвалъ. Принадлежа къ числу людей, враждебно относящихся къ нелѣпымъ поступкамъ съ туземными женщинами, видѣвшій столькихъ бѣлыхъ, съѣденныхъ родственниками женъ и одураченныхъ договоромъ, я говорилъ себѣ, что слѣдуетъ остановиться и образумить ее. Но она была такъ оригинальна и мила, отбѣгая впередъ и поджидая меня, дѣлалось это такъ по-дѣтски или такъ по-собачьи, что я не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ именно слѣдовать за нею, прислушиваясь къ шагамъ ея босыхъ ногъ и слѣдя въ сумеркахъ за ея свѣтящимся тѣломъ. Мнѣ пришла въ голову другая мысль. Она играла со мной, какъ котенокъ, когда мы были наединѣ, а дома держала себя гордо и скромно, какъ графиня. Въ этомъ костюмѣ, какъ ни малъ и ни туземенъ онъ былъ, въ этомъ тонкомъ т а п а въ цвѣтахъ и сѣменахъ, блестѣвшихъ, какъ драгоцѣнности, только болѣе крупныя, мнѣ показалось, что она дѣйствительно графиня, нарядившаяся, чтобъ слушать въ концертѣ великихъ пѣвцовъ, а не для того, чтобъ стать женою бѣднаго торговца, вродѣ меня.

Она вошла въ домъ первою, и я еще на улицѣ увидѣлъ, какъ



Она держала себя, какъ подобаетъ невѣстѣ...

вспыхнула спичка, и окна освѣтились свѣтомъ лампы. Коралловая постройка съ большой верандой, высокой и большой главной комнатой, была удивительно красива. Сундуки и ящики, наваленные въ ней кое-какъ, придавали ей нѣсколько безпорядочный видъ. У стола поджидала меня смущенная Умэ. Тѣнь ея поднималась позади до углубленія желѣзнаго потолка. Сама она была ярко освѣщена лампой. Я остановился въ дверяхъ. Она молча смотрѣла на меня пылкими, но пугливыми глазами, затѣмъ дотронулась до своей груди.

— Я ваша жена,—сказала она.

Никогда еще не бывалъ я такъ взволнованъ. Желаніе обладать ею вызвало во мнѣ дрожь, подобную дрожанію паруса подъ вліяніемъ вѣтра.

Я не могъ говорить, если бы хотѣлъ, а если бы и могъ, то все равно не сталъ бы. Я стыдился своего чувства къ туземной женщинѣ, стыдился этого брака, стыдно мнѣ было и за свидѣтельство, тщательно спрятанное ею въ ея короткой юбкѣ. Я отвернулся и сдѣлалъ видъ, что хочу разобрать ящики. Я какъ разъ попалъ на ящикъ джина, единственный привезенный мною. Отчасти присутствіе дѣвушки, отчасти отвратительное воспоминаніе о капитанѣ Рендолѣ побудили меня принять внезапное рѣшеніе: я поднялъ крышку, вынулъ бутылки, откупорилъ ихъ одну за другой карманнымъ штопоромъ и поручилъ Умэ вылить содержимое съ веранды.

Вернувшись за послѣдними бутылками, она смущенно посмотрѣла на меня.

— Не хорошо,—сказалъ я, нѣсколько лучше владѣя языкомъ.—Человѣкъ онъ пьетъ, онъ нехорошій.

Она съ этимъ согласилась, но продолжала соображать.

— Зачѣмъ вы его привезли?—спросила она.—Если бы вы не хотѣли пить, вы бы не привезли его, я думаю.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ я.—Одно время мнѣ очень хотѣлось пить, а теперь не хочется. Я, видишь ли, не зналъ, что у меня будетъ женка. Положимъ, я пью джинъ, моей женкѣ было бы страшно.

Говорить съ нею ласково—это наибольшее, на что я былъ способенъ; я далъ обѣтъ никогда не допускать себя до слабости къ туземкѣ и мнѣ оставалось только остановиться.

Она серьезно смотрѣла на меня, сидѣвшаго у открытаго ящика.

— Я думаю, вы хорошій человѣкъ,—сказала она и вдругъ упала передо мною на полъ.—Я принадлежу вамъ, какъ ваша вещь!—крикнула она.

II Опала.

Утромъ я вышелъ на веранду до восхода солнца. Домъ мой былъ послѣднимъ на востокѣ. Лѣсъ и утесы скрывали солнечный восходъ. На западѣ протекала быстрая, холодная рѣка, за которой виднѣлась зеленая поляна, усѣянная кокосовыми пальмами, хлѣбными деревьями и домами. Ставни были въ нѣкоторыхъ домахъ закрыты, въ другихъ открыты. Я видѣлъ рои москитовъ и сидѣвшія въ домахъ тѣни проснувшихся людей. За зеленымъ лугомъ молча прокрадывались люди, закутанные въ разноцвѣтные плащи, похожіе на библейскія изображенія бедуиновъ. Было мертвенно тихо, торжественно, холодно, освѣщеніе лагунъ зарею походило на зарево пожара.

Меня смутило то, что я увидѣлъ вблизи. Нѣсколько дюжинъ взрослыхъ людей и дѣтей образовали полукругъ, фланкируя мой домъ. Одни расположились на ближайшемъ берегу раздѣлявшей ихъ рѣки, другіе на дальнемъ, а часть на скалѣ посерединѣ. Они сидѣли молча, окутанные покрывалами, и пристально, не спуская глазъ, смотрѣли на меня и на мой домъ, смотрѣли, какъ пойнтеры. Я нашелъ это страннымъ и вышелъ. Вернувшись съ купанья, я нашелъ ихъ на прежнемъ мѣстѣ съ прибавкой еще двухъ-трехъ человѣкъ, что показалось мнѣ еще страннѣе. «Чего ради они смотрятъ на мой домъ?», подумалъ я, входя въ него.

Но мысль объ этихъ наблюдателяхъ упорно засѣла у меня въ головѣ, и я снова вышелъ. Солнце уже взошло, но все еще находилось за лѣсомъ. Прошло съ четверть часа. Толпа значительно возрасла, дальній берегъ были почти полонъ: человѣкъ тридцать взрослыхъ и вдвое большее количество дѣтей частью стояли, частью сидѣли на корточкахъ и глазѣли на мой домъ. Я видѣлъ однажды окруженный такимъ образомъ домъ, но тогда торговецъ дубасилъ палкою свою жену, и она кричала; тутъ же не было ничего подобнаго—топилась печка, дымъ шелъ по-христіански,— все было благопристойно, на бристольскій ладъ. Положимъ, явился чужестранецъ, но они имѣли возможность видѣть его

вчера и отнеслись къ его пріѣзду довольно спокойно. Что же встревожило ихъ теперь? Я положилъ руки на перила и тоже уставился на нихъ. Перемигиваться стали, чортъ возьми! По временамъ дѣти болтали, но такъ тихо, что до меня не долетало даже гула ихъ голосовъ. Остальные напоминали изваяніе; безмолвно и печально смотрѣли они на меня своими большими глазами, и мнѣ пришло въ голову, что мало разницы было бы въ ихъ взглядѣ, если бы я стоялъ на помостѣ висѣлицы, а эти добрые люди пришли бы глядѣть, какъ меня будутъ вѣшать.

Я почувствовалъ, что начинаю робѣть, и боялся дать это замѣтить; этого никогда не слѣдуетъ показывать. Я выпрямился, подбодрился, спустился съ веранды и направился къ рѣкѣ. Тамъ начали перешептываться, послышалось жужжаніе, какое иногда слышишь въ театрѣ при подъемѣ занавѣса, и ближайшіе отступили на разстояніе шага. Я видѣлъ, какъ одна дѣвушка положила одну руку на молодого человѣка, а другой рукой показала наверхъ, сказавши въ это время что-то задыхающимся голосомъ. Три мальчугана сидѣли на дорогѣ, гдѣ я долженъ былъ пройти на разстояніи трехъ футовъ отъ нихъ. Закутанные въ покрывало, съ бритыми головками и торчащимъ хохолкомъ, съ этими оригинальными личиками они походили на каменныя статуэтки. Они сидѣли торжественно, какъ судьи. Я поднялъ сжатый кулакъ, какъ человѣкъ, намѣревающійся дать тумака, и мнѣ показалось что-то вродѣ подмигиванія на этихъ трехъ лицахъ, затѣмъ одинъ (самый дальній) вскочилъ и побѣжалъ къ своей мамѣ; двое остальныхъ хотѣли послѣдовать за нимъ, запутались, упали, заорали, вылѣзли изъ своихъ покрывалъ, и минуту спустя всѣ трое нагишомъ удирали во всѣ лопатки, визжа, какъ поросята. Туземцы, никогда не пропускающіе случая пошутить, даже на похоронахъ, смѣялись короткимъ смѣхомъ, похожимъ на собачій лай.

Говорятъ, человѣкъ боится оставаться одинъ. Ничего подобнаго. Что пугаетъ его въ темнотѣ или въ кустахъ, такъ это невозможность убѣдиться въ безопасности и то, что у него можетъ очутиться за плечами цѣлая армія, а еще страшнѣе попасть въ толпу, не имѣя ни малѣйшаго представленія о ея намѣреніяхъ. Мальчуганы не успѣли добѣжать до мѣста и все еще полнымъ ходомъ летѣли прямо по дорогѣ, какъ я уже успѣлъ обойти одно судно и скрыться за вторымъ. Я, какъ дуракъ, шелъ впередъ, дѣлая по пяти узловъ, и, какъ дуракъ, вернулся обратно. Это,

должно быть, было презабавно, но на этотъ разъ никто не смѣялся, только одна старуха забормотала какую-то молитву, вродѣ того, какъ бормочатъ диссентеры свои проповѣди.

— Никогда еще не видѣлъ я такихъ дураковъ канаковъ, какъ здѣшніе,—сказалъ я Умэ, смотря изъ окна на зѣвакъ.

— Ничего не знаю,—отвѣтила Умэ съ видомъ отвращенія, что у нея вышло очень ловко.

Вотъ и весь нашъ разговоръ по этому поводу, потому что я былъ сильно сконфуженъ тѣмъ, что Умэ отнеслась къ этому равнодушно, какъ къ дѣлу совершенно естественному.

Цѣлый день сидѣли дураки, то въ большемъ, то въ меньшемъ числѣ, съ западной стороны моего дома и по рѣкѣ, поджидая какое-нибудь знаменіе: я полагаю, они ждали небеснаго огня, который пожретъ меня со всѣмъ моимъ добромъ. Къ вечеру имъ, какъ истымъ островитянамъ, надоѣло ждать, они ушли и устроили танцы въ большомъ деревенскомъ домѣ, откуда доносились до меня ихъ пѣніе и хлопанье въ ладоши часовъ до десяти вечера, а на слѣдующій день они, казалось, забыли даже о моемъ существованіи. Спустись огонь съ неба, разверзнись земля и поглоти меня—никто не видѣлъ бы этой помѣхи или урока—назовите, какъ хотите. Однако, мнѣ пришлось узнать, что они и не думали забывать меня и зорко слѣдили, не будетъ ли какого-нибудь феномена въ моей жизни.

Два дня я былъ очень занятъ приведеніемъ въ порядокъ магазина и провѣркой имущества, оставленнаго Вигуромъ. Эта работа мнѣ порядкомъ-таки надоѣла и мѣшала думать о чемъ-либо другомъ. Бенъ принялъ товаръ до переѣзда, и я зналъ, что на него можно вполнѣ положиться, но, очевидно, здѣсь кто-то очень безцеремонно хозяйничалъ, и я открылъ, что меня обокрали на полугодовое содержаніе и прибыль. Я готовъ былъ дать выгнать себя пинками изъ деревни за то, что былъ такимъ осломъ и пьянствовалъ съ Кэзомъ, вмѣсто того, чтобы заняться дѣломъ и принять товаръ самому.

Какъ бы тамъ ни было, но, снявши голову, по волосамъ плакать было безполезно.

Дѣло уже сдѣлано и передѣлать его нельзя. Все, что я могъ сдѣлать, это привести въ порядокъ остатки прежняго и новаго товара, обойти все, избавиться отъ крысъ и таракановъ и устроить магазинъ на сиднейскій ладъ. Я придалъ ему красивый видъ, и

когда на третій день, закуривъ трубочку, я стоялъ въ дверяхъ и заглянулъ въ магазинъ, а затѣмъ обернулся и, взглянувъ на далекія горы, увидѣлъ качающіеся кокосовые орѣхи и вычислилъ тонны копры, и, увидя щеголей островитянъ, сообразилъ, какое количество ярдовъ ситца потребуется имъ на костюмы, я чувствовалъ, что это и есть самое настоящее мѣсто для пріобрѣтенія состоянія, послѣ чего можно будетъ снова вернуться домой и открыть харчевню. И вотъ, сидя на верандѣ, среди чудной картины, великолѣпнаго солнца, прекраснаго, здороваго дѣла, освѣжающаго кровь, какъ морское купанье, я совершенно отрѣшился отъ этого и сталъ мечтать объ Англіи, этой сырой, холодной, грязной норѣ, гдѣ не достаетъ свѣта для чтенія, мечтать о внѣшнемъ видѣ моего кабачка, стоящаго на краю большой дороги съ вывѣской на зеленомъ деревѣ.

Такъ прошло утро; но когда прошелъ день, и ни одинъ чортъ не зашелъ ко мнѣ, это показалось мнѣ страннымъ, насколько я былъ знакомъ съ туземцами другихъ острововъ. Люди подсмѣивались надъ нашей фирмой и ея прекрасными станціями вообще, а надъ станціей Фалеза въ особенности, и говорили, что все количество копры и въ пятьдесятъ лѣтъ не окупитъ издержекъ, что мнѣ казалось преувеличеніемъ. Но когда день миновалъ, а дѣла не было, мнѣ стало не по себѣ, и въ три часа пополудни я пошелъ побродить, чтобы разсѣяться.

На лужайкѣ я увидѣлъ бѣлаго человѣка въ рясѣ, въ которомъ, по лицу и по костюму, я узналъ священника. По наружности это былъ добродушный малый, сѣдоватый и такой грязный, что имъ можно было писать на листѣ бѣлой бумаги.

— Добрый день,—поздоровался я.

Онъ отвѣтилъ на туземномъ языкѣ.

— Вы по-англійски не говорите?—спросилъ я.

— Я говорю по-французски,—отвѣтилъ онъ.

— Очень жаль, но я тутъ ничего не могу сдѣлать, — сказалъ я.

Онъ заговорилъ сначала по-французски, потомъ по-туземному, что, по его мнѣнію, было удобнѣе. Я понялъ, что онъ не просто тратить со мною время, а хочетъ мнѣ что-то сообщить. Я съ трудомъ понималъ его. Я слышалъ имена Адамса, Кэза, Рендоля—послѣднее чаще всего—слово «ядъ» или что-то въ

этомъ родѣ и очень часто повторяемое туземное слово. Идя домой, я все время твердилъ его.

— Что значитъ «фуси-оки»?—спросилъ я Умэ, повторивъ приблизительно это слово.

— Убивать,—сказала она.

— Чортъ возьми! Слышала ты, что Кэзъ отравилъ Джонни Адамса?

— Это всякому извѣстно,—отвѣтила Умэ презрительно.—Далъ ему бѣлый песокъ, гадкій песокъ. У него есть еще бутылка. Положимъ, онъ даетъ вамъ джинъ, вы его не берите.

Я слышалъ столько исторій въ такомъ же духѣ на другихъ островахъ, съ бѣлымъ порошкомъ во главѣ, что не придалъ ей значенія, а чтобы разузнать подробности, прошелъ къ Рендолю и въ дверяхъ увидѣлъ Кэза, чистящаго ружья.

— Хороша здѣсь охота?—спросилъ я.

— Первый сортъ. Лѣсъ полонъ всевозможными птицами. Хорошо, кабы было столько копры,—сказалъ онъ, какъ мнѣ показалось, лукаво,—но здѣсь, кажется, совсѣмъ дѣлать нечего.

Я могъ видѣть въ магазинѣ негра, подающаго что-то покупателю.

— Однако, это похоже на дѣло,—сказалъ я.

— Это первая продажа за три недѣли,—возразилъ онъ.

— Можетъ ли быть?—спросилъ я.—Три недѣли? Толкуйте!

— Если вы мнѣ не вѣрите,—сказалъ онъ нѣсколько рѣзко,—можете пойти посмотрѣть въ кладовую, она въ настоящее время наполовину пуста.

— Мнѣ отъ этого лучше не будетъ. Я могу сказать, что вчера она могла быть совсѣмъ пуста.

— Это вѣрно,—усмѣхнулся онъ.

— Кстати! Что за человѣкъ священникъ?—спросилъ я.—Кажется онъ доброжелательнымъ на видъ.

На это Кэзъ захохоталъ громко.

— А, теперь я понимаю, что васъ тревожитъ! — сказалъ онъ.—Къ вамъ заходилъ Галошэ.

Его большею частью называли отецъ Галошъ *), но Кэзъ всегда примѣнялъ къ этому имени французскую игру словъ, и это было лишней причиной, почему мы считали его выше обыкновеннаго смертнаго.

*) Galoche—калоша.

— Да, я его видѣлъ,—отвѣтилъ я,—и узналъ, что онъ не высокаго мнѣнія о вашемъ капитанѣ Рендолѣ.

— О, да! Ссора изъ-за бѣднаго Адамса,—сказалъ Кэзъ.—Въ день его смерти зашелъ Бенкомбъ. Встрѣчались вы съ Бенкомбомъ?

Я сказалъ «нѣтъ».

— Бенкомбъ—врачъ,—засмѣялся Кэзъ.—Ну-съ, такъ вотъ Бенкомбъ забилъ себѣ въ голову, что, такъ какъ духовенства здѣсь, кромѣ канакскихъ пасторовъ, не имѣется, то мы должны позвать отца Галюшэ, чтобы онъ исповѣдовалъ и причастилъ старика. Для меня это было, понимаете, безразлично, но я сказалъ, что нужно, на мой взглядъ, спросить мнѣніе Адамса. Онъ съ безумнымъ видомъ кричалъ о «потопленной копрѣ». «Послушайте,—говорю я,—вы очень больны. Хотите видѣть Галошу?». Онъ приподнялся на локтѣ. «Позовите,—говоритъ,—священника! Позовите священника! Не дайте мнѣ умереть, какъ собакѣ!». Онъ сказалъ это горячо, будто въ жару, но довольно осмысленно. Возражать на это было бы странно, и мы послали къ Галюшэ узнать, не желаетъ ли онъ пожаловать. Онъ, конечно, пожелалъ и при одной мысли объ этомъ подскочилъ въ своемъ грязномъ бѣльѣ. Мы все устроили безъ папа, а папа ревностный баптистъ и находилъ, что къ папистамъ обращаться не слѣдуетъ. Онъ взялъ да двери-то и заперъ. Бенкомбъ обозвалъ его ханжою. Я думалъ, знаете, что съ нимъ будетъ припадокъ отъ злости. «Какъ, это я-то ханжа?—кричитъ.—До чего я дожилъ. Приходится выслушивать такія вещи отъ бездѣльника, подобнаго вамъ!». Онъ бросился на Бенкомба, и мнѣ пришлось ихъ разнимать. По серединѣ лежитъ въ забытьи Адамсъ и бредитъ, какъ сумасшедшій, насчетъ копры. Какъ сцена, это было очень интересно, и меня разобралъ смѣхъ. Вдругъ Адамсъ сѣлъ, прижалъ руки къ груди и отправился въ страну ужасовъ. Тяжелая смерть была у Джона Адамса,—сказалъ Кэзъ, сразу нахмурясь.

— А что сдѣлалось со священникомъ?—спросилъ я.

— Со священникомъ?—сказалъ Кэзъ.—О, онъ стучался въ дверь, сзывалъ туземцевъ, чтобы вломиться въ домъ, кричалъ во все горло, что онъ хочетъ спасти душу и прочее. Страшно бѣсновался священникъ. Но что подѣлаешь? Джонни ускользнулъ отъ его узъ; исчезъ Джонни съ базара, и обрядная возня была

совершенно упразднена. Затѣмъ, до Рендоля дошелъ слухъ, что священникъ молится на могилѣ Джонни. Папа былъ здорово пьянъ, забралъ дубину и отправился прямо къ могилѣ, гдѣ стоялъ на колѣняхъ Галошъ, окруженный толпою глазѣющихъ туземцевъ. Вамъ не вѣрится, чтобы папа интересовался чѣмъ-нибудь, кромѣ спиртныхъ напитковъ; но онъ и священникъ дрались цѣлыхъ два часа, швыряя другъ друга по-туземному, и Галошъ, поваливъ папа, каждый разъ отдѣлывалъ его дубинкой. Такой забавы въ Фалезѣ никогда не бывало. Кончилось это тѣмъ, что капитана Рендоля свалилъ припадокъ или ударъ, а священникъ убрался во-свояси. Но то былъ самый сердитый священникъ, о какихъ вы когда-либо слышали, и пожаловался старшинамъ на оскорбленіе—какъ онъ это называлъ. Жалобы не приняли во вниманіе, потому что у насъ всѣ старшины протестанты, а такъ какъ онъ надоѣдалъ относительно собраній по поводу школъ, то они были рады утереть ему носъ. Тогда онъ началъ клясться, что старый Рендоль далъ Адамсу яду или что-то въ этомъ родѣ; а теперь оба они при встрѣчахъ скалятся другъ на друга, какъ павіаны.

Онъ разсказалъ эту исторію съ самымъ естественнымъ видомъ человѣка, который любитъ позабавиться; но когда я теперь, спустя долгое время, припоминаю его разсказъ, онъ мнѣ кажется гнуснымъ. Кэзъ никогда не корчилъ изъ себя человѣка мягкаго, онъ старался казаться прямымъ, честнымъ, откровеннымъ и, по правдѣ сказать, окончательно сбилъ меня съ толку.

Вернувшись домой, я спросилъ Умэ, «попи» ли она? (такъ называютъ туземцы католиковъ).

— Э ле аи!—отвѣчала она. Для выразительности отрицанія она прибѣгала всегда къ туземному языку.—Нехорошіе попи!—добавила она.

Тогда я разспросилъ ее объ Адамсѣ и священникѣ, и она передала мнѣ, по своему, почти тотъ же самый разсказъ. Я не особенно подвинулся въ свѣдѣніяхъ, но въ общемъ склоненъ былъ считать основой дѣла ссору относительно таинства, а отравленіе—однимъ разговоромъ.

Слѣдующій день былъ воскресный, когда дѣла ждать было нечего. Умэ спросила меня утромъ, пойду ли я молиться. Я сказалъ ей, чтобы она и не думала итти, и она безпрекословно осталась дома. Мнѣ показалось это неестественнымъ для туземки,

для женщины, у которой есть новыя платья для показа; но это было удобно для меня, и я не придалъ этому значенія. Странно, что послѣ всего этого я отправился въ церковь, такъ странно, что я врядъ ли когда-нибудь забуду.

Я вышелъ побродить и услышалъ пѣніе гимна. Вамъ это знакомо? Когда слышишь пѣніе народа, оно будто притягиваетъ, и я быстро очутился въ церкви. Это было низкое, длинное коралловое зданіе, закругленное на обоихъ концахъ на манеръ китоловнаго судна, съ большой туземной кровлей, съ окнами безъ рамъ и съ дверными пролетами безъ дверей. Я сунулъ голову въ одно изъ оконъ и сталъ смотрѣть на незнакомое для меня зрѣлище—на тѣхъ островахъ, гдѣ я жилъ раньше, было не такъ. Вся паства сидѣла на цыновкахъ на полу, женщины по одну сторону, мужчины по другую; всѣ разодѣты до смерти: женщины въ платьяхъ и покупныхъ шляпахъ, мужчины въ рубашкахъ и жакетахъ. Гимнъ кончился. Пасторъ, крупный молодецъ канакъ, читалъ съ каѳедры проповѣдь; по жестамъ, по звуку голоса, по выраженію я вывелъ заключеніе, что онъ что-то доказываетъ, стремится погубить кого-то. Вдругъ онъ поднялъ голову и поймалъ мой взглядъ... Даю вамъ слово, что онъ затрясся! Глаза полѣзли на лобъ, рука поднялась и, какъ бы помимо его воли, указала на меня, проповѣдь прекратилась.

Некрасиво разсказывать такое о себѣ, но я убѣжалъ, и, случись что-нибудь подобное завтра, я тоже удралъ бы. Испугъ проповѣдника-канака при одномъ взглядѣ на меня произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто я сразу потерялъ твердую почву. Придя домой, я сѣлъ, не говоря ни слова. Вы думаете, быть можетъ, отчего бы не сказать женѣ? Но это противорѣчило моимъ взглядамъ. Вы думаете, быть можетъ, отчего бы не пойти посовѣтоваться съ Кэзомъ? Да мнѣ, откровенно говоря, стыдно было разсказывать такую штуку; я боялся, чтобы мнѣ не захохотали прямо въ лицо. Собственно поэтому я прикусилъ языкъ, но больше думалъ объ этомъ; а чѣмъ больше думалъ, тѣмъ меньше мнѣ это дѣло нравилось.

Въ понедѣльникъ вечеромъ мнѣ стало ясно, что меня подвергли табу. Въ селеніи два дня стоитъ открытымъ новый магазинъ, и ни одинъ мужчина, ни одна женщина не зашли взглянуть на товаръ—это превосходило всякое вѣроятіе.

— Умэ,—сказалъ я,—мнѣ думается, что на меня наложили табу.

— Я такъ думаю,—отвѣтила она.

Я подумалъ было, не разспросить ли ее побольше, но не слѣдуетъ возвеличивать туземцевъ намекомъ на желаніе совѣтоваться съ ними, и я отправился къ Кэзу. Было темно, и онъ сидѣлъ на лѣстницѣ и курилъ, по обыкновенію, одинъ.

— Странное дѣло вышло, Кэзъ,—сказалъ я ему.—На меня наложили табу.

— Вздоръ!—возразилъ онъ.—На островахъ это не практикуется.

— Практикуется ли, нѣтъ ли здѣсь, а гдѣ я жилъ раньше, тамъ практиковалось,—отвѣтилъ я.—Мнѣ это знакомо, и я вамъ говорю, что на меня наложено табу—это фактъ.

— Что же вы сдѣлали?—спросилъ онъ.

— Это-то именно я и желаю узнать,—отвѣтилъ я.

— О, этого быть не можетъ! Это невозможно!—замѣтилъ онъ.—Какъ бы тамъ ни было, я вамъ скажу, что я сдѣлаю. Чтобы успокоить васъ, я обойду деревню и узнаю навѣрняка. А вы зайдите потолковать съ папа.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ я.—Я лучше останусь на верандѣ. У васъ очень душно.

— Ну, такъ я вызову папа сюда,—сказалъ онъ.

— Мнѣ не хотѣлось бы, мой дорогой. Дѣло въ томъ, что я не выношу м-ра Рендоля.

Кэзъ засмѣялся, взялъ изъ лавки фонарь и отправился въ деревню. Онъ пробылъ тамъ съ четверть часа и вернулся ужасно серьезнымъ.

— Ну-съ, — сказалъ онъ, ставя фонарь на ступеньки террасы,—мнѣ просто не вѣрится! До чего дойдетъ дальше наглость канаковъ? Они, повидимому, утратили всякое представленіе объ уваженіи къ бѣлымъ. Нужно бы намъ сюда воинственнаго человѣка, какого-нибудь нѣмца—тѣ умѣютъ справляться съ канаками.

— Значитъ, я нахожусь подъ табу?—воскликнулъ я.

— Да, что-то въ этомъ родѣ,—отвѣтилъ онъ.—Самое худшее, что приходилось слышать въ этомъ духѣ... Но я грудью встану за васъ, Уильтшайръ. Приходите сюда завтра утромъ, часамъ къ девяти, и мы разузнаемъ все отъ старшинъ. Они меня

боятся или, вѣрнѣе, боялись, но теперь такъ задрали головы, что я не знаю, что и думать. Поймите меня, Ультшайръ,—продолжалъ онъ очень рѣшительно,—я смотрю на это не такъ, какъ на вашу ссору, а какъ на «нашу» ссору, я считаю ее ссорой съ бѣлымъ, и я вашъ, вотъ вамъ моя рука.

— Вы узнали причину?—спросилъ я.

— Нѣтъ еще,—сказалъ Кэзъ,—но мы это узнаемъ завтра.

Я былъ очень доволенъ его поведеніемъ и еще болѣе былъ доволенъ на слѣдующій день, когда мы встрѣтились съ нимъ передъ тѣмъ, какъ итти къ старшинамъ, доволенъ былъ его серьезнымъ, рѣшительнымъ видомъ. Старшины ожидали насъ въ одномъ изъ ихъ большихъ овальныхъ зданій, путь къ которому указывала стоявшая у крыши толпа, человѣкъ во сто мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Многіе изъ мужчинъ шли на работу, закутанные въ зеленыя покрывала, что напомнило мнѣ 1 мая на родинѣ. Толпа раздвинулась и начала злобно перешептываться, когда мы вошли въ домъ. Тамъ сидѣло пять старшинъ. Четверо изъ нихъ—могучіе статные молодцы, а пятый—старикъ весь въ морщинахъ. Они сидѣли на матахъ, въ бѣлыхъ коротенькихъ юбочкахъ и жакеткахъ, съ вѣерами въ рукахъ—какъ прекрасныя дамы. Намъ были постланы маты, внѣ дома, противъ важныхъ сановниковъ. Въ серединѣ было пусто. Толпа, сомкнувшаяся за нами, шепталась, толкалась, приподнималась, чтобъ видѣть насъ, и тѣни ихъ колебались передъ нами на чистомъ каменномъ полу. Меня испугало возбужденное состояніе черни, но спокойный, вѣжливый видъ старшинъ успокоилъ меня, особенно послѣ долгой рѣчи оратора, произнесенной тихимъ голосомъ съ указаніемъ то на Кэза, то на меня, то съ ударами кулаками по матамъ. Ясно было одно: въ старшинахъ не замѣтно было и признака гнѣва.

— О чемъ онъ говорилъ?—спросилъ я по окончаніи рѣчи.

— О томъ, что они рады видѣть васъ, что, зная отъ меня о вашемъ желаніи принести какую-то жалобу, предлагаютъ вамъ сказать, въ чемъ дѣло, и постараются разобрать его правильно.

— Много, однако, было потрачено времени, чтобы сказать это,—замѣтилъ я.

— О, остальное было лесть, привѣтствіе и прочее,—отвѣтилъ Кэзъ.—Вѣдь вы знаете канаковъ?

— Ну, отъ меня они много любезностей не услышатъ!—сказалъ я.—Скажите, имъ кто я: я бѣлолицый, британскій поддан-

ный и безконечно важное лицо у себя на родинѣ. Пріѣхалъ я сюда для ихъ блага—внести цивилизацію. Не успѣлъ я разобрать своего товара, какъ они наложили на меня табу, и никто не смѣетъ подойти къ моему магазину. Скажите имъ, что я не имѣю въ виду противиться закону, и если они желаютъ чего-нибудь, я охотно исполню. Скажите имъ, что я не осуждаю человѣка, который заботится о себѣ, потому что это свойственно людямъ; но если они думаютъ подчинить меня своимъ капризамъ, то они очень ошибутся. Скажите имъ прямо, что я спрашиваю о причинѣ такого обращенія, какъ бѣлый и какъ британскій подданный. Вотъ смыслъ моей рѣчи. Я знаю, какъ надо обращаться съ канаками: они, надо отдать имъ справедливость, всегда подчиняются здравому смыслу и мягкому обращенію. Надо постараться имъ вбить въ голову, что у нихъ нѣтъ ни настоящаго правительства, ни настоящихъ законовъ, а если и есть, то было бы нелѣпостью примѣнять ихъ къ бѣлолицымъ. Странно было бы, если бы мы подчинялись ихъ вліянію и не могли бы поступать такъ, какъ намъ угодно. Одна эта мысль уже бѣсила меня, что я и высказалъ нѣсколько необдуманно въ своей рѣчи.

Кэзъ перевелъ или, вѣрнѣе, сдѣлалъ видъ, что перевелъ ее; ему возразили сначала первый старшина, потомъ второй, потомъ третій, всѣ одинаково спокойно, хотя торжественно. Разъ предложили Кэзу какой-то вопросъ и при его отвѣтѣ всѣ—и старшины, и народъ—громко расхохотались и посмотрѣли на меня.

Послѣ всѣхъ морщинистый старикъ и высокій молодой старшина, говорившій первымъ, подвергли Кэза чему-то, вродѣ допроса. Иногда мнѣ казалось, что Кэзъ старается оправдаться; тогда они накидывались на него, точно собаки, и потъ лилъ съ его лица (зрѣлище для меня не особенно пріятное), а при нѣкоторыхъ его отвѣтахъ толпа роптала и рычала, что было еще болѣе непріятно для моего слуха. Ужасно обидно, что я не зналъ туземнаго языка, потому что (я теперь увѣренъ) они спрашивали Кэза относительно моего брака, а онъ, должно быть, наговаривалъ, чтобы самому уволочь ноги. Но оставимъ Кэза въ покоѣ. У него мозгъ приспособленъ для парламента.

— Кончено, что ли?—спросилъ я во время паузы.

— Пойдемъ отсюда, — сказалъ онъ съ печальнымъ лицомъ.—Я вамъ дорогой разскажу.

— Вы думаете, они не хотятъ снять табу?—воскликнулъ я.

— Что-то очень странное,—отвѣтилъ онъ.—Я вамъ скажу дорогою. Пойдемте лучше.

— Я ихъ требованіямъ подчиняться не желаю. Не такой я человѣкъ, чтобы бѣжать передъ толпой канаковъ.

— Лучше было бы бѣжать,—сказалъ Кэзъ, многозначительно посмотрѣвъ на меня.

Пятеро старшинъ смотрѣли на меня довольно вѣжливо, но какъ бы съ насмѣшкою, а толпа шумѣла и толкалась.

Вспомнилъ я людей, слѣдившихъ за моимъ домомъ, вспомнилъ, какъ испугался на каѳедрѣ пасторъ при одномъ взглядѣ на меня, и все въ общемъ представилось мнѣ настолько выходящимъ изъ ряда, что я всталъ и послѣдовалъ за Кэзомъ. Толпа снова разступилась, чтобы пропустить насъ, только шире, чѣмъ раньше, дѣти съ визгомъ разбѣжались. Всѣ стояли и наблюдали за уходившими двумя бѣлолицыми.

— Теперь объясните мнѣ, въ чемъ дѣло,—сказалъ я.

— По правдѣ сказать, я и самъ хорошенько не знаю. Они васъ жалѣютъ,—отвѣтилъ Кэзъ.

— Накладывать на человѣка табу изъ сожалѣнія къ нему!—воскликнулъ я.—Никогда не слыхалъ ничего подобнаго.

— Это, видите ли, хуже,—сказалъ Кэзъ.—Это не табу, я же вамъ говорилъ, что табу быть не можетъ. Дѣло въ томъ, что они не хотятъ входить съ вами въ сношенія, Уильтшайръ.

— Не хотятъ входить въ сношенія? Что вы хотите этимъ сказать? Почему же они не хотятъ?—воскликнулъ я.

— Боятся, должно быть,—отвѣтилъ Кэзъ, понизивъ голосъ.

Я остановился, какъ вкопанный.

— Боятся?—переспросилъ я.—Не сошли ли вы съ ума, Кэзъ? Чего имъ бояться?

— Мнѣ самому хотѣлось бы это знать,—отвѣтилъ Кэзъ.—Вѣроятнѣе всего одно изъ ихъ дурацкихъ суевѣрій. Вотъ съ этимъ-то я и не могу согласиться,—продолжалъ онъ.—Это напоминаетъ дѣло Вигура.

— Мнѣ хотѣлось бы знать ваше мнѣніе на этотъ счетъ, и я побезпокою васъ просьбой сообщить мнѣ его,—сказалъ я.

— Вигуръ, какъ вамъ извѣстно, все бросилъ и удралъ,—сказалъ онъ,—тоже вслѣдствіе какого-то суевѣрія. Съ чѣмъ оно было связано, я такъ и не узналъ, но оно приняло дурной оборотъ подъ конецъ.

— Я слышалъ эту исторію въ иномъ видѣ,—замѣтилъ я,— и лучше будетъ сказать вамъ. Я слышалъ, что онъ уѣхалъ изъ-за васъ.

— О, ему, вѣрно, стыдно было сказать правду. Я догадываюсь, что онъ считалъ это глупостью,—сказалъ Кэзъ.—Это фактъ, что я выпроводилъ его. «Что бы сдѣлали вы, старина?»—спросилъ онъ.—«Уѣхалъ бы, не раздумывая»,—отвѣтилъ я.—Я былъ ужасно радъ, что онъ уѣзжаетъ. Не въ моихъ правилахъ отворачиваться отъ соперника, если онъ занимаетъ прочное положеніе; но въ деревнѣ началось такое волненіе, что я не могъ предвидѣть, чѣмъ и когда оно окончится. Глупо было съ моей стороны возиться съ Вигуромъ. Сегодня они поставили мнѣ это на видъ. Слышали, Міа—молодой, высокій такой старшина—проговорился насчетъ «Вика»? Это его и касалось. Какъ видно, его не забыли.

— Все это прекрасно,—сказалъ я,—но все-таки не выясняетъ мнѣ недоразумѣнія, не говоритъ мнѣ, чего они боятся, что у нихъ за идея.

— Кабы я зналъ! — сказалъ Кэзъ. — Яснѣе я сказать не могу.

— Вы, я думаю, могли бы спросить,—замѣтилъ я.

— Я и спросилъ,—отвѣтилъ онъ.—Но вы должны были видѣть, если вы не слѣпы, что вопросу придали иное значеніе. Я заступаюсь за бѣлаго, пока возможно; но когда я вижу, что самъ попадаю въ бѣду, то прежде всего думаю о собственной шкурѣ. Я много теряю отъ своего добродушія и беру на себя смѣлость сказать, что вы проявляете странную благодарность человѣку, который попалъ въ эту передрягу по вашему дѣлу.

— Есть одна вещь, о которой я думаю,—сказалъ я.—Вы сглупили, что такъ много возились съ Вигуромъ. Утѣшительно, что вы не очень много заботились обо мнѣ: вы ни разу даже не зашли ко мнѣ. Сознайтесь, вы знали объ этомъ раньше?

— Я не былъ у васъ—это фактъ. Это вышло случайно, и это меня огорчаетъ, Уильтшайръ. Относительно же посѣщенія въ настоящее время я буду совершенно откровененъ.

— Вы хотите сказать, что не придете?—спросилъ я.

— Крайне прискорбно, старина, но таково положеніе,—сказалъ Кэзъ.

— Короче говоря, боитесь?—замѣтилъ я.

— Короче говоря, боюсь,—отвѣтилъ онъ.

— А я такъ и останусь подъ табу ни за что, ни про что?—спросилъ я.

— Говорятъ вамъ, табу нѣтъ. Просто канаки не желаютъ сближаться съ вами, и все тутъ. Кто ихъ можетъ принудить? Мы, торговцы, пренесносный народъ, надо замѣтить: заставляемъ бѣднягъ-канаковъ отмѣнять законы, снимать табу, когда для насъ это выгодно. Но не имѣете же вы право разсчитывать, чтобы законъ обязывалъ жителей посѣщать вашъ магазинъ—хотятъ ли, не хотятъ ли они этого? Не скажете же вы мнѣ, что вы злитесь на это? Если же и злитесь, то странно предлагать то же самое и мнѣ. Я долженъ вамъ поставить на видъ, Уильтшайръ, что я самъ торговый человѣкъ.

— Не думаю, что на вашемъ мѣстѣ я сталъ бы говорить о злобѣ,—сказалъ я.—Насколько я вижу, дѣло стоитъ такъ: никто не ведетъ торговли со мною, и всѣ ведутъ сношеніе съ вами. Вамъ доставляютъ копру, а мнѣ приходится убираться къ чорту и трепетать. Туземнаго языка я не знаю; вы единственный, достойный вниманія человѣкъ, говорящій по-англійски, и вы возбуждаете злобу, намекаете, что жизни моей грозитъ опасность и все, что можете сказать мнѣ, что причина вамъ неизвѣстна!

— Это именно в с е, что я могу вамъ сказать,—подтвердилъ онъ.—Не знаю... Желалъ бы знать...

— Значитъ, вы поворачиваете мнѣ спину и предоставляете меня самому себѣ? Такъ?—спросилъ я.

— Если вамъ угодно придавать моему поведенію такое гадкое значеніе,—сказалъ онъ.—Я не смотрю такъ, я просто говорю, что желаю отстраниться отъ васъ, потому что, если я этого не сдѣлаю, то самъ попаду въ бѣду.

— Милый вы сортъ бѣлолицаго,—замѣтилъ я.

— О, я понимаю ваше возмущеніе. Меня самого это возмутило бы. Я готовъ извиниться.

— Можете итти извиняться куда-нибудь въ другое мѣсто. Вотъ моя дорога, вотъ ваша.

Мы разошлись. Я пошелъ прямо домой въ сильномъ раздраженіи и нашелъ Умэ разбирающейся въ кучѣ товара, какъ ребенокъ.

— Послушай! Довольно дурить! Надѣлала кутерьмы, будто

безъ этого мнѣ мало хлопотъ. Я, кажется, говорилъ тебѣ приготовить обѣдъ.

Я проявилъ въ своемъ обращеніи нѣкоторую грубость, заслуженную ею. Она сразу вытянулась передо мною, какъ часовой передъ офицеромъ, потому что, надо замѣтить, она была хорошо воспитана и питала большое уваженіе къ бѣлымъ.

— А теперь ты, какъ здѣшняя, должна это понять. За что на меня наложено табу? Или, если табу нѣтъ, то почему народъ меня боится?

Она стояла и смотрѣла на меня своими, похожими на блюдечко, глазами.

— Вы не знаете?—прошептала она, наконецъ.

— Нѣтъ. Откуда мнѣ знать? Въ томъ мѣстѣ, откуда я пріѣхалъ, такой глупости нѣтъ.

— Эзъ вамъ не сказалъ?—спросила она.

Эзомъ называли туземцы Кэза, что значитъ чужеземецъ или необыкновенный, а можетъ быть—сухое яблоко; хотя вѣрнѣе всего это было его собственное имя, передѣланное на канакскій ладъ.

— Не многое сказалъ,—отвѣтилъ я.

— Чортъ возьми Эза!—воскликнула она.

Вамъ, можетъ быть, покажется забавнымъ вырвавшееся у этой канакской дѣвушки восклицаніе. Въ ней это было ни проклятіе, ни гнѣвъ—ничего подобнаго. Она не сердилась и сказала просто и серьезно. Она стояла, говоря это. Не могу въ точности сказать, чтобы до или послѣ этого я видѣлъ женщину подобную этой, и это поразило меня до онѣмѣнія. Затѣмъ она сдѣлала что-то вродѣ поклона, но очень гордо, и подняла руки.

— Мнѣ совѣстно,—сказала она.—Я думала, вы знаете. Эзъ мнѣ сказалъ, вы знаете, онъ сказалъ, вамъ все равно, сказалъ, вы очень меня любите. Табу относится ко мнѣ,—сказала она, дотрагиваясь до своей груди, какъ въ день нашей свадьбы.—Я уйду, и табу уйдетъ. И вы добудете много копры. Вамъ, я думаю, будетъ гораздо пріятнѣе. Тофа, аліи!—сказала она по-канакски.—Прощайте, господинъ!

— Остановись!—крикнулъ я.—Не спѣши!

Она съ улыбкой покосилась на меня.

— Да вѣдь у васъ будетъ копра,—сказала она такъ, какъ предлагаютъ ребенку сахаръ.

— Выслушай меня, Умэ,—сказалъ я.—Я не знаю — это фактъ, и Кэзъ, кажется, безсовѣстно надулъ насъ обоихъ. Теперь я знаю и не сержусь. Я черезчуръ сильно люблю тебя. Не уходи, не оставляй меня, у меня большое горе.

— Вы меня не любите, вы говорили мнѣ худыя слова,—воскликнула она и, бросившись на полъ, начала плакать.

Я не ученый, но не вчера родился, и подумалъ, что худшее миновало. Она лежала, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, потрясаемая рыданіями, какъ ребенокъ, такъ что даже ноги подпрыгивали. Странно, какъ это трогаетъ человѣка, когда онъ влюбленъ. Тутъ ужъ нечего ломаться, что, молъ, она жалкая «канака» и прочее,—я былъ влюбленъ въ нее или почти влюбленъ. Я попытался взять ея руку—она не позволила.

— Смысла нѣтъ такъ плакать, Умэ!—сказалъ я.—Я желаю, чтобъ ты оставалась здѣсь... Мнѣ нужна моя женушка... Я говорю правду.

— Говорите неправду,—рыдала она.

— Хорошо! Я подожду, пока съ тобой пройдетъ,—сказалъ я, сѣлъ рядомъ съ нею на полъ и сталъ гладить ее по волосамъ. Она сначала отшатнулась, потомъ будто перестала замѣчать меня, затѣмъ рыданья постепенно стихали и прекратились, послѣ чего она повернулась ко мнѣ и подняла голову.

— Вы говорите правду? Вы меня любите?—спросила она.

— Ты, Умэ, для меня дороже копры всего Южнаго океана,—сказалъ я. Это было черезчуръ сильно сказано, но самое странное это то, что я это думалъ.

Она обняла меня, прижалась ко мнѣ лицомъ—такъ цѣлуются на островахъ—и смочила меня своими слезами. Сердце мое отдалось ей всецѣло. Никогда никто не былъ мнѣ ближе этой темнокожей дѣвушки. Все вмѣстѣ взятое вскружило мнѣ голову. Она была достаточно мила, чтобы ее хотѣлось съѣсть. Она, казалось, была моимъ единственнымъ другомъ въ этомъ странномъ мѣстѣ, и мнѣ стало стыдно, что я такъ грубо говорилъ съ нею; она женщина, жена моя, кромѣ того, ребенокъ. Мнѣ было горько за нее, и я чувствовалъ во рту соль ея слезъ. Я забылъ и Кэза, и туземцевъ; забылъ, что ничего не узналъ объ исторіи, а если и вспомнилъ, то лишь для того, чтобы изгнать воспоминаніе; за-

былъ, что не добыть мнѣ копры, и такимъ образомъ нечѣмъ будетъ жить; забылъ своихъ хозяевъ и странную услугу, оказанную имъ мною, когда я предпочелъ ихъ дѣлу свой личный капризъ; забылъ даже, что Умэ была не настоящая жена, а просто обольщенная дѣвушка, и обольщенная достаточно гнусно. Но это значитъ забѣгать черезчуръ далеко впередъ. Я дойду до этой части потомъ.

Было уже поздно, когда мы вспомнили объ обѣдѣ. Печь погасла и остыла. Мы снова растопили ее, и каждый готовилъ свое блюдо, помогая и мѣшая другъ другу, устроивъ изъ этого игру, какъ дѣти. Я такъ жаждалъ ея близости, что за обѣдомъ посадилъ ее себѣ на колѣни и, придерживая ее одною рукою, ѣлъ другою. Я сдѣлалъ большее: она была, вѣроятно, самою худшею изъ созданныхъ Богомъ кухарокъ, и отъ блюда, къ которому она прикладывала руки, вѣроятно, стошнило бы порядочную лошадь, а я угощался въ этотъ день стряпней Умэ, и былъ какъ нельзя довольнѣе.

Я не притворялся ни передъ нею, ни передъ самимъ собою. Я понималъ, что совершенно погибъ, и она могла одурачить меня, если бы хотѣла. Это-то, вѣроятно, и побудило ее разговориться. Она повѣрила, что мы друзья. Сидя у меня на колѣняхъ и кушая мое блюдо, въ то время, какъ я, дурачась, ѣлъ ея, она разсказала мнѣ очень многое о себѣ, о своей матери, о Кэзѣ. Все это было бы очень утомительно и составило бы цѣлую брошюру, если бы я изложилъ разсказъ на ломаномъ туземномъ языкѣ; но я разскажу вкратцѣ по-англійски одно обстоятельство, близко меня касающееся, какъ вы скоро увидите.

Она родилась на одномъ изъ пограничныхъ острововъ, прожила въ тѣхъ мѣстахъ только года два-три съ бѣлымъ человѣкомъ, который былъ женатъ на ея матери и умеръ. Въ Фалезѣ онѣ живутъ только годъ. До этого времени онѣ большею частью переѣзжали съ мѣста на мѣсто за бѣлымъ человѣкомъ, бывшимъ однимъ изъ тѣхъ перекати-поле, которые гоняются за легкой наживой, толкуютъ о поискахъ золота, основываясь на радужныхъ надеждахъ; если человѣкъ хочетъ такого дѣла, которое ему хватитъ на всю жизнь, пусть откажется отъ погони за легкой наживой. Тутъ надо и поѣсть, и выпить; имъ давай и пиво, и кегли; вы никогда не услышите, чтобы они умирали съ голода, и рѣдко увидите ихъ трезвыми; что же касается постояннаго спорта, нѣ-

тушій бой тутъ не то, что въ провинціи. Какъ бы ни было, этотъ пройдоха всюду таскалъ за собой жену и дочь, но большею частью по такимъ, стоящимъ особнякомъ, островамъ, гдѣ не было полиціи, и гдѣ онъ надѣялся на легкую наживу. У меня былъ собственный взглядъ на этого старика, но я былъ очень доволенъ, что онъ уберегъ Умэ отъ Апіи, Папеете и блестящихъ городовъ. Наконецъ, онъ наткнулся на этотъ островъ, открылъ— Господь его вѣдаетъ какъ—какую-то торговлю, по обыкновенію все время пьянствовалъ и умеръ, ничего не оставивъ, кромѣ клочка земли на Фалезѣ, полученнаго имъ за долгъ. Это-то и побудило мать и дочь пріѣхать и поселиться тамъ. Кэзъ, кажется, покровительствовалъ имъ, насколько могъ, и помогъ имъ построить домъ. Онъ былъ въ то время очень добрый, давалъ Умэ работу и, несомнѣнно, имѣлъ на нее виды съ самаго начала. Только-что они успѣли устроиться, подвернулся молодой человѣкъ—туземецъ, хотѣвшій жениться на ней. Онъ былъ незначительный старшина, у него было въ семьѣ нѣсколько прекрасныхъ матовъ и старыхъ пѣсенъ, и самъ онъ былъ «очень милъ», по словамъ Умэ; словомъ, въ общемъ это была удивительная партія для бѣдной дѣвушки и, притомъ, не островитянки. При первомъ словѣ объ этомъ я вдругъ почувствовалъ тоску ревности.

— Ты хочешь сказать, что вышла бы за него замужъ?—воскликнулъ я.

— Іое, да,—сказалъ она.—Я очень его любила!

— Хорошо! Ну, а вдругъ я пріѣхалъ бы послѣ?

— Васъ я теперь еще больше люблю,—сказала она.—Положимъ, я вышла за Іоне, я хорошая жена. Я не простая канака. Хорошая дѣвушка!—сказала она.

Мнѣ оставалось довольствоваться и этимъ. Но увѣряю васъ, что дѣло это меня ни капельки не интересовало. Конецъ исторіи мнѣ понравился не больше начала, потому что этотъ самый предполагаемый бракъ и былъ причиной всѣхъ бѣдъ. Кажется, до этого на Умэ и ея мать хотя и смотрѣли свысока, какъ на бѣдняковъ и чужеземокъ, но не обижали. Даже при появленіи Іоне общество волновалось менѣе, чѣмъ можно было ожидать. Потомъ вдругъ, мѣсяцевъ за шесть до моего пріѣзда, Іоне покинулъ ее и уѣхалъ. Съ того самаго дня до настоящаго времени Умэ и ея мать оказались совершенно одинокими: никто къ нимъ не заходилъ, никто не разговаривалъ. Придутъ въ церковь—другія жен-

щины отодвигаютъ отъ нихъ свои маты и оставляютъ ихъ изолированными. Это было настоящее отлученіе, какъ бывало въ средніе вѣка. Причины этого и смысла никто не зналъ. «Вѣроятно, какая-нибудь «Тала-пепело»,—сказала Умэ, — какая-нибудь ложь, какая-нибудь клевета». Умэ знала только, что дѣвушки, завидовавшія ея счастью съ Іоне, упрекали ее за его бѣгство и, встрѣчая ее въ лѣсу, кричали ей, что она никогда не выйдетъ замужъ. «Онѣ говорили мнѣ, что нѣтъ человѣка, который на мнѣ женится. Онъ очень боится»,—сказала она.

Только одна душа и заходила къ нимъ послѣ этого—мастеръ Кэзъ, но и онъ остерегался, и если бывалъ, то только по вечерамъ. Вскорѣ онъ открылъ свои карты, т. е. сталъ ухаживать за Умэ. Я былъ недоволенъ и по поводу Іоне, но когда въ дѣло вмѣшался Кэзъ, я рѣзко перебилъ ее.

— Что же, ты и Кэза тоже находила «очень милымъ»,—спросилъ я съ презрѣніемъ.—Его тоже «очень любила?»

— Вы говорите глупости,—отвѣтила она.—Бѣлый человѣкъ приходитъ, я выхожу за него все равно, какъ за канака, а онъ женится на мнѣ, какъ на бѣлой. Положимъ, онъ не женится, уйдетъ прочь, женщину онъ оставитъ. Онъ все равно, какъ воръ—только обѣщаетъ... Лживое сердце—не могу любить! Вы женились на мнѣ. У васъ большое сердце—вы не стыдитесь островитянки. За это я васъ очень люблю. Я горда.

Не знаю, чувствовалъ ли я себя когда-либо въ жизни отвратительнѣе. Я положилъ вилку, отстранилъ «островитянку» и началъ ходить по комнатѣ. Умэ слѣдила за мной глазами, потому что была встревожена. Нисколько не удивительно! Слово «встревоженъ» ко мнѣ не подходило. Мнѣ такъ хотѣлось, и я такъ боялся очистить свою душу отъ грязи, въ какой она обрѣталась.

Въ этотъ моментъ донесся съ моря звукъ пѣнія. Онъ прозвучалъ близко и отчетливо, когда лодка обогнула мысъ, и Умэ, подбѣжавъ къ окну, крикнула, что это объѣзжаетъ «мисси».

Странно, что я обрадовался миссіонеру; но какъ это ни странно, а это было вѣрно.

— Останься, Умэ, въ этой комнатѣ и не трогайся съ мѣста до моего возвращенія,—сказалъ я.

III. Миссіонеръ.

Когда я вышелъ на веранду, миссіонерская лодка входила въ устье рѣки. Это былъ длинный вельботъ, окрашенный въ бѣлый цвѣтъ, съ небольшимъ наметомъ у кормы. Туземецъ-пасторъ сидѣлъ у кормы, управляя рулемъ. Двадцать четыре весла сверкали и погружались въ тактъ пѣсни, которую запѣвалъ стоявшій подъ навѣсомъ миссіонеръ въ бѣлой одеждѣ, съ книгою въ рукѣ. Это ласкало и зрѣніе, и слухъ. На островахъ нѣтъ картины красивѣе миссіонерской лодки, съ хорошимъ экипажемъ и хорошими голосами. Я съ полминуты любовался ею, отчасти съ завистью, быть можетъ, а затѣмъ направился къ рѣкѣ.

Къ тому же мѣсту стремился съ противоположнаго берега другой человѣкъ; но онъ бѣжалъ и попалъ первымъ. То былъ Кэзъ. Онъ, несомнѣнно, имѣлъ цѣлью отстранить меня отъ миссіонера, который могъ бы послужить мнѣ посредникомъ. Но я думалъ совсѣмъ о другомъ. Я думалъ о томъ, какъ онъ надулъ насъ относительно брака, и пытался наложить руку на Умэ до этого, и одинъ его видъ привелъ меня въ бѣшенство.

— Прочь отсюда, подлый негодяй!—крикнулъ я ему.

— Что вы сказали?—спросилъ онъ.

Я повторилъ свои слова, приправивъ ихъ проклятіемъ.

— Если я когда-нибудь поймаю васъ на разстояніи шести саженъ отъ моего дома, я пущу пулю въ вашу прыщавую рожу.

— У себя въ домѣ можете дѣлать, что угодно,—сказалъ онъ.—Я и не думаю туда итти; а здѣсь мѣсто общественное.

— Это такое мѣсто, гдѣ я имѣю частное дѣло,—сказалъ я,—и не желаю, чтобы меня подслушивала такая собака, какъ вы. Предупреждаю васъ—убирайтесь.

— Не принимаю вашего предупрежденія,—отвѣтилъ Кэзъ.

— Такъ я вамъ покажу,—сказалъ я.

— Посмотримъ,—сказалъ онъ.

Онъ былъ ловокъ на руку, но не обладалъ ни ростомъ, ни силою, и въ сравненіи со мною это было хрупкое созданіе. Кромѣ того, я дошелъ до высшаго предѣла бѣшенства и готовъ былъ грызть желѣзо. Я хватилъ его разъ-другой такъ, что у него голова затрещала, и онъ свалился.

— Довольно съ васъ? — спросилъ я. Онъ смотрѣлъ весь

— Довольно съ васъ?—крикнулъ я.

блѣдный, смущенный, и кровь текла по его лицу, точно вино сквозь салфетку.—Ну, что? Довольно съ васъ?—крикнулъ я снова.—Отвѣчайте! И нечего тутъ валяться, а не то я начну васъ пинать ногами.

Онъ сѣлъ, поддерживая голову—видно было, что она у него кружится, а кровь текла на его куртку.

— На этотъ разъ довольно,—сказалъ онъ. И, поднявшись, шатаясь, побрелъ тою же дорогою, по которой пришелъ.

Лодка причалила къ берегу. Я видѣлъ, что миссіонеръ сложилъ книгу и спряталъ ее. «Пойметъ, по крайней мѣрѣ, что я за человѣкъ», подумалъ я, смѣясь про себя.

За долгіе годы жизни на Тихомъ океанѣ это былъ мой первый обмѣнъ словъ съ миссіонеромъ, не говоря уже о просьбѣ объ одолженіи. Я ихъ не долюбливалъ—ни одинъ коммерсантъ ихъ не жалуетъ. Они смотрятъ на насъ свысока и не стараются даже скрыть это; кромѣ того, они быстро оканакизируются и сходятся ближе скорѣе съ туземцами, чѣмъ съ такими же бѣлыми, какъ они сами. На мнѣ была нарядная полосатая куртка, я, конечно, одѣлся прилично, отправляясь къ старшинамъ, но готовъ былъ пустить камнемъ въ миссіонера, когда увидѣлъ его въ настоящемъ мундирѣ изъ грубой бѣлой парусины, въ шлемѣ, бѣлой рубашкѣ и желтыхъ сапогахъ. Когда онъ подошелъ ближе, съ любопытствомъ посматривая на меня (изъ-за драки, надо полагать), я замѣтилъ, что онъ смертельно боленъ, и дѣйствительно, у него былъ только что сильный пароксизмъ лихорадки на лодкѣ.

— М-ръ Терльтонъ, если не ошибаюсь?—спросилъ я, такъ какъ узналъ его имя.

— А вы, должно быть, новый торговецъ?—сказалъ онъ.

— Прежде всего я долженъ вамъ сказать, что я не сторонникъ миссіонеровъ,—сказалъ я,—и нахожу, что вы и вся братія ваша причиняете большой вредъ, пичкая туземцевъ бабьими розсказнями и всякимъ вздоромъ.

— Вы въ правѣ думать все, что вамъ угодно,—возразилъ онъ нѣсколько съ сердцемъ,—но я вовсе не обязанъ выслушивать ваши мнѣнія.

— Вышло такъ, что вамъ пришлось ихъ выслушать,—отвѣтилъ я.—Самъ я не миссіонеръ и не поклонникъ ихъ; я—купецъ, самый заурядный, Богомъ отверженный, низкорожденный

бѣлолицый и британскій подданный изъ тѣхъ, которыхъ вы съ удовольствіемъ стерли бы съ лица земли. Ясно, надѣюсь!

— Да, любезный. Это скорѣе ясно, чѣмъ прилично,—замѣтилъ онъ.—Когда вы протрезвитесь, вы пожалѣете объ этомъ.

Онъ хотѣлъ было пройти, но я остановилъ его. Канаки начали ворчать. Должно быть, имъ не понравился мой тонъ, потому что я разговаривалъ съ этимъ человѣкомъ такъ же свободно, какъ разговаривалъ бы съ вами.

— Теперь вы не можете сказать, что я васъ обманулъ,—сказалъ я,—и я могу продолжать. Мнѣ нужна услуга... Мнѣ въ дѣйствительности нужны двѣ услуги, и если вы потрудитесь оказать мнѣ ихъ, я, можетъ быть, пріобрѣту большее уваженіе къ тому, что вы называете вашимъ христіанствомъ.

Онъ помолчалъ минутку, потомъ улыбнулся.

— Странный вы человѣкъ,—сказалъ онъ.

— Я таковъ, какимъ Богъ сотворилъ меня,—отвѣтилъ я.—Я себя за джентльмена и не выдаю.

— Я не вполнѣ этому вѣрю,—сказалъ онъ.—Что же я могу для васъ сдѣлать, м-ръ...

— Уильтшайръ, — подсказалъ я. — Хотя меня большею частью зовутъ Уилширъ, но пишется Уильтшайръ, и такъ и выговаривается, когда туземцамъ удается справиться со своимъ языкомъ. Что мнѣ нужно? Я сейчасъ скажу вамъ первое. Я—то, что вы называете—грѣшникъ, а я называю «дрянь», и желаю, чтобы вы помогли мнѣ уладить дѣло съ одной особой, которую я обманулъ.

Онъ обернулся къ матросамъ и сказалъ имъ что-то по-капакски.

— Я къ вашимъ услугамъ,—сказалъ онъ,—но только на время обѣда моихъ матросовъ. Я долженъ ѣхать гораздо дальше внизъ по берегу до наступленія вечера. Мнѣ пришлось пробыть до утра въ Папа-Малула, а меня завтра вечеромъ ждутъ въ Фалэ-аліи.

Я молча повелъ его къ себѣ и былъ очень доволенъ собой за разговоръ, потому что я люблю, когда человѣкъ сохраняетъ чувство самоуваженія.

— Меня очень огорчила ваша борьба,—сказалъ онъ.

— О, это часть исторіи, которую я желаю вамъ разска-

зать,—сказалъ я.—Это услуга номеръ второй. Когда вы услышите ее, вы скажете мнѣ, огорчены вы или нѣтъ.

Мы вошли прямо черезъ магазинъ, и я былъ удивленъ, что Умэ прибрала обѣденныя принадлежности. Это было такъ непохоже на ея привычки, что я увидѣлъ, что она это сдѣлала изъ благодарности, и полюбилъ ее еще больше. Она и м-ръ Терльтонъ назвали другъ друга по имени, и онъ былъ съ нею на видъ очень вѣжливъ. Но я объ этомъ не думалъ. Они всегда бываютъ вѣжливы съ канаками и только съ нами, бѣлыми, разыгрываютъ господъ; а кромѣ того я до сихъ поръ не очень-то нуждался въ Терльтонахъ. Я собирался исправить свою ошибку.

— Дай-ка, Умэ, наше брачное свидѣтельство,—сказалъ я. Она опѣшила.—Полно! Ты можешь мнѣ повѣрить. Достань его.

Оно, по обыкновенію, было при ней. Она, навѣрно, считала его пропускомъ въ рай и думала, что если она умретъ, отдавши его, то попадетъ въ адъ. Я не видѣлъ, куда она его спрятала въ первый разъ, и не видѣлъ теперь, откуда она его вытащила—оно точно прыгнуло ей въ руку, вродѣ фокусовъ Блавацкой въ газетахъ. Но всѣ островитянки это умѣютъ, и я думаю, что онѣ учатся съ дѣтства. Я взялъ у нея свидѣтельство.

— Меня, видите ли, обвѣнчалъ съ этой дѣвушкой Черный Джекъ,—сказалъ я.—Свидѣтельство составлено и написано Кэзомъ; оно представляетъ собою шикарное литературное произведеніе, честное слово! Съ той поры я замѣтилъ, что тутъ возбуждены противъ жены и противъ меня, и что, пока я буду жить съ нею, торговли мнѣ вести нельзя. Что сдѣлалъ бы другой человѣкъ на моемъ мѣстѣ?—спросилъ я.—Прежде всего онъ, вѣроятно, поступилъ бы такъ...

Я изорвалъ свидѣтельство и бросилъ его на полъ.

— Ауэ (увы)!—вскрикнула Умэ и всплеснула руками.

— А, во-вторыхъ,—продолжалъ я, взявъ ее за руку,—если онъ былъ бы тѣмъ, что я называю человѣкомъ, и кого вы назвали бы человѣкомъ, м-ръ Терльтонъ,—онъ привелъ бы дѣвушку къ вамъ или къ другому какому-нибудь миссіонеру и сказалъ бы: «Я неправильно женился на этой женщинѣ, но я отношусь къ ней съ большимъ уваженіемъ и хочу жениться на ней по-настоящему». Устройте это, м-ръ Терльтонъ. И пожалуй лучше будетъ, если вы сдѣлаете это на туземномъ языкѣ, потому

что это будетъ пріятно моей супругѣ,—сказалъ я, назвавъ ее сейчасъ же настоящимъ именемъ жены человѣка.

Такимъ образомъ насъ сочетали бракомъ въ нашемъ собственномъ домѣ въ присутствіи двухъ матросовъ въ качествѣ свидѣтелей. Пасторъ молился довольно долго, хотя не такъ долго, какъ нѣкоторые, и пожалъ намъ обоимъ руки.

— М-ръ Уильтшайръ,—сказалъ онъ, окончивъ обрядъ и выпроводивъ свидѣтелей,—позвольте мнѣ поблагодарить за доставленное мнѣ живѣйшее удовольствіе. Рѣдко совершалъ я брачную церемонію съ большимъ душевнымъ волненіемъ.

Это называется разговаривать! Онъ еще много говорилъ по этому поводу, и я готовъ былъ выслушать всѣ, имѣющіяся у него въ запасѣ, сладкія рѣчи, такъ какъ чувствовалъ себя отлично; но Умэ была чѣмъ-то озабочена во время вѣнчанія и прямо спросила:

— Какъ это вы ушибли руку?

— Спросите голову Кэза, любезная супруга,—отвѣтилъ я.

Она завизжала и запрыгала отъ радости.

— Не особенную-то христіанку вы сдѣлали изъ этой,—замѣтилъ я м-ру Терльтону.

— Мы не считали ее одной изъ худшихъ,—возразилъ онъ,—въ то время, какъ она жила въ Фалэ-аліи, и если Умэ питаетъ злобу, то я склоненъ думать, что у нея есть серьезная причина.

— Вотъ мы и добрались до одолженія номеръ второй,—сказалъ я.—Я вамъ разскажу нашу исторію и посмотрю, не сможете ли вы нѣсколько разъяснить ее.

— Длинная исторія?—спросилъ онъ.

— Да, хорошенькій разсказецъ!—воскликнулъ я.

— Хорошо. Я пожертвую вамъ все находящееся въ моемъ распоряженіи время,—сказалъ онъ, взглянувъ на часы.—Но, скажу вамъ откровенно, я съ пяти часовъ утра ничего не ѣлъ, и если вы не можете накормить меня чѣмъ-нибудь, то мнѣ, пожалуй, не придется поѣсть раньше семи-восьми часовъ вечера.

— Мы угостимъ васъ обѣдомъ, клянусь Богомъ!—воскликнулъ я.

Я нѣсколько попался со своей клятвой, когда дошло до дѣла; попался также и миссіонеръ, надо полагать, хотя онъ поблагодарилъ насъ и сдѣлалъ видъ, что смотритъ въ окно.

Мы на скорую руку приготовили ему угощеніе. Мнѣ при-

шлось поручить хозяйкѣ принять для виду участіе въ этомъ дѣлѣ, и ей же я предоставилъ приготовленіе чая. Врядъ ли когда приходилось мнѣ пить такой чай, какой вышелъ у нея. Это было не самымъ худшимъ, потому что она, считая соль extra европейскимъ вкусомъ, превратила мое тушеное мясо въ морскую воду. М-ръ Терльтонъ получилъ изъ него обѣдъ, сильно приправленный перцемъ, но зато его все время занимали разговоромъ. Во время приготовленія обѣда и послѣ, когда онъ притворялся, что ѣстъ, я разсказывалъ ему о Кэзѣ, о берегѣ Фалеза, и предлагаемые имъ вопросы показывали, что онъ слѣдитъ за разсказомъ.

— Боюсь, что у васъ опасный врагъ,—сказалъ онъ, наконецъ.—Кэзъ очень уменъ и, кажется, дѣйствительно золъ. Надо вамъ сказать, что я около года слѣдилъ за нимъ и вынесъ самое скверное впечатлѣніе изъ нашихъ встрѣчъ. Около того времени, когда послѣдній представитель вашей фирмы такъ неожиданно бѣжалъ отсюда, я получилъ отъ Нему, туземнаго пастора, письмо съ просьбою пріѣхать при первомъ удобномъ случаѣ въ Фалеза, такъ какъ вся его паства приняла католичество. Я вполнѣ довѣряю Нему, но боялся показать, какъ легко насъ было обмануть. Всякій, слушая его проповѣди, убѣдился бы, что это удивительно талантливый человѣкъ. Всѣ островитяне легко пріобрѣтаютъ нѣкоторое краснорѣчіе и умѣютъ освѣтить энергіей и фантазіей полученныя ими изъ вторыхъ рукъ проповѣди. Проповѣди же Нему принадлежали лично ему, и я не могу отрицать, что нашелъ ихъ довольно изящными. Сверхъ того, онъ интересовался и мірскими дѣлами, не боялся труда (онъ хорошій плотникъ) и сумѣлъ завоевать большое уваженіе среди сосѣднихъ пасторовъ, такъ что мы полушутя, полусерьезно прозвали его епископомъ Востока. Однимъ словомъ, я гордился этимъ человѣкомъ. Смущенный его письмомъ, я воспользовался случаемъ и пріѣхалъ сюда. Утромъ, до моего пріѣзда, Вигуръ былъ отправленъ на судно «Лайонъ». Нему былъ въ отличномъ настроеніи, повидимому, стыдился своего письма и совершенно не желалъ объяснить его. Этого, конечно, я допустить не могъ, и онъ, наконецъ, признался, что его смутило то, что его прихожане крестятся, но съ тѣхъ поръ, какъ ему объяснили значеніе крестнаго знаменія, онъ успокоился, потому что у Вигура былъ «дурной глазъ»—вещь обыкновенная въ одномъ европейскомъ государствѣ, называемомъ Италіей, гдѣ такого рода дьявольскій глазъ часто поражаетъ людей

смерть, а крестное знаменіе есть заклинаніе противъ его силы.

«— Я, Мисси, объясняю такъ,—сказалъ Нему.—Европейское государство—государство папы, и дьяволъ «Дурной Глазъ» можетъ быть дьяволомъ католическимъ или, по крайней мѣрѣ, обычаи у него католическіе. Я и разсудилъ: если употреблять крестное знаменіе на католическій ладъ—это будетъ грѣшно; а если прибѣгать къ нему только, чтобы защитить людей отъ дьявола, что само по себѣ безвредно, то и самое крестное знаменіе безвредно. Какъ бутылка, въ которой нѣтъ ни хорошаго, ни дурного, такъ крестное знаменіе ни хорошо, ни дурно. Если бутылка полна джиномъ—дуренъ джинъ, и если дѣлать крестное знамя, какъ язычникъ,—дурно язычество.—И, какъ подобаетъ туземному пастору, онъ привелъ текстъ объ изгнаніи бѣсовъ.

«— Кто вамъ сказалъ о «Дурномъ Глазѣ»?—спросилъ я его

«Онъ признался, что ему сказалъ Кэзъ. Боюсь, что вы сочтете меня ограниченнымъ, м-ръ Уильтшайръ, но, признаюсь, меня это огорчило. Я не допускаю мысли, чтобы купецъ, какимъ бы онъ хорошимъ человѣкомъ ни былъ, могъ совѣтовать или имѣть вліяніе на моихъ пасторовъ. Кромѣ того, ходили слухи о старомъ Адамсѣ, о его отравленіи, чему я не придавалъ большого значенія, а въ эту минуту я припомнилъ ихъ.

«— А этотъ Кэзъ,—говорю,—праведную жизнь ведетъ?

«Онъ признался, что нѣтъ, потому что онъ хотя и не пьетъ, но развратничаетъ съ женщинами и религіи не имѣетъ.

— Въ такомъ случаѣ,—говорю,—я думаю, что чѣмъ меньше вы будете съ нимъ, тѣмъ лучше.

«Но не такъ-то легко было отдѣлаться отъ такого человѣка, какъ Нему. У него сію же минуту была готова картина.

«— Вы, Мисси, разсказывали, что бываютъ люди—не пасторы, не священники,—которые знаютъ много такого, что полезно знать: о деревьяхъ, напримѣръ, о животныхъ, о книгопечатаніи, о металлахъ, которые обжигаютъ для выдѣлки изъ нихъ ножей. Такіе люди учили васъ въ вашемъ колледжѣ, и вы, научившись отъ нихъ, не можете считать, что учиться грѣшно. Кэзъ, Мисси, это мой колледжъ.

«Я не нашелся, что ему сказать на это. Вигуру пришлось уѣхать изъ Фалезы, очевидно, по проискамъ Кэза при весьма вѣроятномъ соучастіи моего пастора. Я вспомнилъ, что Нему же

успокоилъ меня относительно Адамса и приписалъ слухи злобѣ патера. Я понялъ, что мнѣ слѣдуетъ навести справки изъ безпристрастнаго источника. Есть здѣсь старый плутъ старшина Фейесо, котораго вы, вѣроятно, видѣли сегодня на совѣтѣ; онъ всю свою жизнь былъ безпокойнымъ и пройдохой и колючкой для миссіи и острова. Но, несмотря на это, онъ весьма проницателенъ и, исключая политики и личныхъ проступковъ, правдивъ. Я пошелъ къ нему, разсказалъ ему, что слышалъ, и просилъ его быть откровеннымъ. Я не думаю, чтобы мнѣ когда-нибудь пришлось имѣть болѣе непріятное свиданіе. Вы, быть можетъ, поймете меня, м-ръ Уильтшайръ, если я вамъ скажу, что отношусь совершенно серьезно къ сказкамъ старыхъ бабъ, которыя вы мнѣ поставили въ упрекъ, и такъ же забочусь о благѣ этихъ острововъ, какъ заботитесь вы о покровительствѣ вашей миленькой жены. Припомните, что я считалъ Нему образцомъ, что я гордился имъ, какъ первымъ зрѣлымъ плодомъ миссіи. И вотъ мнѣ говорятъ, что онъ подпалъ подъ вліяніе Кэза. Начало его не было развращающимъ; оно началось, несомнѣнно, со страха и уваженія, вызванныхъ плутовствомъ и притворствомъ; но меня возмутило, что сюда примѣшался другой элементъ, что Нему самъ вздумалъ заниматься торговлей и сильно задолжалъ Кэзу. Съ трепетомъ слушалъ онъ все, что говорилъ ему купецъ; что не только онъ одинъ, но многіе въ селеніи находятся въ подобномъ подчиненіи, хотя наибольшее вліяніе имѣло положеніе Нему, такъ какъ Кэзъ могъ дѣлать наиболѣе зла черезъ Нему, и, имѣя послѣдователей среди старшинъ и пастора въ своей власти, этотъ человѣкъ сталъ чуть не властелиномъ деревни. Вамъ извѣстно кое-что о Вигурѣ и Адамсѣ, но, вѣроятно, не приходилось слышать о предшественникѣ Адамса — Ундерхиллѣ. Это, помню, былъ спокойный, кроткій старикашка. Намъ сообщили о его скоропостижной смерти—бѣлолицые очень часто умираютъ скоропостижно въ Фалезѣ. У меня кровь застыла въ жилахъ, когда я узналъ правду. Его разбилъ параличъ. Все въ немъ умерло, кромѣ одного глаза, которымъ онъ постоянно подмигивалъ. Народъ напугали, что безпомощный старикъ сталъ дьяволомъ, а этотъ негодяй Кэзъ дѣйствовалъ на туземцевъ, притворно раздѣляя страхъ и увѣряя, что не смѣетъ итти къ нему одинъ. Наконецъ, въ концѣ деревни выкопали могилу и похоронили въ

ней живого человѣка. Мой пасторъ Нему, воспитанникъ мой, возносилъ молитвы при этой гнусной сценѣ.

«Я самъ чувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи. Можетъ быть, я обязанъ былъ обвинить Нему и смѣстить его. Можетъ быть, я такъ думаю теперь, но въ то время это казалось менѣе яснымъ. Онъ пользовался большимъ вліяніемъ, оно могло оказаться сильнѣе моего. Туземцы склонны къ суевѣрію, и, возмутивъ ихъ, я, быть можетъ, только поддержалъ и распространилъ бы эти опасныя фантазіи. Нему, кромѣ того, внѣ этого проклятаго вліянія былъ хорошимъ пасторомъ, способнымъ и религіознымъ человѣкомъ. Гдѣ мнѣ взять лучшаго? Какъ найти такого же хорошаго? Въ ту минуту, когда паденіе Нему было только-что обнаружено, весь трудъ моей жизни показался мнѣ насмѣшкой, надежда умерла во мнѣ. Я охотнѣе исправилъ бы дураковъ, находящихся налицо, чѣмъ отправляться на поиски другихъ, которые, навѣрно, окажутся еще хуже. Самое лучшее избѣгнуть скандала, если это только возможно. Справедливо или несправедливо, я рѣшилъ покончить дѣло мирнымъ путемъ. Всю ночь я бесѣдовалъ съ заблуждающимся пасторомъ, укорялъ его въ невѣжественности и недостаткѣ вѣры, въ непристойности его поступка, въ грубомъ содѣйствіи убійству, въ наивномъ возбужденіи изъ-за пустяковъ. Задолго до разсвѣта онъ уже стоялъ на колѣняхъ и заливался горючими слезами, повидимому, искренняго раскаянія. Въ воскресенье утромъ я съ каѳедры сказалъ проповѣдь о первыхъ царяхъ, о вспыльчивости, о землетрясеніяхъ, о голосѣ, отличающемъ истинную духовную силу, и упомянулъ, насколько могъ откровенно, о послѣднемъ событіи въ Фалезѣ. Эффектъ получился сильный, но онъ еще возросъ, когда Нему, въ свою очередь, взошелъ на каѳедру и сознался, что въ немъ недостаетъ вѣры и умѣнія руководить, и призналъ свой грѣхъ. Пока все шло хорошо, но тутъ примѣшалось одно несчастное обстоятельство. Приближалось время нашего, здѣшняго «мая», когда туземцы вносятъ миссіонерскія подати. Мнѣ выпала на долю обязанность упомянуть объ этомъ, что дало моему врагу шансъ, которымъ онъ не замедлилъ воспользоваться.

«Весь ходъ дѣла былъ сообщенъ Кэзу сейчасъ же по окончаніи службы, и онъ въ полдень улучилъ случай встрѣтиться со мною среди деревни. Онъ шелъ съ такимъ рѣшительнымъ враждебнымъ видомъ, что я почувствовалъ неудобство избѣгнуть его.

«— Вотъ святой человѣкъ! — сказалъ онъ на туземномъ языкѣ.—Онъ проповѣдывалъ противъ меня, но этого не было въ сердцѣ его. Онъ проповѣдывалъ о любви къ Богу, но это было у него только на языкѣ, а не въ сердцѣ его. Хотите знать, что было въ сердцѣ его?—крикнулъ онъ.—Я вамъ покажу!—И, проведя рукой по моей головѣ, онъ сдѣлалъ видъ, что поймалъ долларъ и поднялъ его на воздухъ.

«Въ толпѣ поднялся тотъ шумъ, какимъ полинезійцы встрѣчаютъ чудо.

«Что до меня касается, я былъ озадаченъ. Это былъ самый заурядный фокусъ, который я двадцать разъ видѣлъ на родинѣ; но какъ убѣдить въ этомъ поселянъ? Я пожалѣлъ, что не учился фокусамъ вмѣсто еврейскаго языка, чтобы имѣть возможность отплатить этому плуту его же монетою. Молчать было нельзя, но лучшее, что я нашелъ сказать, было слабо.

«— Я побезпокою васъ просьбою не дотрагиваться до меня,— сказалъ я.

«— Я и не думаю,—отвѣтилъ онъ,—и не желаю лишать васъ вашихъ долларовъ. Вотъ онъ!—сказалъ онъ, швырнувъ долларъ къ моимъ ногамъ.

«Мнѣ говорили, что онъ пролежалъ три дня на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ.

— Я долженъ сказать, что это было ловко сдѣлано,—замѣтилъ я.

— О, онъ уменъ,—сказалъ мистеръ Терльтонъ,—и сами можете судить, насколько опасенъ. Онъ былъ виновникомъ ужасной смерти разбитаго параличемъ, его обвиняютъ въ отравленіи Адамса, онъ выжилъ отсюда Вигура ложью, которая могла довести до убійства, и внѣ всякаго сомнѣнія порѣшилъ отдѣлаться отъ васъ. Какимъ образомъ онъ думаетъ это сдѣлать, намъ не угадать, только, будьте увѣрены, это что-нибудь новое. Его изобрѣтательности и находчивости конца нѣтъ.

— Онъ самъ какъ будто боится,—сказалъ я.—Но чего же въ концѣ концовъ?

— А сколько тоннъ копры можно добыть въ этомъ участкѣ?—спросилъ миссіонеръ.

— Пожалуй, тоннъ шестьдесятъ,—сказалъ я.

— Какой барышъ для мѣстнаго торговца?—спросилъ онъ.

— Можете считать три фунта,—сказалъ я.

— Ну, и разсчитайте, сколько онъ получитъ, — сказалъ мистеръ Терльтонъ.—Но гораздо важнѣе разстроить его замыслы. Онъ, очевидно, распустилъ какіе-нибудь слухи про Умэ, чтобы изолировать ее и удовлетворить свое беззаконное желаніе. Потерпѣвъ неудачу и видя появленіе на сцену новаго соперника, онъ воспользовался ею иначе. Теперь нужно прежде всего узнать относительно Нему. Умэ, какъ поступилъ Нему, когда люди отступились отъ васъ и вашей матери?

— Ушелъ прочь,—отвѣтила Умэ.

— Боюсь, какъ бы онъ снова не принялся за старое,—сказалъ мистеръ Терльтонъ.—Что я могу для васъ сдѣлать? Я поговорю съ Нему, предупрежу его, что за нимъ наблюдаютъ. Будетъ очень странно, если онъ допуститъ что-либо, когда ему велѣли быть на-сторожѣ. Въ то же время предупрежденіе можетъ не удаться, и тогда вамъ нужно обратиться къ кому-нибудь другому. У васъ имѣется подъ рукою двое, къ которымъ вы можете обратиться: во-первыхъ, патеръ, который можетъ защитить васъ въ интересахъ католицизма; католиковъ здѣсь очень мало, но въ ихъ числѣ двое старшинъ, а затѣмъ старикъ Фейезо. Будь это нѣсколько лѣтъ назадъ, вамъ никого бы не надо было, кромѣ его; но въ настоящее время его вліяніе значительно ослабло, перешло въ руки Міа, а Міа, боюсь, не изъ шакаловъ ли Кэза. Наконецъ, если дѣло приметъ худшій оборотъ, пришлите кого-нибудь или пріѣзжайте сами въ Фалэ-аліи, и хотя я не долженъ быть въ этой части острова раньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, я посмотрю, что можно будетъ сдѣлать.

Такъ простился мистеръ Терльтонъ. Полчаса спустя въ лодкѣ миссіонера пѣли матросы, и свержали весла.

IV. Дьявольская работа.

Прошло около мѣсяца, и сдѣлано было немного. Въ вечеръ нашей свадьбы къ намъ зашелъ Галошъ; онъ былъ чрезвычайно любезенъ, и съ тѣхъ поръ у него вошло въ привычку заглядывать къ намъ, когда стемнѣетъ, и выкуривать свою трубку. Онъ, конечно, могъ бесѣдовать съ Умэ и въ то же самое время усердно училъ меня туземному и французскому языкамъ. Онъ представ-

лялъ изъ себя нѣчто вродѣ стараго шута, самаго грязнаго, какого вы только можете себѣ представить, и туманилъ меня иностранными языками хуже башни Вавилонской.

Это было нашимъ развлеченіемъ, и я чувствовалъ себя менѣе одинокимъ, хотя пользы отъ него не было, потому что, несмотря на то, что онъ приходилъ, сидѣлъ, болталъ, въ магазинъ нельзя было заманить ни одного изъ его прихожанъ, и если бы я не принялся за другое занятіе, то въ домѣ не было бы ни фунта копры. У Февао, матери Умэ, было штукъ двадцать производительныхъ деревъ. Работы у насъ, какъ у отверженныхъ, никакой не было, и вотъ мы, обѣ женщины и я, стали выдѣлывать копру собственноручно. Копра такая получалась, что просто слюнки текли, пока ее готовили. Я до тѣхъ поръ не понималъ, какъ надували меня туземцы, пока не изготовилъ четырехсотъ фунтовъ собственными руками; а легка была моя копра до того, что я охотно самъ бы принялся за ея вымочку.

Во время работы канаки забѣгали иногда посмотрѣть на насъ. Какъ-то одинъ разъ пришелъ и Черный Джекъ. Онъ стоялъ среди толпы туземцевъ, хохоталъ, корча веселаго комика и большого барина. Меня это взбѣсило.

— Слушайте, эй вы, Черный Джекъ!—крикнулъ я.

— Не съ вами говорятъ, саа *)!—откликнулся негръ.—Я разговариваю съ джентльменами.

— Я знаю. Да я-то обращаюсь къ вамъ, м-ръ чернокожій,—сказалъ я.—Я желаю знать, видѣли ли вы головное украшеніе, полученное Кэзомъ съ недѣлю тому назадъ.

— Нѣтъ, саа,—отвѣтилъ онъ.

— Прекрасно! Въ такомъ случаѣ, я сейчасъ вамъ покажу его родного брата, только чернокожаго, и покажу черезъ двѣ минуты!

Я сталъ медленно подходить къ нему съ опущенными руками, и только въ моихъ глазахъ отражалось волненіе, если бы кто-нибудь потрудился посмотрѣть на нихъ.

— Вы жалкій, хвастливый трусъ, саа,—сказалъ онъ.

— Увидите!—говорю.

Между тѣмъ, онъ, вѣроятно, подумалъ, что я подошелъ достаточно близко, и такъ началъ улепетывать, что ваше сердце

*) Негры выговариваютъ слово *сэръ* (sir)—*sah*. *Прим. перев.*

порадовалось бы при видѣ его бѣгства. Такъ я больше и не видѣлъ этого презрѣннаго негодяя до той поры, о которой я собираюсь вамъ разсказать.

Однимъ изъ главныхъ моихъ занятій была охота по чемъ попало въ лѣсахъ, богатыхъ всевозможной дичью, какъ говорилъ Кэзъ. Я упоминалъ о мысѣ, отгораживавшемъ съ востока и деревню, и мое жилище. Тропинка вела вдоль него къ ближайшей бухтѣ. Тутъ дулъ ежедневно сильный вѣтеръ, и бурунъ набѣгалъ на берегъ бухты. Небольшой скалистый холмъ раздѣлялъ долину на двѣ части и прилегалъ къ берегу. Приливъ заливалъ его съ наружной стороны, преграждая проходъ. Все это мѣсто было окаймлено лѣсистыми горами. Къ востоку границу составляли покрытыя растительностью крутизны, низшія части которыхъ являлись вдоль моря просто черными утесами, испещренными киноварью; вершины же ихъ состояли изъ глыбъ, поросшихъ большими деревьями. Нѣкоторыя изъ нихъ были ярко-зеленыя, другія красныя, а береговой песокъ черенъ, какъ ваши сапоги. Множество птицъ, нѣкоторыя бѣлоснѣжныя, парило надъ бухтой, и среди бѣла дня летали, скрежеща зубами, вампиры.

Долгое время я ограничивался этой мѣстностью и дальше не шелъ. Другой дороги и признака не было, и кокосовыя пальмы у конца долины были, такимъ образомъ, послѣдними, потому что все «око» острова, какъ называли туземцы его подвѣтренную сторону, было пустынно. Отъ Фалеза вплоть до Папа-малулу не видно было ни дома, ни человѣка, ни посаженнаго плодоноснаго дерева. Каменная гряда удалена, берега отвѣсные, океанъ бушуетъ прямо среди утесовъ,—такое мѣсто едва ли можетъ быть пристанью.

Я долженъ вамъ сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ ходить въ лѣсъ, туземцы, не отваживаясь приближаться къ моему магазину, охотно проводили со мною часть дня тамъ, гдѣ никто не могъ ихъ видѣть. Я ужъ началъ кое-что понимать по-туземному, а большинство изъ нихъ знало нѣсколько англійскихъ словъ, такъ что я могъ поддерживать отрывочный разговоръ, безъ особенной пользы, разумѣется; но у нихъ не было уже такого злобнаго чувства. Пренепріятная вещь быть принятымъ за прокаженнаго.

Разъ, въ концѣ мѣсяца, я сидѣлъ съ однимъ канакомъ у опушки лѣса, выходящаго на востокъ. Я далъ ему вволю табаку,

и мы бесѣдовали, какъ могли. Онъ дѣйствительно зналъ по-англійски больше другихъ.

Я спросилъ,—нѣтъ ли дороги на востокъ?

— Одно время былъ дорога,—сказалъ онъ.—Теперь онъ заглохъ.

— Никто туда не ходитъ?—спрашиваю.

— Нехорошо,—говоритъ,—очень много дьяволовъ живетъ тамъ.

— Ого!—говорю.—Такъ этотъ лѣсъ полонъ дьяволовъ?

— Мужчина—дьяволъ, женщина — дьяволъ, очень много дьяволовъ. Все время тамъ. Человѣкъ онъ пойдетъ туда, онъ не придетъ назадъ,—сказалъ мой пріятель.

Я подумалъ: «Если человѣкъ такъ хорошо освѣдомленъ о дьяволахъ и такъ свободно говоритъ о нихъ, то не мѣшаетъ выудить кое-какія свѣдѣнія относительно себя и Умэ».

— Вы меня считаете дьяволомъ?—спросилъ я.

— Не дьяволъ, а все равно дуракъ,—сказалъ онъ успокоительно.

— Умэ, она дьяволъ?—спросилъ я снова.

— Нѣтъ, нѣтъ, не дьяволъ. Дьяволъ живетъ въ лѣсу,—сказалъ молодой человѣкъ.

Я смотрѣлъ на бухту и видѣлъ, какъ передняя завѣса лѣсовъ вдругъ открылась, и на черный берегъ, освѣщенный солнечнымъ свѣтомъ, вышелъ Кэзъ съ ружьемъ въ рукѣ. Онъ имѣлъ блестящій видъ въ своей легкой, почти бѣлой курткѣ съ сверкающимъ ружьемъ, и земляные крабы разбѣжались отъ него къ своимъ норамъ.

— Эге, пріятель, вы сказали мнѣ невѣрно,—сказалъ я.—Эзъ пошелъ, онъ пришелъ назадъ.

— Эзъ не то же самое. Эзъ — Тіаполо,—сказалъ мой другъ и со словомъ «прощайте» скрылся среди деревьевъ.

Я прослѣдилъ, какъ Кэзъ прошелъ берегомъ и мимо меня домой въ Фалеза. Онъ шелъ, задумавшись, что, должно быть, знали птицы, бѣгавшія около него по песку или кружившіяся и щебетавшія у него надъ самымъ ухомъ. По движенію губъ я понялъ, что онъ разговариваетъ самъ съ собой, а чѣмъ я былъ ужасно доволенъ, такъ это тѣмъ, что у него еще виднѣлось на лбу мое торговое клеймо. Скажу по правдѣ, мнѣ пришло въ го-

лову пустить ружейный зарядъ въ его противную рожу, но у меня было лучшее намѣреніе.

И здѣсь, и по дорогѣ домой я все время твердилъ то туземное слово, которое я помнилъ по фразѣ: «Полли поставь котелокъ и приготовь намъ чай» — теа-полло.

— Умэ,—спросилъ я, вернувшись домой,—что значитъ Тіаполо?

— Дьяволъ,—сказала она.

— Я думалъ, онъ называется Эту,—сказалъ я.

— Эту другой сортъ дьявола,—сказала она.—Живетъ въ лѣсъ, ѣсть канака. Тіаполо—важный, главный дьяволъ, живетъ дома, какъ христіанскій дьяволъ.

— Въ такомъ случаѣ, я дальше не подвинулся,—сказалъ я.—Какъ можетъ Кэзъ быть дьяволомъ?

— Не то,—сказала она.—Эзъ принадлежитъ Тіаполо. Тіаполо очень любитъ Эза, все равно какъ сына. Положимъ, Эзъ что-нибудь хочетъ, Тіаполо ему сдѣлаетъ.

— Это очень удобно Эзу,—сказалъ я.—Что же онъ для него дѣлаетъ?

Послѣдовалъ безсвязный разсказъ всевозможныхъ исторій, изъ числа которыхъ многія (вродѣ вынутаго изъ головы м-ра Терльтона доллара) были для меня совершенно понятны, но въ другихъ я ровно ничего не понималъ. То, что больше всего удивляло канаковъ, меня удивляло меньше всего: то именно, что онъ ходилъ въ пустырь, населенномъ Эту. Нѣкоторые изъ наиболѣе смѣлыхъ сопровождали его и слышали, какъ онъ разговаривалъ съ умершими, отдавалъ имъ приказанія и невредимо возвращался, охраняемый покровителями. Нѣкоторые говорили, что у него тамъ есть церковь, гдѣ онъ поклоняется Тіаполо, и Тіаполо является ему; другіе клялись, что колдовства тутъ вовсе нѣтъ, что онъ совершаетъ чудеса силою молитвъ, и что церковь вовсе не церковь, а тюрьма, въ которой онъ содержитъ одного опаснаго Эту. Нему какъ-то разъ ходилъ съ нимъ въ лѣсъ и вернулся, славословя Бога за эти чудеса. Наконецъ-то начало для меня выясняться положеніе этого человѣка и способы, которыми онъ достигъ его, и хотя онъ былъ твердымъ орѣхомъ для раскалыванія, я въ уныніе отнюдь не впадалъ.

— Отлично,—сказалъ я,—я самъ пойду посмотрѣть на мѣ-

сто поклоненія мистера Кэза, и мы увидимъ, какъ онъ поклоняется.

При этомъ Умэ ужасно заволновалась. Если я пойду въ лѣсъ, такъ никогда не вернусь: безъ покровительства Тіаполо туда никому нельзя ходить.

— Положусь на Божіе покровительство,—сказалъ я.—Я хорошій малый, Умэ, какъ мужчина, и надѣюсь, Богъ научитъ меня.

Она немножко помолчала.

— Я думаю,—начала она торжественно и затѣмъ скороговоркой докончила:—Викторія важный старшина.

— Еще бы!—сказалъ я.

— Она васъ очень любитъ?—спросила она снова.

Я отвѣтилъ осклабясь, что считаю старушку нѣсколько пристрастной къ себѣ.

— Отлично!—сказала она.—Викторія важный старшина и васъ очень любитъ, а помочь вамъ въ Фалезѣ не можетъ—очень далеко отсюда. Міа—маленькій старшина, живетъ здѣсь. Положимъ, онъ васъ любитъ, онъ все вамъ сдѣлаетъ. Такъ вотъ Богъ и Тіаполо: Богъ—онъ важный, большой старшина, у него очень много дѣла; Тіаполо—маленькій старшина, онъ тоже очень любитъ показывать видъ, что много работаетъ.

— Я бы сдалъ тебя на руки м-ру Терльтону,—сказалъ я.—Твое богословіе невыносимо.

Какъ бы ни было, мы цѣлый вечеръ разбирали это дѣло. Передавая мнѣ исторіи о пустынѣ и ея опасностяхъ, она сама пугалась чуть не до припадка. Я и четверти, конечно, не помню, такъ какъ придавалъ ея разсказамъ очень мало значенія, но два изъ нихъ послужили мнѣ способомъ къ разъясненію. Миляхъ въ шести вверхъ по берегу есть небольшая бухта, которую они называютъ Фанга-анана—гавань, полная пещеръ. Я самъ видѣлъ ее съ моря настолько близко, насколько могъ уговорить своихъ молодцовъ подъѣхать къ ней. Она представляетъ собою маленькую полоску желтаго песку. Надъ нею висятъ мрачныя скалы съ темными жерлами пещеръ. Утесы покрыты огромными деревьями и спускающимися внизъ ліанами, а въ одномъ мѣстѣ, около середины, льется каскадомъ ручей. Ну, такъ вотъ около этого мѣста ѣхало въ лодкѣ шестеро молодыхъ людей фалезскихъ, «все красивые», по словамъ Умэ, и это погубило ихъ. Дулъ силь-

ный вѣтеръ, волненіе было на морѣ большое. Они всѣ устали, имъ хотѣлось пить, и вотъ они увидѣли Фанга-анана и свѣтлый ручей. Рѣшили причалить, добыть напиться—они всѣ были народъ смѣлый, безразсудный, кромѣ самаго молодого, Лоту по имени. Онъ былъ очень молодой и очень умный господинъ и увѣрялъ, что они съ ума сошли, говорилъ, что это мѣсто отдано духамъ, дьяволамъ и покойникамъ, что пѣтъ живой души ближе, чѣмъ на шесть миль въ одну сторону и на двѣнадцать миль въ другую. Но они смѣялись надъ его словами и, такъ какъ ихъ было пятеро противъ одного, поѣхали, причалили и вышли на берегъ. Мѣсто было изумительно красивое, говорилъ Лоту, и вода превосходная. Они ходили вокругъ, но нигдѣ не видѣли дороги, по которой можно было бы взобраться на утесы, что ихъ успокоило, и они усѣлись у подошвы ихъ угоститься привезенной провизіей. Только-что они разсѣлись, какъ изъ одной пещеры вышло шесть такихъ красавицъ, какихъ врядъ ли когда-либо можно было видѣть, съ цвѣтами въ волосахъ, прекрасной грудью и въ ожерельяхъ изъ красныхъ сѣмянъ. Онѣ начали шутить съ молодыми людьми, а тѣ начали шутить съ ними, всѣ, кромѣ Лоту; Лоту, понимая, что живой женщины въ такомъ мѣстѣ быть не можетъ, побѣжалъ, бросился въ лодку, закрылъ лицо руками и началъ молиться. Молился онъ все время, пока дѣло не кончилось; потомъ пришли его пріятели, подняли его и снова выѣхали въ море изъ совершенно пустынной бухты, и ни слова о шести дамахъ. Но что больше всего испугало Лоту, это то, что ни одинъ изъ пятерыхъ не помнилъ ничего изъ того, что произошло, только всѣ они были, какъ пьяные: пѣли, хохотали, боролись. Вѣтеръ усилился, и море поднялось необыкновенно высоко. Погода была такая, когда всякій островитянинъ поворачиваетъ спину и бѣжитъ домой въ Фалезу; а эти пятеро, какъ сумасшедшіе, натянули всѣ паруса и направили лодку въ море. Работалъ одинъ Лоту, никто и не подумалъ помочь ему; всѣ продолжали пѣть, спорить, говорили какія-то недоступныя для пониманія вещи и, говоря ихъ, громко хохотали. Такъ весь остатокъ дня Лоту боролся за свою жизнь на лодкѣ, облитый потомъ и холодною морскою водою, и никто не обращалъ на него вниманія. Противъ всякихъ ожиданій, они въ страшную бурю благополучно добрались до Папа-малулу, гдѣ пальмы скрипѣли, а кокосовые орѣхи летали, какъ пушечныя ядра, вокругъ деревни. Въ

ту же ночь всѣ пятеро молодыхъ людей заболѣли, и ни одного разумнаго слова отъ нихъ не слышали до самой смерти.

— Ты хочешь сказать, что вѣришь подобнымъ разсказамъ?—спросилъ я.

Она отвѣтила, что случай этотъ всѣмъ хорошо извѣстенъ, а для молодыхъ людей даже зауряденъ, только это былъ единственный случай, что пять молодыхъ людей были сразу убиты любовью дьяволихъ. Это взволновало весь островъ, и надо было быть безумной, чтобъ сомнѣваться.

— За меня тебѣ, во всякомъ случаѣ, бояться нечего,—сказалъ я.—Мнѣ дьяволихи не нужны; нужна мнѣ единственная въ мірѣ женщина, и эта женщина—ты, женушка.

Она возразила на это, что бываютъ дьяволы въ другомъ родѣ, что одного изъ нихъ она видѣла своими собственными глазами. Отправилась она какъ-то разъ къ сосѣдней бухтѣ и подошла, вѣроятно, черезчуръ близко къ нехорошему мѣсту. Вѣтви высокаго кустарника защищали ее отъ крутого склона холма; мѣсто было плоское, каменистое, заросшее молодыми яблонями четырехъ-пяти футовъ вышины. День былъ пасмурный, дождливаго времени года; то порывы вѣтра обрывали листья и кружили ихъ, то было совершенно тихо, какъ дома. Во время затишья, когда цѣлыя стаи птицъ и вампировъ кидались, какъ напуганныя существа, изъ кустовъ, она услышала шорохъ, и изъ опушки появился между яблонями худой, сѣдой, старый кабанъ. Онъ вышелъ задумавшись, какъ человѣкъ. Она, увидя его, вдругъ поняла, что это вовсе не кабанъ, а человѣкъ съ человѣческими думами. Тутъ она побѣжала. Кабанъ за ней, и въ то время, какъ онъ бѣжалъ, слышны были громкіе отклики кругомъ.

— Хотѣлось бы мнѣ быть тамъ въ это время съ ружьемъ,—сказалъ я.—Пожалуй, кабанъ такъ заоралъ бы, что и самъ бы удивился.

Но она сказала, что ружье для подобныхъ не годится, такъ какъ это души умершихъ.

Самое лучшее было вести такой разговоръ вечеромъ. Разумѣется, онъ не измѣнилъ моихъ взглядовъ, и на слѣдующій день я съ ружьемъ и хорошимъ ножомъ отправился на изслѣдованіе. Я ходилъ по близости отъ того мѣста, откуда вышелъ Кэзъ, потому что, если у него дѣйствительно было что-нибудь устроено въ лѣсу, то я могъ разсчитывать найти тропинку. Начало пу-

стыря обозначалось такъ называемою стѣною, т. е. просто искусственно устроенной оградой изъ груды камней. Говорятъ, ограда эта тянется черезъ весь островъ. Какимъ образомъ это узнали, это иной вопросъ, такъ какъ врядъ ли кто за сто лѣтъ совершалъ путешествіе туда; туземцы главнымъ образомъ держатся моря, и всѣ ихъ селенія находятся вдоль берега, а та часть страшно высокая, крутая, скалистая. Съ западной стороны стѣны почва очищена, и тутъ растутъ и кокосовая пальма, и восковыя яблони, и гуява, и множество не-тронь-меня. Лѣсъ начинается сразу. Деревья поднимаются высоко, какъ корабельныя мачты, ліаны спускаются, подобно снастямъ, а въ развѣтвленіяхъ растутъ, похожія на губки, дрянныя орхидеи. Не поросшія мѣста имѣютъ видъ кучи валуновъ. Я видѣлъ много молодыхъ голубей, которыхъ могъ бы настрѣлять, да пришелъ-то я туда съ иною цѣлью. Масса бабочекъ порхала надъ землей, подобно мертвымъ листьямъ. Иногда доносился голосъ птицъ, иногда надъ головой шумѣлъ вѣтеръ, и все время слышался шумъ моря.

Трудно передать въ разсказѣ оригинальность мѣстности, это пойметъ только тотъ, кто самъ бывалъ въ большомъ лѣсу. Въ самый ясный день тамъ всегда пасмурно. Кругомъ, куда ни посмотришь, ничего не видать, все загорожено деревьями; вѣтви сплетаются, какъ пальцы на рукахъ; прислушиваться станешь—все слышится что-нибудь новое: то мужской разговоръ, то дѣтскій смѣхъ, то удары топора надъ головой, то что-то вродѣ быстрыхъ, подкрадывающихся шаговъ, что побуждаетъ вскочить и искать оружіе. Все это прекрасно—говоритъ себѣ, что ты одинъ, что кромѣ деревьевъ и птицъ никого нѣтъ; убѣдить себя невозможно, когда, куда ни повернись, все будто живетъ и смотритъ. Не думайте, что я былъ разстроенъ разсказами Умэ, я не въ грошъ не ставлю туземныхъ розсказней, а просто въ лѣсу это вещь обыкновенная.

Когда я добрался до вершины холма—лѣсъ въ этомъ мѣстѣ идетъ подъемомъ, какъ лѣстница,—подулъ сильный вѣтеръ, заколыхалъ листья, заставилъ ихъ раздвинуться и пропустить солнце. Это мнѣ было больше по душѣ. То былъ обычный шумъ и пугаться было нечего. Такимъ образомъ дошелъ я до мѣста зарослей такъ называемаго дикаго кокосоваго орѣха, чрезвычайно красиваго съ его пурпуровыми плодами, и вдругъ въ

вѣтрѣ услышалъ звуки пѣнія, подобнаго которому никогда не слыхалъ. Напрасно старался я увѣрить себя, что это шумъ листвы, я зналъ, что это не то; напрасно я говорилъ себѣ, что это птица, я не зналъ птицы, которая пѣла бы такимъ образомъ. Звуки росли, поднимались, замирали вдали и снова усиливались. Я подумалъ, что это похоже, будто кто-то плачетъ, только пріятнѣе; то мнѣ казалось, что я слышу арфы. Въ одномъ я былъ увѣренъ, что звуки были черезчуръ сладки, чтобы быть подходящими для подобнаго мѣста. Можете смѣяться, если угодно, но, признаюсь, мнѣ пришли на умъ шесть красавицъ съ пурпуровыми ожерельями, вышедшія изъ пещеры Фанга-анана, и я подумалъ, не такъ ли пѣли и онѣ. Мы смѣемся надъ туземцами и ихъ суевѣріемъ, а посмотрите, какъ ихъ перенимаютъ торговцы, люди отлично образованные, служившіе иногда бухгалтерами и клерками въ Старомъ Свѣтѣ! По моему, суевѣрія вырастаютъ подобно плевеламъ, и, стоя здѣсь, я дрожалъ, слыша эти вопли.

Вы можете назвать меня трусомъ за то, что я испугался, но я считалъ себя достаточно храбрымъ, такъ какъ продолжалъ подниматься. Поднимался я очень осторожно, со взведеннымъ курком, осматриваясь, какъ охотникъ, ожидая увидѣть сидѣвшую гдѣ-нибудь въ кустахъ молодую женщину и рѣшившись (въ случаѣ встрѣчи) пустить въ нее зарядъ. Пройдя не особенно далеко, я увидѣлъ странную вещь: сильный порывъ вѣтра раздвинулъ листья, и передо мною мелькнуло на секунду что-то, висѣвшее на деревѣ. Затѣмъ порывъ стихъ, и листья сомкнулись. По правдѣ сказать, я приготовился увидѣть Эту. Для меня было бы безразлично увидѣть его въ образѣ кабана или въ образѣ женщины; безпокоило меня то, что это было что-то квадратное, и мысль о живомъ и поющемъ квадратѣ сбивала меня съ толку. Я принужденъ былъ на минуту остановиться, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли съ этого самаго дерева раздавалось пѣніе. Затѣмъ я сталъ понемногу приходить въ себя.

— Если это дѣйствительно вѣрно, — сказалъ я, — если это такое мѣсто, гдѣ поютъ четыреугольныя вещи, то я во всякомъ случаѣ поднимусь. Повеселюсь за свои деньги.

Но я подумалъ, что, пожалуй, хорошо попробовать помолиться, а потому всталъ на колѣни и громко молился. Все время, пока я молился, странные звуки раздавались съ дерева, подни-

маясь, опускаясь, измѣняясь, какъ музыка, только вы сейчасъ же увидѣли бы, что тутъ что-то нечеловѣческое, ничего такого, что вы могли бы насвистать.

Окончивъ, какъ слѣдуетъ, молитву, я положилъ ружье, взялъ въ зубы ножъ, подошелъ прямо къ тому дереву и началъ на него взбираться. Сердце у меня было словно ледяное, я вамъ скажу; но, поднимаясь, я снова увидѣлъ предметъ, и это успокоило меня, потому что онъ мнѣ показался похожимъ на ящикъ, а когда я добрался до него, такъ чуть не упалъ съ дерева отъ смѣха.

Это оказался ящикъ, и притомъ ящикъ изъ подъ свѣчей, съ клеймомъ на одной сторонѣ. На немъ были натянуты струны такимъ образомъ, что звенѣли, когда дулъ вѣтеръ. Это называется тирольской или эоловой арфой.

— Хорошо, мистеръ Кэзъ,—сказалъ я,—одинъ разъ вы испугали меня, но ужъ больше, ручаюсь, не испугаете!—Сказавши это, я слѣзъ съ дерева и отправился разыскивать главное капище моего врага, которое, по моимъ догадкамъ, не могло быть далеко.

Заросли были въ этомъ мѣстѣ очень густы. Я подъ носомъ у себя ничего не видѣлъ и принужденъ былъ пробираться, прибѣгая къ помощи ножа, обрѣзая нити ліанъ и срубая цѣлыя деревья,—деревьями я называю ихъ по величинѣ, но въ сущности то были громадныя плевелы, мягкія,какъ морковь. Я подумалъ, что когда-нибудь можно будетъ очистить это мѣсто отъ растительности, и наткнулся на груду камней. Я моментально понялъ, что это работа рукъ человѣческихъ. Богъ вѣсть, когда это было сдѣлано, когда брошено, потому что эта часть острова была покинута задолго до появленія бѣлыхъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда я увидѣлъ разыскиваемую тропинку, узкую, но хорошо утрамбованную, и понялъ, что у Кэза очень много послѣдователей. Рискнуть взобраться туда съ коммерсантомъ являлось примѣромъ модной смѣлости, и молодой человѣкъ едва ли считалъ себя взрослымъ, пока его не высѣкутъ, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, пока не увидитъ дьяволовъ Кэза. Это весьма похоже на канаковъ, но съ другой стороны, посмотрѣвъ на дѣло иначе, то это также похоже и на бѣлыхъ.

Пройдя по дорожкѣ, я вышелъ на чистое мѣсто и протеръ себѣ глаза. Передо мною была стѣна, въ проломъ которой вхо-

дила дорожка. Стѣна была повалена и, очевидно, очень стара, но сложена очень умѣло изъ крупныхъ камней. Теперь на островѣ не найдется ни одного туземца, который могъ бы мечтать о подобной кладкѣ. Вдоль по верху ея стоялъ рядъ странныхъ фигуръ, не то идоловъ, не то пугалъ. Лица были вырѣзаны и окрашены, глаза и зубы у нихъ были изъ раковинъ, волосы и яркія платья развѣвались отъ вѣтра, нѣкоторыя изъ нихъ приводились въ движеніе дерганьемъ. Выше къ западу есть острова, гдѣ подобныя фигуры выдѣлываютъ и по настоящее время; но здѣсь, на этомъ островѣ, если и дѣлали когда-либо, то теперь примѣненіе и самое воспоминаніе о нихъ давнымъ-давно забыты. Странно, что всѣ эти пугалы были свѣжи, какъ только что вынесенныя изъ лавки игрушки.

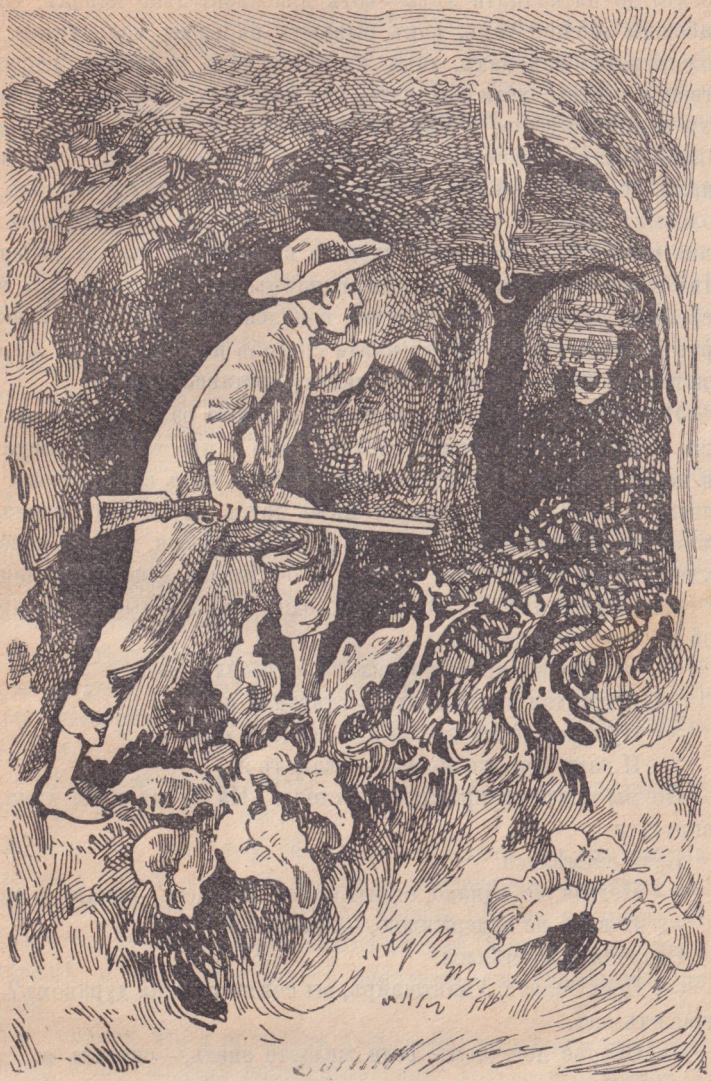
Тутъ я припомнилъ, что Кэзъ въ первый день говорилъ мнѣ о своемъ умѣніи поддѣлывать островскія рѣдкости, чѣмъ многіе коммерсанты заработали порядочныя деньги. Я теперь понялъ всю штуку, понялъ, что эта выставка служила ему для двоякой цѣли: во первыхъ, онъ практиковался въ изготовленіи диковинокъ, а во-вторыхъ, пугалъ приходившихъ къ нему.

Надо вамъ сказать (что придаетъ дѣлу еще большую странность), что вокругъ меня все время звенѣли эоловы арфы, и на моихъ глазахъ желто-зеленая птица (вѣроятно, она вила гнѣздо) начала выщипывать волосы у одной изъ фигуръ.

Нѣсколько дальше я нашелъ лучшую диковинку музея. Раньше всего я замѣтилъ искусственный земляной валъ съ изгибомъ. Разрывъ землю руками, я нашелъ подъ землею натянутую на доскахъ парусину, служившую, очевидно, потолкомъ погреба. Онъ находился какъ разъ на вершинѣ холма, входъ въ него былъ между двухъ скалъ, вродѣ входа въ пещеру. Я дошелъ до изгиба и, заглянувъ въ уголъ, увидѣлъ свѣтящееся лицо, огромное, безобразное, какъ шутовская маска; блескъ то усиливался, то ослабѣвалъ и по временамъ дымился.

«Ого,—подумалъ я,—блестяще окрашено!».

Я долженъ сказать, что подивился изобрѣтательности этого человѣка: при помощи ящика инструментовъ и весьма простыхъ снарядовъ догадался устроить дьявола въ храмѣ. Бѣдняга-канакъ, приведенный сюда въ сумерки, слыша завывающія вокругъ арфы и видя въ подземельи это дымящееся лицо, не могъ усомниться, что насмотрѣлся и наслушался дьяволовъ на всю жизнь.



Я увидѣлъ свѣтящееся лицо, огромное безобразное...

Легко узнать мысли канаковъ. Вернитесь къ своему возрасту отъ десяти до пятнадцати лѣтъ—вотъ приблизительно канакъ. Они набожны именно такъ, какъ бываютъ набожны мальчуганы, и большинство изъ нихъ, такъ же точно какъ мальчики, посредственно честны, хотя находятъ, что воровать довольно забавно; ихъ легко испугать, и имъ это нравится. Я помню, у насъ въ школѣ былъ мальчикъ, занимавшійся дѣломъ Кэза. Онъ все зналъ, все умѣлъ дѣлать. У него не было свѣтящихся картинъ и эоловыхъ арфъ; но онъ смѣло заявлялъ, что онъ колдунъ, пугалъ насъ такъ, что у насъ душа уходила въ пятки, и мы это любили. Мнѣ вспомнилось, какъ учитель однажды высѣкъ его, и какъ мы всѣ были удивлены, что колдунъ попался и реветъ, какъ всякій другой. Я подумалъ: «Надо найти способъ порѣшить такъ же съ мистеромъ Кэзомъ», и сію же минуту составилъ планъ.

Я пошелъ обратно по тропинкѣ, которую разъ нашелъ, такъ ужъ итти-то по ней было совсѣмъ легко и просто. Выбравшись на черный песокъ, я увидѣлъ никого иного, какъ самого Кэза. Я взвелъ курокъ, и мы прошли мимо другъ друга безъ единаго слова, не спуская глазъ одинъ съ другого. Пройдя, мы оба повернулись, какъ солдаты на ученьи, и очутились лицомъ къ лицу. У обоихъ насъ явилась, видите ли, одна и та же мысль, что другой пуститъ вслѣдъ зарядъ.

— Вы ничего не застрѣлили?—спросилъ Кэзъ.

— Я сегодня не стрѣлялъ,—отвѣтилъ я.

— Ну такъ чортъ съ вами!—сказалъ онъ.

— И вамъ того же желаю,—сказалъ я.

Но мы все-таки продолжали стоять. Ни одинъ и не думалъ двинуться.

Кэзъ засмѣялся.

— Нельзя же, однако, стоять здѣсь весь день,—сказалъ онъ.

— Я васъ не задерживаю,—сказалъ я.

Онъ опять засмѣялся.

— Послушайте, Уильтшайръ, вы считаете меня дуракомъ?—спросилъ онъ.

— Скорѣе негодяемъ, если желаете знать,—сказалъ я.

— Вы находите лучшимъ, чтобы я застрѣлилъ васъ здѣсь на открытомъ мѣстѣ?—сказалъ онъ.—Я не стану стрѣлять. Народъ каждый день приходитъ ловить рыбу. Многіе теперь заняты въ долинѣ выдѣлкой копры. Человѣкъ шесть ловятъ голубей сзади

васъ на холмѣ. Они, быть можетъ, въ данную минуту слѣдятъ за нами. Меня это не удивило бы. Даю вамъ слово, что мнѣ незачѣмъ стрѣлять въ васъ. Съ какой стати? Вы мнѣ ничѣмъ не мѣшаете. Вы не добыли себѣ ни фунта копры, кромѣ изготовленной вашими собственными руками. Вы работали, какъ рабъ, какъ негръ. Вы прозябаете, какъ я это называю, и мнѣ дѣла нѣтъ до того, гдѣ вы прозябаете и долго ли будете прозябать. Дайте слово, что не думаете стрѣлять въ меня, и я уйду.

— Вы откровенны и милы,—сказалъ я.—Я поступлю точно такъ же. Я не имѣю въ виду убивать васъ сегодня. Къ чему? Дѣло только начинается. Оно не кончено еще, м-ръ Кэзъ. Я уже нанесъ вамъ одинъ ударъ и вижу знакъ моего кулака на вашей головѣ до сего блаженнаго часа. Я подготовилъ для васъ большее—вѣдь я не паралитикъ вродѣ Ундерхилля—и намѣреваюсь показать вамъ, что вы встрѣтили достойнаго васъ соперника.

— Глупая манера разговаривать,—сказалъ онъ.—Меня вы этимъ разговоромъ не тронете.

— Отлично. Стойте, гдѣ стоите. Я не спѣшу, вы это знаете. Я могу цѣлый день простоять на берегу; мнѣ это ничего не значитъ. У меня нѣтъ копры, чтобы я могъ хвастать ею. Нѣтъ для показа свѣтящихся картинъ.

Я пожалѣлъ, что сказалъ послѣднее, но оно вырвалось у меня безсознательно. Я увидѣлъ, что это отбавило у него спеси, и онъ хмуро посмотрѣлъ на меня, затѣмъ рѣшилъ, должно быть, узнать суть дѣла.

— Ловлю васъ на словѣ,—сказалъ онъ и, повернувшись, пошелъ въ дьявольскій лѣсъ.

Я, конечно, далъ ему уйти, какъ обѣщалъ, но слѣдилъ за нимъ, пока онъ не скрылся изъ вида совершенно, а затѣмъ пошелъ домой лѣсомъ, такъ какъ не вѣрилъ ему ни на грошъ. Я видѣлъ одно, что былъ порядочнымъ осломъ, заставивъ его быть насторожѣ, и что мнѣ слѣдуетъ исполнить свое намѣреніе, не мѣшкая.

Вы думаете, что я испыталъ достаточно волненія для одного утра, но меня ожидалъ новый сюрпризъ. Только что успѣлъ я обогнуть мысъ настолько, чтобы увидѣть домъ, я замѣтилъ, что тамъ есть посторонніе. Пройдя немного дальше, я увидѣлъ, что въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ. У дверей сидѣла на корточкахъ пара вооруженныхъ часовыхъ. Я предположилъ, что, должно

быть, смуты по поводу Умэ достигли высшаго предѣла, и что домъ мой подъ карауломъ, потому что я могъ думать, что Умэ уже взяли, и что эти вооруженные люди ждутъ, чтобы точно такъ же поступить и со мною.

Подойдя ближе, что я продѣлалъ ускореннымъ шагомъ, я увидѣлъ третьяго туземца, сидѣвшаго, точно гость, на верандѣ; Умэ разговаривала съ нимъ, какъ хозяйка. Подойдя еще ближе, я узналъ въ немъ главнаго старшину Міа и увидѣлъ, что онъ весело улыбается и куритъ. Что онъ курилъ? Не вашу европейскую сигаретку, годившуюся только коту, даже не настоящую огромную съ ногъ сшибательную туземную сигару, которую онъ можетъ пустить въ дѣло, когда сломана его трубка, а одну изъ моихъ мексиканскихъ сигаръ, въ чемъ я могъ побожиться. При видѣ этого сердце мое усиленно забилось, и у меня зародилась безумная надежда, что тревога миновала, и Міа просто зашелъ ко мнѣ мимоходомъ.

Умэ указала ему на меня, когда я поднимался наверхъ, и онъ встрѣтилъ меня у моей собственной лѣстницы, какъ настоящій джентльменъ.

— Виливили,—сказалъ онъ (лучше этого они не могли выговаривать моего имени),—я радъ.

Островитянинъ старшина можетъ быть любезенъ, если захочетъ, сомнѣнія быть не можетъ. Я увидѣлъ, что дѣло послѣдовало за словомъ. Умэ безъ всякаго вызова сказала мнѣ: «Онъ теперь не боятся Эзе, копра принесутъ». Я вамъ скажу, что пожалъ я руку этому канаку, какъ самому лучшему бѣлому въ Европѣ.

Дѣло въ томъ, что онъ и Кэзъ ухаживали за одною и тою же дѣвушкою. Міа заподозрилъ это и рѣшилъ устроить торговцу засаду и помѣшать ему добиться успѣха. Одѣлся сообразно съ обстоятельствами, взялъ съ собою для большей гласности двухъ вооруженныхъ слугъ и, дождавшись ухода Кэза изъ селенія, зашелъ ко мнѣ передать мнѣ свое дѣло. Онъ былъ такъ же богатъ, какъ и могущественъ. Онъ получалъ, пожалуй, пятьдесятъ тысячъ орѣховъ въ годъ. Я оцѣнивалъ его стоимостью всего побережья острова и еще четвертью сотни выше, а что касается кредита, то я охотно предложилъ ему все содержимое магазина со всѣми приспособленіями, такъ мнѣ было пріятно видѣть его. Надо сказать, что онъ купилъ по джентльменски: рису, жестя-

нокъ и сухарей на цѣлую недѣлю, а матеріи кусками. Кромѣ того, онъ былъ премилый, очень веселый; мы съ нимъ откалывали штуки,—больше съ помощью переводчика, потому что онъ весьма слабо понималъ по-англійски, а мой туземный разговоръ былъ еще безцвѣтенъ. Я сдѣлалъ одно открытіе: онъ въ дѣйствительности никогда не считалъ Умэ очень опасной и на самомъ дѣлѣ не боялся ея, а притворялся вѣрящимъ изъ хитрости, думая, что Кэзъ пользуется большимъ вліяніемъ въ селеніи и можетъ помочь ему.

Это навело меня на мысль, что мы оба находимся въ затруднительномъ положеніи. Ему приходилось итти противъ всего селенія, и это могло ему стоить потери его авторитета; а мнѣ, послѣ моего разговора съ Кэзомъ на берегу, это могло стоить жизни. Кэзъ недаромъ сказалъ, что покончитъ со мною, если мнѣ удастся добыть копры. Вернувшись домой, онъ узнаетъ, что лучшее дѣло перешло въ другія руки. Самое лучшее, что я могъ сдѣлать это, прежде всего, избавиться отъ смерти.

— Слушай, Умэ, скажи ему, что я очень сожалѣю, что заставилъ его ждать, но я ходилъ въ лѣсъ смотрѣть складъ Тіаполо Кэза.

— Онъ хочетъ знать, испугались вы?—перевела Умэ.

Я захохоталъ.

— Не очень,—сказалъ я.—Скажи ему, что это просто игрушечная лавка! Скажи, что мы въ Англіи даемъ такія штуки для игры дѣтямъ.

— Онъ хочетъ знать, слышали ли вы, какъ дьяволъ поетъ?—спросила она затѣмъ.

— Теперь пока я не могу, видишь ли, этого устроить, потому что у меня нѣтъ струнъ,—сказалъ я,—но какъ только придетъ первый корабль, я устрою такую же самую штуку здѣсь, на своей верандѣ, и онъ самъ тогда увидитъ, много ли въ этомъ дьявольскаго. Скажи ему, что какъ только я добуду струнъ, я приготовлю одну такую игрушку для его пикаинини. Называется она эоловой арфой. Можешь ему сказать, что это названіе значитъ по-англійски, что никто, кромѣ дурака, сента за него не дастъ.

На сей разъ онъ такъ былъ доволенъ, что попытался снова заговорить по-англійски.

— Вы говоритъ вѣрно?—спросилъ онъ.

— Конечно, вѣрно, какъ Библія,—сказалъ я.—Принеси сюда Библію, Умэ, если она у тебя есть, я поцѣлую ее. Или вотъ что лучше,—сказалъ я,—спроси его, побоится онъ пойти туда самъ днемъ?

Онъ, кажется, не боялся и могъ бы рискнуть отправиться днемъ и въ компаніи.

— Значитъ, дѣло въ шляпѣ!—сказалъ я.—Скажи ему, что этотъ человѣкъ обманщикъ, что всѣ его штуки глупость одна, и если онъ пойдетъ туда завтра, такъ увидитъ. Но скажи ему, Умэ, чтобы онъ понялъ, что если онъ будетъ болтать объ этомъ, то это непремѣнно дойдетъ до Кэза, и я погибъ. Я веду его игру, и если онъ обмолвится хоть однимъ словомъ, кровь моя будетъ у дверей его и послужитъ ему во осужденіе и при жизни, и послѣ смерти.

Она ему передала, и онъ въ подтвержденіе пожалъ мнѣ руку, говоря:

— Не разсказываетъ. Пойдетъ наверхъ завтра. Вы мой другъ?

— Нѣтъ, сэръ, не такъ глупъ. Я пріѣхалъ сюда торговать, скажи ему, а не дружиться. А что касается Кэза, такъ я спроважу этого господина въ царство небесное!

И Міа ушелъ, насколько я могъ видѣть, вполнѣ довольнымъ.

V. Ночь въ лѣсу.

Положеніе было затруднительное. Надо было разбить Тіаполо раньше слѣдующаго дня, и у меня было хлопотъ полонъ ротъ не только съ приготовленіями, но и съ уговорами. Домъ мой походилъ на клубъ рабочихъ. Умэ убѣждала меня не ходить въ лѣсъ ночью и говорила, что если я пойду, то обратно не вернусь. Вы знакомы съ ея доказательствами, вродѣ королевы Викторіи и дьявола, и я предоставляю вамъ вообразить, былъ ли я утомленъ къ вечеру.

Наконецъ, у меня явилась счастливая мысль.

«Къ чему разсыпать жемчугъ передъ нею?—подумалъ я — Лучше пустить въ ходъ ея собственное оружіе».

— Вотъ что я тебѣ скажу. Принеси ты мнѣ свою Библію, и я возьму ее съ собою. Это принесетъ мнѣ пользу.

Она клялась, что Библія не поможетъ.

— Настоящее канакское невѣжество,—сказалъ я. Принеси Библію.

Она принесла ее. Я перевернулъ первую страницу съ заглавіемъ, гдѣ, по моему, должно было быть напечатано по-англійски, что и было.

— Вотъ смотри!—сказалъ я.—«Лондонъ. Напечатано для британскаго и иностраннаго библейскаго общества доминиканцевъ», и число, котораго я не могу прочесть благодаря тому, что оно написано римскими цифрами. Ни одинъ чортъ не подойдетъ близко къ библейскому обществу доминиканцевъ. Какъ, ты полагаешь, прогоняемъ мы на родинѣ нашихъ собственныхъ дьяволовъ? Всецѣло библейскимъ обществомъ!

— У васъ ихъ нѣтъ, я думаю,—сказала она.—Бѣлолицый, онъ говоритъ мнѣ, у васъ нѣтъ.

— У насъ нѣтъ?—спросилъ я.—Почему же эти острова наполнены ими, а въ Европѣ нѣтъ ни одного?

— У васъ нѣтъ плодовъ хлѣбнаго дерева,—отвѣтила она.

Я готовъ былъ волосы на себѣ рвать.

— Послушай, жена,—сказалъ я,—засохни! Ты мнѣ надоѣла. Я возьму Библію, и она приведетъ меня аккуратно, какъ почта, и это мое послѣднее слово.

Ночь спустилась удивительно темная; облака покрыли небо вмѣстѣ съ солнечнымъ закатомъ; не видно было ни одной звѣздочки, и лишь на короткое время показался кусочекъ луны. Въ самой деревнѣ съ горѣвшими въ открытыхъ домахъ огнями, съ факелами рыбаковъ, двигавшихся у рифа, было весело, какъ на иллюминаціи; но море, горы и лѣсъ были совершенно темны. Было, должно быть, часовъ около восьми, когда я тронулся въ путь, нагруженный, какъ мулъ. Во-первыхъ, тутъ была Библія, книга величиною съ вашу голову, которую я взялъ по собственной глупости, потомъ ружье, ножъ, фонарь и патентованныя спички, все нужное; кромѣ того, въ рукахъ масса принадлежностей: здоровенный зарядъ пороха, пара динамитныхъ бомбъ и двѣ или три штуки фитилей, которые я вытащилъ изъ оловянныхъ футляровъ. Какъ видите, у меня въ общемъ было довольно матеріала для хорошенькаго взрыва! На расходы я вниманія не обращалъ, желая, чтобы дѣло было выполнено какъ слѣдуетъ.

Пока я находился на открытомъ мѣстѣ и шелъ при свѣтѣ

лампы, горѣвшей въ моемъ домѣ, я чувствовалъ себя хорошо; но когда я попалъ на тропинку, стало такъ темно, что я ничего не видѣлъ передъ собой, натыкался на деревья и ругался, какъ человѣкъ, который ищетъ спички въ своей спальнѣ. Я зналъ, что зажигать фонарь рискованно, потому что онъ былъ бы виденъ вплоть до самаго мыса, а такъ какъ туда никто не ходилъ послѣ того, какъ стемнѣетъ, то объ этомъ заговорили бы и это могло дойти до Кэза. Однако, какъ мнѣ быть? Приходилось или отказаться отъ дѣла и потерять связь съ Міа, или зажечь, попытать счастья и выпутаться изъ дѣла какъ можно хитрѣе.

Идя тропинкой, я подвигался съ трудомъ, но, выйдя на берегъ, пришлось бѣжать, потому что скоро долженъ былъ начаться приливъ, и чтобы выбраться сухимъ со своимъ порохомъ между прибоемъ и крутымъ холмомъ, требовалась вся моя быстрота. И теперь прибой хваталъ мнѣ до колѣнъ, и я чуть-чуть не упалъ на камень. Все это время волненіе, свѣжій воздухъ и запахъ моря поддерживали мое возбужденное состояніе, но когда я попалъ въ лѣсъ и началъ взбираться по тропинкѣ, я сталъ спокойнѣе. Лѣсные страхи были значительно ослаблены во мнѣ натянутыми струнами и изваяніями, но все же прогулка была печальная, и я думаю, что ученики, поднимавшіеся туда, должны были быть порядкомъ напуганы. Свѣтъ фонаря, пробиваясь среди всѣхъ этихъ стволовъ, развилистыхъ вѣтвей и переплетавшихся нитей ліанъ, дѣлалъ все это мѣсто, насколько могъ видѣть глазъ, чѣмъ-то вродѣ сутолоки вращающихся тѣней. Онѣ бѣжали вамъ навстрѣчу, массивныя и быстрыя, какъ великаны, затѣмъ кружились и исчезали; а то поднимались надъ головой и улетали, подобно птицамъ. Земля свѣтилась засохшими сучьями, какъ свѣтится спичечная коробка послѣ того, какъ вы черкнете спичкою. Точно потъ падали на меня съ верхнихъ вѣтвей крупныя холодныя капли. Вѣтра и въ поминѣ не было, кромѣ легкаго холоднаго дуновенія берегового вѣтерка, который ничего не шевелилъ, и арфы молчали.

Я началъ различать мѣстность только тогда, когда выбрался изъ лѣса дикихъ кокосовъ и очутился передъ пугалами на стѣнѣ, выглядѣвшими чрезвычайно оригинальными при свѣтѣ фонаря съ ихъ раскрашенными лицами, глазами изъ раковинъ и повисшими волосами и одеждой. Я снялъ ихъ одно за другимъ, сложилъ въ кучу на крышѣ погреба, чтобы и они отправились къ сатанѣ

вмѣстѣ съ остальнымъ; затѣмъ выбралъ мѣсто за однимъ изъ большихъ камней у входа, закопалъ порохъ и обѣ бомбы и приладилъ фитили вдоль прохода. Покончивъ съ этимъ, я взглянулъ на прощанье на свѣтящуюся голову. Славно она была сдѣлана! «Радуйся! Ты пользуешься расположеніемъ», сказалъ я. Первою моею мыслью было зажечь и отправиться домой, потому что темнота, свѣтящіяся гнилушки и тѣни фонаря наводили на меня тоску; но я зналъ, гдѣ висѣла одна изъ арфъ, и мнѣ стало жаль, что она не взлетитъ вмѣстѣ съ прочимъ, и въ то же время я чувствовалъ, что до смерти усталъ за своимъ дѣломъ и что гораздо пріятнѣе было бы находиться дома за затворенными дверями. Я вышелъ изъ погреба и сталъ раздумывать. Снизу доносился плескъ моря о берегъ; вокругъ ни одинъ листикъ не шелохнулся. По сю сторону мыса Горнъ я, пожалуй, былъ единственнымъ живымъ существомъ. Пока я стоялъ въ раздумьи, лѣсъ будто проснулся и наполнился легкимъ шумомъ, въ которомъ не было ничего опаснаго,—легкій трескъ, легкій шорохъ, но у меня сердце чуть не выскочило, а горло пересохло, какъ сухарь. Испугался я не Кэза, что было бы осмысленно, но я о Кэзѣ и не подумалъ, а что схватило меня рѣзко, какъ спазма, такъ это бабьи розсказни о чертовкахъ и кабанахъ-мужчинахъ. Еще минута, и я побѣжалъ бы, но я совладалъ съ собой, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, поднялъ фонарь (какъ дуракъ) и осмотрѣлъ все вокругъ.

Ни по направленію деревни, ни на тропинкѣ ничего не было но когда я взглянулъ вглубь, то удивился, какъ не свалился. Оттуда, изъ пустоши и сорныхъ травъ, вышла чертовка, какъ разъ такая, какою я ее себѣ представлялъ. Я видѣлъ ея свѣтящіяся голыя руки, ея большіе глаза, и у меня вырвался такой ужасный вопль, что я подумалъ, что смерть моя пришла.

— Не кричать!—сказала громкимъ шепотомъ чертовка.— Зачѣмъ вы говорить громкимъ голосомъ? Погасить свѣтъ! Эзъ идетъ.

— Боже Всемогущій, ты ли это, Умэ?—сказалъ я.

— Іое,—сказала она,—я прибѣжалъ скоро. Эзъ сюда скоро.

— Ты пришла одна? Не боялась?—спросилъ я.

— Ахъ, очень боялся!—прошептала она, прижимаясь ко мнѣ.—Я думалъ, умру.

— Не мнѣ смѣяться надъ вами, м-съ Уильтшайръ,—сказалъ

я съ слабой улыбкой,—потому что я самъ худшій трусъ на Тихомъ океанѣ.

Она въ нѣсколькихъ словахъ разсказала мнѣ, что привело ее. Только что я ушелъ, вошла Февао. Старуха встрѣтила Чернаго Джека, который несся во всю прыть отъ нашего дома къ Кэзу. Умэ сейчасъ же, не говоря ни слова, побѣжала предостеречь меня. Она бѣжала настолько близко по моимъ пятамъ, что фонарь былъ ея проводникомъ, и на берегу, и потомъ при свѣтѣ его среди деревьевъ она нашла дорогу на холмъ. Только въ то время, пока я былъ наверху или въ погребѣ, она плутала Богъ вѣсть гдѣ и потеряла много дорогого времени, боясь крикнуть, чтобы Кэзъ не настигъ ея. Отъ паденій въ лѣсу она была совершенно измучена и разбита. Вѣрно, она забралась черезчуръ далеко къ югу и, выйдя оттуда, наконецъ, во флангъ мнѣ, напугала меня такъ, что и словъ не найду, какъ сказать объ этомъ.

Хотя все это было лучше чертовки, но разсказъ ея я нашелъ довольно серьезнымъ. Негру незачѣмъ было находиться около моего дома, если бы ему не поручили караулить. Я подумалъ, что мой дурацкій разговоръ о краскахъ, а можетъ быть и болтовня Міа затянули насъ мертвымъ узломъ. Одно было ясно: намъ съ Умэ приходится провести ночь здѣсь, домой до утра нельзя и пытаться итти, да и тогда будетъ безопаснѣе обойти гору и вернуться позади деревни, а то можно попасть въ засаду. Ясно было тоже, что мину слѣдуетъ взорвать немедленно, иначе Кэзъ можетъ успѣть остановить взрывъ.

Я прошелъ въ туннель (Умэ крѣпко держалась за меня), открылъ фонарь и зажегъ фитиль. Онъ сталъ горѣть, какъ бумага, и я тупо смотрѣлъ, какъ онъ горитъ, и думалъ, что мы взлетимъ на воздухъ вмѣстѣ съ Тіаполо, что вовсе не входило въ мои виды. Второй фитиль горѣлъ лучше, хотя быстрѣе, чѣмъ я бы желалъ. Тутъ я опамятовался, вытащилъ изъ прохода Умэ, потушилъ фонарь и поставилъ его на землю, и затѣмъ мы оба пошли ощупью по лѣсу до безопаснаго, по моему мнѣнію, мѣста и прилегли у дерева.

— Ну, женушка, не забуду я этой ночи,—сказалъ я.—Одна бѣда, что ты трусиха.

Она прижалась ко мнѣ вплотную. Она выбѣжала изъ дома, въ чемъ была—въ коротенькой юбочкѣ—и вся промокла отъ

росы и моря на Черномъ берегу и теперь дрожала отъ холода отъ боязни темноты и дьяволовъ.

— Очень страшно,—только и сказала она.

Дальняя сторона холма Кэза спускалась обрывомъ въ сосѣднюю долину. Мы находились у самаго края ея, и я видѣлъ свѣтившееся дерево и слышалъ внизу шумъ моря. Я не безпокоился относительно положенія, не оставившаго мнѣ отступленія, но боялся измѣнить его. Я увидѣлъ, что сдѣлалъ большую ошибку, потушивъ фонарь; слѣдовало оставить его зажженнымъ, чтобы имѣть возможность выстрѣлить въ Кэза, когда онъ выйдетъ на освѣщенное имъ мѣсто. Если ужъ на это не хватило достаточно соображенія, то все же безсмысленно было оставить хорошій фонарь, чтобы онъ взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ рѣзными фигурами; вещь принадлежала мнѣ, стоила денегъ и была очень удобна. Если бы я могъ положиться на спички, я бы сбѣгалъ туда и принесъ его. Но кто же можетъ положиться на нихъ? Вы знаете, что это за товаръ. Онъ годится, пожалуй, для канаковъ при рыбной ловкѣ, гдѣ имъ приходится дѣйствовать быстро и самое большее, чѣмъ они рискуютъ, это ожогомъ руки; но для человѣка, желающаго устроить взрывъ вродѣ моего, спички сущая дрянь.

Вообще лучшее, что я могъ сдѣлать, это лежать смирно, заботиться объ удачномъ выстрѣлѣ и ждать взрыва. Дѣло, однако, было важное. Тьма была основательная, и единственное, что вы могли бы видѣть, это противное слабое мерцаніе гнилушекъ, не освѣщавшее ничего, кромѣ самыхъ гнилушекъ; что касается звуковъ, то я, насторожившій уши до того, что могъ бы услышать, я думаю, какъ горитъ фитиль въ туннелѣ, ничего не слыхалъ— тихо было, какъ въ гробу. Иногда слышался легкій трескъ; но близко ли, далеко ли трещало, былъ ли то Кэзъ, шедшій въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ меня, дерево ли сломалось за нѣсколько миль, я зналъ не больше неродившагося младенца.

И вдругъ Везувій разразился. Долго пришлось ждать, но когда взрывъ произошелъ, никто не могъ бы требовать лучшаго. Сначала точно выпалили изъ пушки съ цѣлымъ ливнемъ огня, и въ лѣсу стало такъ свѣтло, что вы могли бы читать; затѣмъ началась тревога: мы съ Умэ были полузавалены кучей земли и рады были, что не вышло худшаго, потому что одинъ изъ большихъ камней у входа въ туннель взлетѣлъ на воздухъ, упалъ

футахъ въ двухъ отъ того мѣста, гдѣ мы лежали, и, ударившись о край холма, полетѣлъ внизъ въ долину. Я увидѣлъ, что нѣсколько не разсчиталъ разстоянія или, если хотите, переложилъ пороха и динамита.

Вслѣдъ затѣмъ я увидѣлъ, что сдѣлалъ другой промахъ. Шумъ взрыва началъ замирать, встряхнувъ островъ, блескъ пропалъ, однако, тьма не вернулась такъ, какъ я ожидалъ, потому что весь лѣсъ былъ осыпанъ угольями и головнями отъ взрыва. Я былъ тоже окруженъ ими. Нѣкоторые изъ нихъ упали въ долину, другіе попали на верхушки деревъ. Пожара я не боялся, потому что эти лѣса слишкомъ сыры, чтобы горѣть. Тревожило меня то, что мѣстность было освѣщена, хотя и не особенно ярко, но достаточно для того, чтобы выстрѣлить, и уголья разсыпались именно такъ, что Кэзъ имѣлъ то же преимущество, что и я. Я всюду искалъ его бѣлое лицо, но его и признака не было. Что касается Умэ, то взрывъ и огонь, казалось, совсѣмъ пришибли въ ней жизнь.

Въ моей игрѣ былъ одинъ плохой пунктъ: одинъ изъ проклятыхъ истукановъ упалъ весь въ огнѣ ближе, чѣмъ въ четырехъ ярдахъ отъ меня. Я очень внимательно осмотрѣлъ все кругомъ. Кэза еще не было, и я рѣшилъ, что нужно отдѣлаться отъ этой горящей деревяшки до его прихода, иначе онъ застрѣлитъ меня, какъ собаку.

Первою моею мыслью было подползти, но затѣмъ я подумалъ, что главное дѣло—быстрота, и привсталъ, чтобы бѣжать. Въ эту самую минуту откуда-то (между мною и моремъ) раздался ружейный выстрѣлъ, и пуля провизжала надъ моимъ ухомъ. Я обернулся, поднялся съ ружьемъ, но у мерзавца былъ Винчестеръ, и раньше чѣмъ я успѣлъ увидѣть, гдѣ онъ, второй его выстрѣлъ свалилъ меня, какъ кегли. Казалось, я полетѣлъ на воздухъ, затѣмъ опрокинулся и съ полминуты безсильно пролежалъ; затѣмъ я увидѣлъ, что въ рукахъ у меня ничего нѣтъ, а ружье перелетѣло черезъ голову при паденіи. Такое положеніе въ какомъ я находился, заставитъ человѣка совершенно очнуться. Раненый или нѣтъ, я повернулся ничкомъ, чтобы ползти за своимъ оружіемъ. Если вы не пробовали этого продѣлать, имѣя раздробленную ногу, то не знаете, что это за боль, и я взвылъ, какъ быкъ.

То былъ самый несчастный изъ всѣхъ когда-либо воспроиз-

веденныхъ мною звуковъ. Умэ, какъ умная женщина, знала, что она только помѣшала бы, и потому плотно прижалась къ дереву, но, услыша мой крикъ, выбѣжала впередъ. Винчестеръ щелкнулъ снова, и она упала. Я сѣлъ было, чтобы остановить ее, но видя, что она упала, снова опустился на то мѣсто, гдѣ лежалъ, и ощупалъ рукоятку ножа. Раньше я былъ разстроенъ и трусилъ. Ничего подобнаго теперь не было. Онъ свалилъ мою дѣвочку, и я рѣшилъ покончить съ нимъ за это. Я лежалъ, скрежеща зубами и сравнивая шансы. У меня нога сломана, ружья нѣтъ, а у Кэза еще десять зарядовъ въ Винчестерѣ. Дѣло казалось безнадежнымъ. Но я не отчаивался и не думалъ отчаиваться. Человѣкъ этотъ заслуживаетъ смерти. Довольно долго ни одинъ изъ насъ не трогался съ мѣста. Затѣмъ я услышалъ, что Кэзъ подходитъ ближе, но чрезвычайно осторожно. Истуканъ догорѣлъ, осталось только кое-гдѣ нѣсколько углей, и лѣсъ потемнѣлъ, сохранивъ слабый свѣтъ, подобный огню догоравшихъ головней. Благодаря ему я и увидѣлъ голову Кэза, смотрѣвшую на меня чрезъ большую группу папоротниковъ. Этотъ скотина тоже увидѣлъ меня и прицѣлился изъ своего Винчестера. Я лежалъ, не шевелясь, и какъ будто всматривался въ стволъ. То былъ мой послѣдній шансъ, но я думалъ, что сердце мое готово выскочить изъ своего мѣстопребыванія. Онъ выстрѣлилъ. На мое счастье, прицѣлъ оказался неточнымъ, и пуля упала на разстояніи дюйма отъ меня, засыпавъ мнѣ глаза мусоромъ.

Попробуйте себѣ представить, могли ли бы вы улежать спокойно, когда человѣкъ стрѣляетъ въ васъ и дѣлаетъ промахъ на волосокъ! А я, къ счастью, улежалъ. Кэзъ минутку постоялъ, держа Винчестеръ наготовѣ, потомъ слегка усмѣхнулся и сталъ обходить папоротникъ.

«Смѣйся!—подумалъ я.—Кабы ты обладалъ благоразуміемъ блохи, ты помолился бы!»

Я скрючился, какъ корабельный канатъ или какъ часовая пружина, и какъ только онъ подошелъ ко мнѣ на такое разстояніе, что я могъ его достать, я схватилъ его за лодыжку, повалилъ его, и не успѣлъ онъ перевести духъ, какъ я сѣлъ на него, несмотря на свою раздробленную ногу. Его Винчестеръ полетѣлъ такимъ же путемъ, какъ и мое ружье. Для меня это ничего не значило—теперь я его не боялся. Я мужчина довольно сильный, но я не зналъ, что такое сила, пока мнѣ не довелось схватить

Кэза. Онъ былъ ошеломленъ своимъ шумнымъ паденіемъ и всплеснулъ руками, какъ испуганная женщина, а я лѣвою рукою схватилъ его обѣ руки. Это заставило его очнуться, и онъ, какъ ласочка, вцѣпился зубами въ мою руку. Велика важность! Нога причиняла мнѣ сильное страданіе при каждомъ движеніи. Я вытащилъ ножъ и пустилъ его въ дѣло.

— Наконецъ-то я добрался до васъ!—сказалъ я.—Вы отправитесь на тотъ свѣтъ съ наградой, да еще съ какой! Чувствуете остріе? Это за Ундерхиля! А это за Адамса! А теперь за Умэ! А вотъ это сразу вышибетъ изъ васъ вашу мохнатую душу!

Съ этими словами я что есть силы всадилъ въ него холодную сталь. Тѣло его задрыгало подо мною, какъ пружинный диванъ. Онъ испустилъ что-то вродѣ продолжительнаго стона и затихъ.

«Умеръ ли ты, хотѣлось бы мнѣ знать? Надѣюсь, умеръ!»,— подумалъ я, чувствуя головокруженіе. Но я не хотѣлъ упустить случай воспользоваться удачей—его примѣръ былъ слишкомъ близокъ для этого—и я старался вытащить ножъ, чтобы снова всадить его. Кровь брызнула мнѣ на руки, горячая, помню, какъ чай... Тутъ мнѣ сдѣлалось дурно, и я упалъ головой на его ротъ.

Когда я пришелъ въ себя, темно было, хоть глазъ выколи; головни догорѣли, свѣтились только гнилушки, и я не могъ вспомнить ни гдѣ я, ни почему мнѣ такъ больно, ни почему я совсѣмъ мокрый.

Затѣмъ припомнилъ и прежде всего позаботился всадить ему ножъ по самую рукоятку еще разъ шесть. Я увѣренъ, что онъ уже былъ мертвъ, но ему это не вредило, а мнѣ доставило удовольствіе.

— Теперь я побьюсь о закладъ, что ты умеръ!—сказалъ я и окликнулъ Умэ.

Отвѣта не было. Я сдѣлалъ было движеніе, думая пойти поискать ее, шевельнулъ своей разбитой ногой и снова потерялъ сознаніе.

Когда я вторично пришелъ въ себя, тучи разсѣялись, за исключеніемъ нѣсколькихъ облачковъ, бѣлыхъ, какъ хлопчатая бумага. Взошла луна—тропическая луна; на родинѣ луна превращаетъ лѣсъ въ черный, а здѣсь, при этой золотой частицѣ ея, лѣсъ являлся зеленымъ, какъ днемъ. Ночныя или, вѣрнѣе, утреннія птицы звенѣли долгими, точно соловьиными пѣснями. Я увидѣлъ покойника, на которомъ я все еще полулежалъ, смотрѣвъ-

Винчестеръ щелкнулъ, и она упала.

шаго прямо наверхъ своими открытыми глазами, не блѣднѣе, чѣмъ онъ былъ при жизни, а немножко дальше лежавшую на боку Умэ. Я кое-какъ добрался до нея и, добравшись, увидѣлъ, что она совсѣмъ очнулась и плачетъ, всхлипывая не громче какого-нибудь насѣкомаго. Она, должно быть, боялась плакать громко изъ-за Эту. Ранена она была не особенно тяжело, но напугана невѣроятно. Она давно пришла въ себя, но, не слыша огьѣта, вообразила, что мы оба умерли, и лежала съ тѣхъ поръ, боясь шевельнуть пальцемъ. Пуля задѣла ей плечо, и она потеряла значительное количество крови; но я ей перевязалъ, какъ слѣдуетъ, рану кускомъ своей рубашки и надѣтымъ на мнѣ шарфомъ, положилъ ея голову на свое здоровое колѣно, прислонился спиною къ дереву и приготовился ждать до утра.

Умэ ни принесла мнѣ ни пользы, ни удовольствія, а только прижалась ко мнѣ, дрожала и плакала. Врядъ ли могъ быть кто-нибудь болѣе напуганъ, но надо отдать ей справедливость, что и ночь выдалась веселая. Что до меня касается, я чувствовалъ порядочную боль и лихорадку, но пока сидѣлъ смирно, было не такъ худо, и, взглянувъ на Кэза, я готовъ былъ пѣть и свистать. Что толковать о ѣдѣ и питьѣ! Я былъ вполнѣ сытъ, видя этого человѣка, лежащаго мертвымъ, какъ селедка.

Ночныя птицы немного погодя умолкли; затѣмъ освѣщеніе начало измѣняться, востокъ сталъ оранжевымъ, весь лѣсъ зазвенѣлъ пѣніемъ, какъ музыкальный ящикъ, и стало совсѣмъ свѣтло.

Міа я не разсчитывалъ дождаться—могло случиться, что онъ раздумаетъ и вовсе не придетъ. Тѣмъ больше я былъ доволенъ, когда, часъ спустя послѣ разсвѣта, я услышалъ трескъ сучьевъ и голоса канаковъ, подбодрявшихъ себя смѣхомъ и пѣніемъ. Умэ быстро сѣла при первомъ словѣ пѣсни, и мы увидѣли повернувшую съ тропинки толпу съ Міа во главѣ, за которымъ шелъ бѣлый человѣкъ въ сутанѣ. То былъ м-ръ Терльтонъ, вернувшійся вчера поздшимъ вечеромъ въ Фалеза. Лодку свою онъ оставилъ и послѣднюю станцію прошелъ пѣшкомъ съ фонаремъ.

Они похоронили Кэза на полѣ славы, въ той самой норѣ, гдѣ онъ хранилъ свою дымящуюся голову. Я ждалъ, пока дѣло не было окончено. М-ръ Терльтонъ помолился, что я нашелъ глупымъ; но я обязанъ сказать, что онъ очень печально смотрѣлъ на будущность возлюбленнаго усопшаго и какъ будто имѣлъ собственныя иден объ адѣ. Я потомъ разсуждалъ съ нимъ объ этомъ

и сказалъ, что онъ не выполнилъ своего долга, что ему слѣдовало подняться на высоту его и сказать канакамъ откровенно, что Кэзъ проклятъ, осужденъ на вѣчную муку, и о счастливомъ избавленіи отъ него. Но я никакъ не могъ добиться, чтобы онъ смотрѣлъ по моему. Канаки устроили носилки изъ жердей и донесли меня на нихъ до самаго дома. М-ръ Терльтонъ привелъ въ порядокъ мою ногу и сдѣлалъ изъ нея настоящую миссіонерскую веревку, такъ что я и до сегодня хромаю. Сдѣлавши это, онъ отобралъ свидѣтельскія показанія отъ меня, Умэ и Міа, всѣ ихъ аккуратно записалъ, далъ намъ ихъ подписать, а затѣмъ пошелъ со старшинами къ папа Рендолю захватить бумаги Кэза.

Они нашли только дневникъ, веденный долгіе годы, все больше насчетъ цѣнъ на копру, украденныхъ цыплятъ и прочее, затѣмъ торговыя книги и завѣщаніе, о которомъ я говорилъ въ началѣ разсказа. По книгамъ и по завѣщанію все имущество, весь магазинъ и товаръ оказались принадлежащими самоанкѣ, и я все это купилъ у нея за очень сходную цѣну, потому что она спѣшила уѣхать на родину. Что касается Рендоля и негра, имъ пришлось убраться. Они поселились около Папа-малулу и пріобрѣли себѣ нѣчто вродѣ торговой станціи; но дѣла у нихъ шли скверно, такъ какъ ни одинъ изъ этой пары не годился для дѣла, и пробавлялись они большею частью рыбною ловлею, которая была главною причиною смерти Рендоля. Разъ какъ-то шла большая стая рыбы, и папа отправился за ней съ динамитомъ. Фитиль ли сгорѣлъ очень скоро, или папа былъ пьянъ, или то и другое, но коробку взорвало раньше, чѣмъ онъ успѣлъ ее бросить, и руки папа какъ не бывало. Въ этомъ большой бѣды нѣтъ—острова къ сѣверу полны однорукихъ, вродѣ дѣйствующихъ лицъ «Арабскихъ Ночей»; но или Рендоль былъ черезчуръ старъ, или пилъ ужъ очень много, однимъ словомъ, онъ отъ этого умеръ. Вскорѣ послѣ того негра выгнали съ острова за воровство у бѣлыхъ, и онъ уѣхалъ на западъ, гдѣ встрѣтилъ одноцвѣтныхъ съ нимъ людей, а люди одного съ нимъ цвѣта взяли да и съѣли его, какъ укрѣпляющее средство, и я увѣренъ, я надѣюсь, что онъ пришелся имъ по вкусу.

Итакъ, я остался одинъ во всемъ своемъ величіи на Фалеза, и когда пріѣхала шкуна, я нагрузилъ ее вышиною чуть не въ полдома. Надо сказать, что м-ръ Терльтонъ очень честно поступилъ съ нами, но зато потребовалъ порядочнаго воздаянія.

— Ну, м-ръ Уильтшайръ,—сказалъ онъ,—я все вамъ тутъ устроилъ, помирилъ васъ со всѣми. Это не трудно было сдѣлать, разъ Кэзъ умеръ; но я все-таки устроилъ и, кромѣ того, поручился, что вы будете честно относиться къ туземцамъ, и попрошу васъ сдержать данное за васъ слово.

И я сдержалъ его. Смущали меня, бывало, мои вѣсы. Я разсуждалъ такъ: «У всѣхъ торговцевъ вѣсы нѣсколько оригинальные, но туземцы, зная это, подмачиваютъ свою копру настолько, что въ общемъ выходитъ правильно». По правдѣ сказать, мнѣ это все же было непріятно, и, несмотря на то, что дѣла въ Фалеза шли хорошо, я обрадовался, когда фирма перевела меня на другую станцію, гдѣ я не былъ связанъ никакого рода обязательствомъ и могъ смѣло стоять передъ своими вѣсами.

Что касается моей супруги, вы ее знаете такъ же, какъ и я. У нея есть только одинъ недостатокъ: если входя въ домъ не помолитесь, она убѣжитъ прочь. Положимъ, это въ характерѣ канаковъ. Она превратилась въ могучую крупную женщину и могла бы швырнуть черезъ плечо какого-нибудь лондонскаго мута. Впрочемъ, и это естественно въ канакахъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что она—жена первый сортъ.

М-ръ Терльтонъ уѣхалъ на родину, его срокъ кончился. Онъ былъ самымъ лучшимъ изъ миссіонеровъ, съ которыми мнѣ приходилось когда-либо сталкиваться. Теперь онъ, кажется, священничествуетъ въ Соммерсетѣ. Это для него самое лучшее, тамъ у него нѣтъ канаковъ, съ которыми надо возиться.

Моя гостинница? И въ помин нѣтъ ничего подобнаго. Мнѣ, видите ли, не хотѣлось бросать ребятишекъ, а тутъ и говорить нечего, имъ было гораздо лучше, чѣмъ въ странѣ бѣлолицыхъ, хотя Бенъ увезъ старшаго въ Ауклэндъ, гдѣ онъ учится какъ нельзя лучше. Кто меня смущаетъ, такъ это дѣвочки. Онѣ, конечно, только полукровныя. Я знаю это такъ же хорошо, какъ и вы, и никто не можетъ быть болѣе низкаго мнѣнія о полукровныхъ, чѣмъ я; но онѣ мои, и мнѣ приходится о нихъ заботиться. Не могу никакъ примириться съ мыслью выдать ихъ за канаковъ, а хотѣлось бы знать, гдѣ я имъ найду бѣлыхъ?

II. ДЬЯВОЛЬСКАЯ БУТЫЛКА

На островѣ Гавайя жилъ нѣкій человѣкъ. Онъ, по правдѣ сказать, живъ до сихъ поръ, но имя его должно остаться тайной. Я назову его Кивомъ, потому что онъ родился неподалеку отъ Гонаунау, гдѣ покоятся въ пещерѣ кости Кива Великаго. Кивъ былъ человѣкъ бѣдный, честный, дѣятельный, читалъ, какъ школьный учитель, и, кромѣ того, былъ первоклассным морякомъ. Нѣкоторое время онъ ѣздилъ на островныхъ пароходахъ и управлялъ китоловнымъ судномъ на берегу Хамакуа.

Пришла Киву на умъ мысль повидать свѣтъ, чужеземные города, и онъ сѣлъ на пароходъ, отправляющійся въ Санъ-Франциско.

Городъ это чудесный, съ отличной гаванью и съ безчисленнымъ множествомъ богачей. Есть тамъ въ особенности одинъ холмъ, сплошь застроенный дворцами. На этотъ самый холмъ пошелъ однажды Кивъ съ полнымъ карманомъ денегъ. Съ восторгомъ осматривалъ онъ стоящіе по обѣ стороны большіе дома. «Дома-то какіе чудесные!—думалъ онъ. — Какъ должны быть счастливы люди, живущіе въ нихъ безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ».

Съ этой мыслью проходилъ онъ мимо одного дома меньше остальныхъ, но прелестнаго, какъ игрушка. Лѣстница блестѣла, какъ серебро, рѣшетка сада напоминала цвѣточную гирлянду, окна сіяли, словно брилліанты. Кивъ остановился и залюбовался совершенствомъ того, что увидѣлъ. Остановившись, онъ замѣтилъ человѣка, смотрѣвшаго на него изъ окна настолько свѣтлаго, что Кивъ видѣлъ его такъ ясно, какъ вы увидѣли бы рыбу въ лужѣ у камня. На видъ это былъ пожилой человѣкъ, лысый и чернобровый. Выраженіе лица его было печально, и онъ тяжело вздыхалъ. Глядя другъ на друга, они, по правдѣ сказать, завидовали одинъ другому.

Вдругъ пожилой господинъ улыбнулся, знаками пригласилъ Кива войти и встрѣтилъ его у порога двери.

— Домъ мой очень хорошъ. Не желаете ли осмотрѣть комнаты?—спросилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Онъ провелъ Кива по всему дому, начиная съ погреба и кон-

чая чердакомъ. Все было въ своемъ родѣ совершенствомъ, и Кивъ все время удивлялся.

— Домъ дѣйствительно прекрасный,—сказалъ Кивъ.—Кабы я жилъ въ такомъ домѣ, такъ я бы цѣлый день смѣялся. Отчего же вы все вздыхаете?

— Нѣтъ основанія, чтобы и вы не могли пріобрѣсти себѣ такой же домъ, если не лучше. Стоитъ захотѣть. У васъ, вѣроятно, есть сколько-нибудь денегъ?—спросилъ хозяинъ.

— Пятьдесятъ долларовъ имѣю,—отвѣтилъ Кивъ.—Но такой домъ стоитъ дороже пятидесяти долларовъ.

Человѣкъ сдѣлалъ какое-то вычисленіе.

— Жаль, что у васъ нѣтъ большей суммы,—сказалъ онъ,—потому что это можетъ доставить вамъ много хлопотъ въ будущемъ; но онъ можетъ быть вашимъ и за пятьдесятъ долларовъ.

— Домъ?—спросилъ Кивъ.

— Нѣтъ, не домъ а бутылка,—возразилъ человѣкъ.—Надо вамъ сказать, что хотя я кажусь вамъ богатымъ и счастливымъ, все мое состояніе, и этотъ домъ, и этотъ садъ вышли изъ бутылочки немногимъ больше пинты. Вотъ она.

Онъ вынулъ изъ зашертаго на замокъ помѣщенія пузатую бутылку съ длиннымъ горлышкомъ, молочно бѣлаго стекла съ радужными переливами на граняхъ. Внутри двигалась какая-то темная тѣнь и огонь.

— Вотъ эта бутылка,—сказалъ человѣкъ. Когда Кивъ засмѣялся, онъ спросилъ:—Вы мнѣ не вѣрите?—и добавилъ:—Ну, испытайте ее сами. Попробуйте разбить ее.

Кивъ поднялъ бутылку и бросилъ ее со всѣхъ силъ объ полъ. Она подпрыгнула, какъ мячъ, и осталась невредимою.

— Странная штука,—замѣтилъ Кивъ.—На ощупь и на видъ бутылка должна быть стеклянною.

— Она стеклянная и есть,—возразилъ человѣкъ, вздыхая тяжелѣе обыкновеннаго,—но стекло-то закалено въ пламени ада. Въ ней живетъ дьяволенокъ; это и есть та тѣнь, которая въ ней движется, какъ я предполагаю. Человѣкъ, покупая бутылку, получаетъ въ свое распоряженіе дьяволенка и все, что онъ ни пожелаетъ—любовь, слава, деньги, такіе дома, какъ этотъ, или такой городъ, все получаетъ онъ при произнесенномъ словѣ. Эта бутылка была у Наполеона, и съ ея помощью онъ сталъ властителемъ міра, но онъ продалъ ее подъ конецъ, и палъ. У капитана

Кука была эта бутылка, и съ ея помощью нашелъ онъ дорогу къ столькимъ островамъ; но онъ тоже продалъ ее, и былъ убитъ на о-вѣ Гавайя, потому что съ продажею ея лишаешься и власти, и покровительства, и если человѣкъ не довольствуется тѣмъ, что имѣетъ, съ нимъ случается несчастье.

— Однако, и вы желаете продать ее,—замѣтилъ Кивъ.

— Я получилъ все, что хотѣлъ, притомъ я уже старъ,— отвѣтилъ хозяинъ.—Одного не въ состояніи сдѣлать дьяволенокъ, а именно—продлить жизнь, а бутылка эта (утаить отъ васъ было бы неизвестно) имѣетъ непріятную сторону: человѣкъ, не успѣвшій продать ее до своей смерти, осужденъ горѣть въ аду.

— Сторона дѣйствительно непріятная! — воскликнулъ Кивъ.—Я съ подобною бутылкою связываться не желаю. Безъ дома, слава Богу, обойтись могу, но съ такой шуткой, какъ осужденіе на вѣчныя муки, я дѣла имѣть не желаю!

— Бѣжать вамъ отъ нея незачѣмъ,—сказалъ хозяинъ.—Вы можете благоразумно воспользоваться могуществомъ дьявола, а затѣмъ перепродать ее кому-нибудь, какъ я продаю вамъ, и закончить свои дни среди комфорта.

— Я замѣтилъ двѣ вещи,—сказалъ Кивъ.—Вы, во-первыхъ, все время вздыхаете, какъ влюбленная дѣвушка, а во-вторыхъ, продаете бутылку очень дешево.

— Я уже объяснялъ вамъ причину, почему я вздыхаю,— возразилъ хозяинъ.—Я вздыхаю потому, что боюсь, что здоровье мое начинаетъ слабѣть, а умереть и отправиться къ чорту никому не хочется, какъ вы сказали. А почему я продаю ее дешево, такъ это надо вамъ объяснить. Въ этой бутылкѣ есть одна особенность. Давнымъ-давно тому назадъ, когда дьяволъ впервые принесъ ее на землю, она была страшно дорога и въ первый разъ была продана нѣкому Престеру-Джону *) за нѣсколько милліоновъ долларовъ; но ея вовсе не продашь, если не продать съ убыткомъ; если вы продадите ее за ту же цѣну, какую сами заплатили за нее, она вернется къ вамъ обратно, какъ домашній голубь. Изъ этого слѣдуетъ, что цѣна ея съ вѣками все падала, и теперь она

*) Пресвитеръ Іоаннъ. Легендарная личность средневѣковыхъ сказаній о царѣ-пресвитерѣ, главѣ могущественнаго христіанскаго государства, затерянаго гдѣ-то въ Средней Азіи.

Прим. перев.

стала удивительно дешева. Я самъ купилъ ее на этомъ холмѣ у своего сосѣда за девяносто долларовъ. Продать же могъ бы за восемьдесятъ девять долларовъ, девяносто девять центовъ и ни однимъ пенни дороже, иначе она снова вернулась бы ко мнѣ. Тутъ являются два затрудненія: во-первыхъ, когда вы предлагаете такую удивительную бутылку за какіе-нибудь восемьдесятъ долларовъ, люди предполагаютъ, что вы шутите; а во-вторыхъ... Впрочемъ, относительно этого спѣшить нечего и входить въ это мнѣ не стоитъ. Помните только, что продается она за звонкую монету.

— Какъ мнѣ убѣдиться, что это правда?—спросилъ Кивъ.

— Можете сейчасъ же провѣрить на опытѣ,—отвѣтилъ хозяинъ.—Дайте сюда ваши пятьдесятъ долларовъ, возьмите бутылку и пожелайте, чтобъ эти пятьдесятъ долларовъ очутились снова въ вашемъ карманѣ. Даю вамъ честное слово вернуть вамъ деньги, если этого не случится.

— Вы меня не обманываете?—спросилъ Кивъ

Хозяинъ поклялся.

— Въ такомъ случаѣ рискну,—сказалъ Кивъ.—Бѣды отъ этого не будетъ.

Онъ отдалъ деньги человѣку, а тотъ вручилъ ему бутылку.

— Дьяволепокъ,—сказалъ Кивъ,—я желаю получить обратно свои пятьдесятъ долларовъ.

Только-что онъ успѣлъ сказать это, какъ карманъ его сталъ тяжелъ попрежнему.

— Чудесная, однако, бутылка!—сказалъ Кивъ.

— А теперь прощайте, мой красавчикъ! Дьяволъ пойдетъ теперь съ вами вмѣсто меня,—сказалъ человѣкъ.

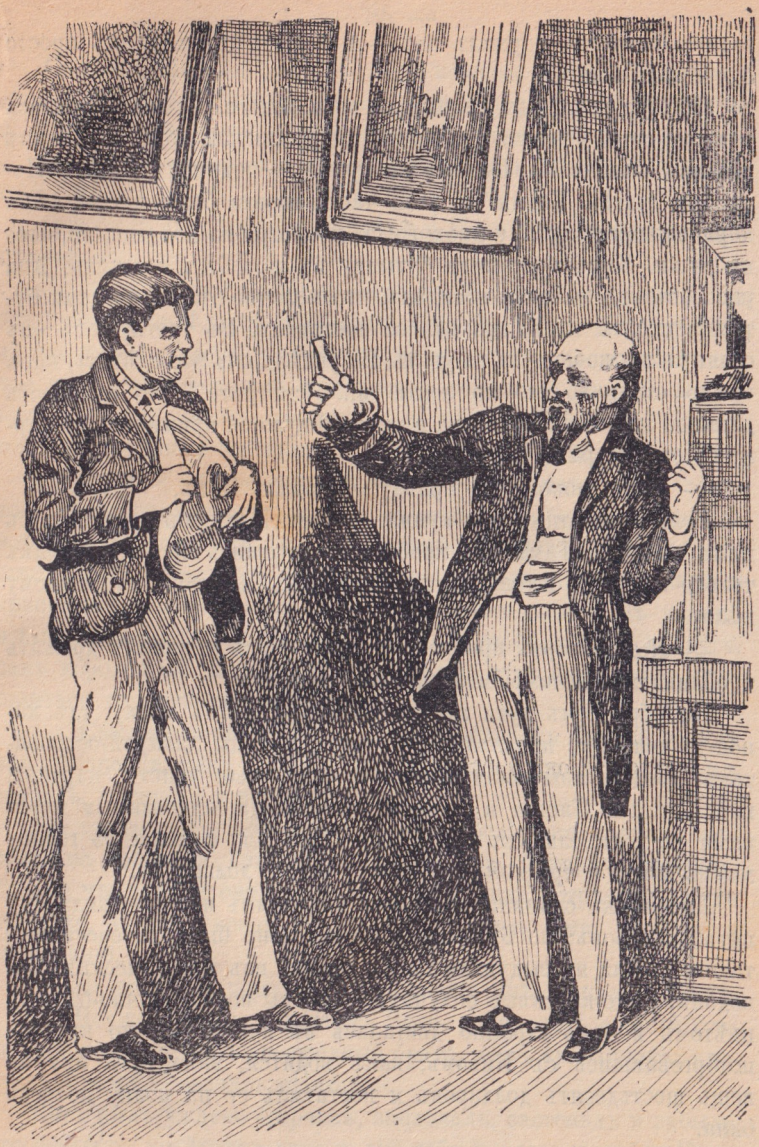
— Подождите,—сказалъ Кивъ.—Я не желаю больше шутокъ. Берите назадъ вашу бутылку.

— Вы купили ее за меньшую цѣну, чѣмъ я далъ за нее,—возразилъ человѣкъ, потирая руки.—Теперь она ваша, а я, съ своей стороны, озабоченъ только тѣмъ, чтобы увидѣть поскорѣе вашу спину!

Съ этими словами онъ позвонилъ своего лакея-китайца и выгналъ Кива изъ дома.

Очутившись на улицѣ съ бутылкою въ рукахъ, Кивъ задумался.

«Если все относительно этой бутылки правда, я сдѣлалъ вы-



— Вотъ эта бутылка,—сказалъ человѣкъ.

годную покупку,—думалъ онъ.—А можетъ статься, онъ просто одурачилъ меня».

Прежде всего онъ сосчиталъ свои деньги. Сумма оказалась точною: сорокъ девять долларовъ американской монетой и одинъ долларъ чилійскій. «Похоже на правду,—подумалъ Кивъ.—Попробую еще!». Улицы въ этой части города были чисты, какъ корабельная палуба, и прохожихъ, несмотря на полдень, не было ни души. Кивъ поставилъ бутылку въ жолобъ и отошелъ. Два раза онъ оглядывался и видѣлъ, что молочно-бѣлая, пузатая бутылка стоитъ тамъ, гдѣ онъ ее поставилъ. Въ третій разъ онъ оглянулся и повернулъ за уголъ. Не успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ что-то стукнуло его по локтю и...—смотрите!—это оказалось длинное горлышко бутылки, а круглое пузо ея прижалось въ карманѣ его мокраго сюртука.

— И это похоже на правду!—сказалъ Кивъ.

Вслѣдъ за этимъ онъ купилъ въ лавкѣ штопоръ и ушелъ съ нимъ въ поле. Тамъ онъ пробовалъ вытащить пробку, но какъ только ввинтитъ штопоръ, онъ выскочитъ, а пробка попрежнему цѣла.

— Новый сортъ пробки,—сказалъ Кивъ и началъ дрожать и обливаться потомъ, испуганный бутылкою.

На обратномъ пути къ гавани онъ увидѣлъ лавку, гдѣ какой-то человѣкъ продавалъ раковины, палицы дикарей-островитянъ, древнія языческія божества, старинныя монеты, картины изъ Китая и Японіи и всевозможныя вещи, привозимыя моряками въ корабельныхъ сундукахъ. Тутъ ему пришла въ голову мысль войти и предложить бутылку за сто долларовъ.

Лавочникъ сначала засмѣялся надъ нимъ и предложилъ ему пять долларовъ; но бутылка дѣйствительно была интересная—такого стекла не выдували ни на одномъ изъ человѣческихъ заводовъ; такіе красивые получались отливы подъ молочно-бѣлымъ цвѣтомъ и такъ странно двигалась въ ней тѣнь, что купецъ, поторговавшись съ Кивомъ, какъ водится, заплатилъ ему за вещь шестьдесятъ долларовъ и поставилъ ее на полку посреди окна.

— Вотъ я продалъ за шестьдесятъ долларовъ вещь, которую самъ купилъ за пятьдесятъ, даже немногимъ меньше, по правдѣ сказать, потому что одинъ изъ долларовъ былъ чилійскій. Теперь узнаю правду относительно второго пункта,—сказалъ Кивъ.

Онъ вернулся на палубу своего корабля и, открывши свой ящикъ, увидѣлъ въ немъ бутылку, явившуюся раньше его самого. У Кива былъ на кораблѣ товарищъ, по имени Лопака.

— Что съ тобой, что ты такъ уставился на ящикъ?—спросилъ Лопака.

Они были одни на бакѣ корабля, и Кивъ подъ секретомъ разсказалъ ему все.

— Дѣло очень странное,—сказалъ Лопака,—и я боюсь, что эта бутылка надѣлаетъ тебѣ много хлопотъ. Ясно одно, что тебѣ лучше всего извлечь теперь выгоду изъ своей покупки. Рѣши, что тебѣ отъ нея нужно, прикажи, и если твое желаніе исполнится, я самъ куплю бутылку, такъ какъ мнѣ хочется обзавестись собственною шкуною и заняться торговлей на островахъ.

— У меня другое на умѣ,—возразилъ Кивъ.—Мнѣ хотѣлось бы имѣть прекрасный домъ съ садомъ на берегу Кона, гдѣ я родился. Чтобы онъ былъ на солнцѣ, съ цвѣтами въ саду, со стеклами въ окнахъ, съ картинами на стѣнахъ, съ игрушками и красивыми скатертями на столахъ, словомъ, такой, въ какомъ я былъ сегодня, только этажомъ выше и съ балконами вокругъ, какъ королевскій дворецъ, и буду я жить тамъ беззаботно и веселиться съ друзьями и родными.

— Свеземъ ее съ собой въ Гавайю,—сказалъ Лопака.—Если все это правда, какъ ты предполагаешь, я куплю бутылку, какъ сказалъ, и спрошу у нея шкуну.

На этомъ они и порѣшили. Вскорѣ послѣ того корабль вернулся на Гонолулу, привезя съ собою Кива, Лопака и бутылку. Только что успѣли они выйти на берегъ, какъ встрѣтили одного пріятеля, который сразу началъ высказывать Киву свое соболѣзнованіе.

— Не знаю, въ чемъ вы соболѣзнуете мнѣ,—сказалъ Кивъ.

— Неужели вы не слышали? Вашъ дядя, этотъ добрый старичекъ умеръ, а вашъ двоюродный братъ, этотъ красавчикъ, утонулъ въ морѣ,—сказалъ пріятель.

Кивъ былъ ужасно огорченъ, заплакалъ, застоналъ и забылъ про бутылку; но Лопака думалъ про себя и, когда жалобы Кива поутихли, сказалъ:

— Не было ли у твоего дяди земли на Гавайѣ въ округѣ Кеу?

— Въ Кеу нѣтъ,—отвѣтилъ Кивъ.—У него имѣніе въ нагорной сторонѣ, нѣсколько южнѣе Гукена.

— И это имѣніе перейдетъ теперь къ тебѣ? — спросилъ Лопака.

— Да,—отвѣтилъ Кивъ и снова заплакалъ о своихъ родственникахъ.

— Не плачь,—сказалъ Лопака.—У меня есть мысль на умѣ. Что, если это дѣло бутылки? Вѣдь это какъ разъ мѣсто для твоего дома?

— Если это такъ, то это прекрасный способъ служить мнѣ, убивая моихъ родственниковъ!—воскликнулъ Кивъ.—Но это дѣйствительно можетъ случиться, потому что я мысленно видѣлъ именно это мѣсто.

— Но домъ-то вѣдь еще не построенъ,—сказалъ Лопака.

— Ничего подобнаго!—отвѣтилъ Кивъ.—Хотя у дяди были плантаціи кофе, банановъ, но не больше того, что требуется для комфорта. Остальная же земля—черная лава.

— Пойдемъ къ нотаріусу,—сказалъ Лопака.—У меня все еще эта мысль на умѣ.

Когда они пришли къ нотаріусу, оказалось, что дядя Кива чудовищно разбогатѣлъ за послѣдніе дни и оставилъ большой капиталъ.

— Вотъ и деньги на домъ!—воскликнулъ Лопака.

— Если вы думаете о новомъ домѣ,—сказалъ нотаріусъ,—то у меня есть карточка новаго архитектора, о которомъ я слышалъ много хорошаго.

— Все лучше и лучше!—сказалъ Лопака.—Теперь все для насъ совершенно ясно. Будемъ продолжать.

И они отправились къ архитектору и нашли у него на столѣ рисунки и чертежи домовъ.

— Желаете что-нибудь въ этомъ родѣ?—спросилъ архитекторъ. Какъ вамъ нравится вотъ этотъ?—передалъ онъ рисунокъ Киву.

Взглянувъ на рисунокъ, Кивъ вскрикнулъ, потому что онъ оказался точнымъ воспроизведеніемъ его мысленнаго рисунка.

«Я выбираю этотъ домъ,—подумалъ онъ.—Хоть мнѣ и не особенно нравится тотъ способъ, какимъ онъ мнѣ достался, но наряду съ дурнымъ я могу принять и хорошее».

Онъ разсказалъ архитектору, чего онъ хочетъ, какъ бы ему хотѣлось обставить домъ, и насчетъ картинъ на стѣнахъ, и насчетъ бездѣлушекъ на столахъ, а затѣмъ просилъ архитектора

сказать откровенно, сколько онъ возьметъ съ него за все дѣло. Архитекторъ предложилъ нѣсколько вопросовъ, взялъ перо, сдѣлалъ вычисленія и назначилъ какъ разъ ту сумму, какая досталась Киву по наслѣдству. Лопака и Кивъ перемигнулись.

«Такъ или иначе, придется мнѣ имѣть такой домъ, это ясно,— думалъ Кивъ.—Онъ получится отъ дьявола, и боюсь, что для меня будетъ тутъ мало хорошаго. Я увѣренъ только въ томъ, что никакихъ желаній больше имѣть не буду, пока эта бутылка находится у меня. Домомъ этимъ меня навьючили, и придется взять добро вмѣстѣ со зломъ».

Итакъ, оба они съ архитекторомъ составили и подписали договоръ. Лопака и Кивъ сѣли на корабль и поплыли въ Австралію, потому что они рѣшили ни во что не вмѣшиваться и предоставить архитектору и бутылкѣ строить и украшать домъ въ свое удовольствіе.

Путешествіе было пріятнымъ путешествіемъ, только Кивъ все время сдерживался, такъ какъ поклялся не высказывать больше желаній и не принимать больше милостей отъ дьявола. Черезъ нѣкоторое время они вернулись. Архитекторъ сообщилъ имъ, что домъ готовъ, и Лопака съ Кивомъ отправились туда, осмотрѣли домъ и увидѣли, что все устроено точно такъ, какъ задумалъ Кивъ.

Домъ стоялъ на горѣ, которая была видна съ моря. Наверху поднимался лѣсъ до дождевыхъ облаковъ, внизу стекала черная лава въ ущелья, гдѣ были похоронены прежніе короли. Домъ былъ окруженъ садомъ съ множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ; по одну сторону былъ садъ съ дышными деревьями, по другую—фруктовый садъ, а впереди, со стороны моря, поставлена была мачта, на которой развѣвался флагъ. Домъ былъ трехъэтажный съ балконами при каждомъ этажѣ. Окна были стеклянныя, чистая, какъ вода, и свѣтлыя, какъ день. Комнаты были убраны всевозможною мебелью. По стѣнамъ висѣли картины въ золотыхъ рамахъ, картины кораблей, сраженій, самыхъ красивыхъ женщинъ и оригинальныхъ мѣстностей. Нигдѣ въ мірѣ не было такихъ блестящихъ красокъ, какъ на картинахъ, висѣвшихъ въ домѣ Кива. Что касается бездѣлушекъ, онѣ всѣ были удивительно красивы: часы съ боемъ, музыкальные ящики, человѣчки съ кивающими головами, книжки съ картинками, дорогое оружіе всѣхъ странъ свѣта и самыя изящныя вещички, служащія для

развлеченія одинокаго человѣка въ часы досуга. Такъ какъ никому не можетъ нравиться жить въ такихъ палатахъ только ради того, чтобъ расхаживать по нимъ одному, да любоваться ими, то были устроены балконы такихъ размѣровъ, что на нихъ могъ помѣститься весь городъ. Кивъ не зналъ, которому балкону отдать предпочтеніе—тому ли, который выходилъ въ садъ и цвѣтникъ и гдѣ дулъ береговой вѣтеръ, или выходившему на море балкону, гдѣ упиваешься морскимъ воздухомъ, смотришь на обрывъ, откуда видишь пароходъ дѣлающій рейсъ между Гукена и Пилемъ, или шкуны, подходящія къ берегу за дровами и за бананами.

Осмотрѣвши домъ, Кивъ и Лопака сѣли у портика.

— Ну, что? Все вышло такъ, какъ ты хотѣлъ?—спросилъ Лопака.

— Словъ не хватаетъ! Все гораздо лучше, чѣмъ я мечталъ, и я пресыщенъ удовлетвореніемъ.

— Нужно принять въ соображеніе одно,—замѣтилъ Лопака,—все это могло выйти совсѣмъ естественно, и дьявольская бутылка тутъ ровно непричемъ. Если я куплю бутылку, и въ концѣ концовъ не получу шкуны, то, значитъ, даромъ суну руку въ огонь. Я далъ тебѣ слово, я знаю, но думаю, что ты не откажешься дать мнѣ еще одно доказательство.

— Я поклялся не принимать больше милостей,—возразилъ Кивъ.—И такъ ужъ залѣзъ глубоко.

— Я думаю не о милостяхъ, а просто хочу самъ видѣть бутылку,—сказалъ Лопака.—Этимъ ничего не выгадаешь, стало быть и стыдиться нечего; однако, я убѣжденъ, что, увидя, я узнаю навѣрное все дѣло, и потому прошу тебя, покажи мнѣ бутылку, и я куплю ее. Вотъ и деньги въ рукѣ.

— Я боюсь одного,—сказалъ Кивъ.—Дьяволенокъ можетъ оказаться такимъ безобразнымъ, что ты, взглянувши на него, можешь не пожелать бутылки.

— Я держу данное слово,—сказалъ Лопака.—Вотъ деньги.

— Отлично,—возразилъ Кивъ.—Мнѣ и самому любопытно. Позвольте намъ взглянуть на васъ, г-нъ дьяволенокъ!

Какъ только это было сказано, дьяволенокъ вылѣзъ изъ бутылки и снова влѣзъ въ нее быстро, какъ ящерица. Кивъ и Лопака сидѣли, какъ окаменѣлые. Ночь наступила раньше, чѣмъ

они могли найти мысль и голосъ для выраженія ея. Затѣмъ Лопака передалъ деньги и взялъ бутылку.

— Я умѣю держать слово,—сказалъ онъ,—и долженъ сдержать его, а не то я и ногой не прикоснулся бы къ этой бутылкѣ. Добуду себѣ шкуну, доллара два карманныхъ денегъ, а затѣмъ по возможности скорѣе отдѣлаюсь отъ бутылки, потому что, по правдѣ сказать, видъ чертенка подѣйствовалъ на меня убійственно.

— Лопака, не думай обо мнѣ очень дурно, — сказалъ Кивъ.—Я знаю, что теперь ночь, что дороги скверныя, что кладбище плохое мѣсто для такого поздняго часа, но съ той поры, какъ я увидѣлъ эту рожу, я не въ состояніи ни ѣсть, ни спать, ни молиться, пока ея не возьмутъ отъ меня. Я дамъ тебѣ фонарь, корзиночку для бутылки и какую хочешь картину или другую прекрасную вещь, какая тебѣ приглянется, только уходи ночевать къ Нэину въ Гукену.

— Многіе дурно отнеслись бы къ этому,—сказалъ Лопака,—особенно послѣ того, что я поступилъ съ тобой по-пріятельски, сдержалъ слово и купилъ бутылку; кромѣ того, и ночь, и темнота, и могилы въ десять разъ опаснѣе для человѣка съ такимъ грѣхомъ на совѣсти и съ такой бутылкой въ рукахъ, но я такъ напуганъ самъ, что у меня не хватаетъ духа бранить тебя. Я уйду и буду молиться Богу, чтобы ты былъ счастливъ со своимъ домомъ, а я со шкуною, и чтобы въ концѣ концовъ мы оба попали въ рай, вопреки дьяволу и его бутылкѣ.

Лопака спустился съ горы, а Кивъ стоялъ на фронтовомъ балконѣ, слушалъ стукъ лошадиныхъ копытъ, наблюдалъ за свѣтомъ фонаря на дорогѣ, смотрѣлъ на ущелье съ пещерами, гдѣ были похоронены покойники, и все время дрожалъ, складывалъ руки, молился за своего друга и благодарилъ Бога, что самъ избавился отъ тревогъ.

Но слѣдующій день былъ такой ясный, и домъ его представлялъ такое прекрасное зрѣлище, что онъ забылъ свои ужасы. День шелъ за днемъ, и Кивъ жилъ въ полной радости. Онъ избралъ себѣ заднюю половину дома, тамъ онъ и ѣлъ, и жилъ, и читалъ разсказы въ газетахъ Гонолулу, а когда кто-нибудь заходилъ къ нему, онъ показывалъ комнаты и картины. Слава о немъ разнеслась повсюду. Его называли во всемъ Конѣ «Ка-Халэ-Нуи», т. е. самый знатный домъ, а иногда называли «Блестя-

щимъ Домомъ», потому что Кивъ нанялъ слугу-китайца, который цѣлыми днями все мылъ и чистилъ, почему и зеркала, и позолота, и красивые ковры, и картины блестѣли, какъ утро. Кивъ не могъ ходить по дому безъ пѣсенъ, такъ весело было у него на душѣ, а когда мимо проходили корабли, ему ужасно хотѣлось, чтобы оттуда видѣли, какъ развѣвается на его мачтѣ флагъ.

Такъ онъ жилъ до тѣхъ поръ, пока не поѣхалъ однажды въ Кейлуа къ одному изъ своихъ пріятелей. Его тамъ отлично угостили; но онъ уѣхалъ оттуда очень рано утромъ, потому что его разбирало нетерпѣніе видѣть свой прекрасный домъ и, кромѣ того, наступающая ночь была именно тою ночью, когда давно умершіе бродятъ по Конѣ, и онъ, уже имѣвшій сношенія съ дьяволомъ, тѣмъ болѣе остерегался встрѣчи съ покойниками. Немного дальше Гонаунау онъ увидѣлъ женщину, купавшуюся у берега моря. Она казалась взрослою дѣвушкою, но онъ объ этомъ не думалъ. Онъ видѣлъ, какъ развѣвалась ея бѣлая сорочка, какъ она надѣла ее, потомъ красное холоку *). Къ тому времени, какъ онъ подошелъ къ ней, она уже успѣла закончить свой туалетъ и стояла на берегу въ своемъ красномъ холоку, освѣженная купаньемъ, съ свѣтившимися добротой глазами. Кивъ, увидя ее, опустилъ повода.

— Я думалъ, что всѣхъ знаю въ этой мѣстности,—сказалъ онъ.—Какъ же это вышло, что васъ я не знаю?

— Я Кокуа, дочь Кьяно,—сказала дѣвушка,—и только что вернулась изъ Оагу.—А вы кто?

— Я вамъ скажу, кто я, но не теперь, а немного погодя,—отвѣтилъ Кивъ, слѣзая съ лошади.—Я задумалъ кое-что, а если вы узнаете, кто я, вы, можетъ быть, слышали обо мнѣ и не отвѣтите мнѣ правды. Прежде всего скажите мнѣ: вы замужемъ?

Кокуа на это громко расхохоталась.

— Вы предлагаете вопросы, а сами то вы женаты?—спросила она.

— Не женатъ, Кокуа, и до настоящаго часа даже не думалъ о женитьбѣ,—отвѣтилъ Кивъ.—Я вамъ скажу сущую правду. Встрѣтилъ я васъ здѣсь на дорогѣ, увидѣлъ ваши глаза, похожіе на звѣзды, и сердце мое полетѣло къ вамъ, какъ птичка. Если я вамъ не нравлюсь, такъ и скажите, и я поѣду къ себѣ домой,

*) Короткая юбка.

— Я думалъ, что всѣхъ знаю въ этой мѣстности.

если же вы находите меня не хуже другихъ молодыхъ людей, я вернусь съ вами въ домъ вашего отца, переночую, а завтра поговорю съ добрымъ человѣкомъ.

Кокуа не сказала ни слова, только взглянула на море и засмѣялась.

— Вы молчите, Кокуа, я принимаю это за благопріятный отвѣтъ,—сказалъ Кивъ.—Въ такомъ случаѣ отправимся въ домъ вашего отца.

Она молча пошла впередъ, иногда оглядываясь назадъ и держа во рту завязки своей шляпы.

Когда они подошли къ дому. Кьяно вышелъ на веранду и радостно привѣтствовалъ Кива, назвавъ его по имени. При этомъ молодая дѣвушка взглянула на него мелькомъ. Слава о домѣ достигла до ея ушей, и, разумѣется, это было большимъ соблазномъ для нея. Они весело провели вечеръ. Дѣвушка держала себя свободно на глазахъ у родителей и подсмѣивалась надъ Кивомъ— она была одарена остроуміемъ. На другой день тотъ переговорилъ съ Кьяно и узналъ, что дѣвушка одна.

— Вы вчера весь вечеръ смѣялись надо мной, Кокуа,—сказалъ онъ.—Теперь пора приказать мнѣ удалиться. Вчера я не хотѣлъ сказать свое имя потому, что, обладая такимъ красивымъ домомъ, боялся, что вы будете слишкомъ много думать о домѣ и слишкомъ мало о полюбившемъ васъ человѣкѣ. Теперь вамъ все извѣстно, и если вы хотите видѣть меня въ послѣдній разъ, такъ и скажите сразу.

— Нѣтъ,—сказала Кокуа.

На этотъ разъ она не засмѣялась, и Кивъ не сталъ больше спрашивать.

Такъ произошло сватовство Кива. Сдѣлалось все быстро; но стрѣла и пуля летятъ еще быстрѣе, однако, и та, и другая могутъ попасть въ цѣль. Дѣло шло быстро и зашло такъ далеко, что мысль о Кивѣ звучала въ головѣ дѣвушки. Ей слышался голосъ его даже въ прибоѣ волнъ, и для этого молодого человѣка, котораго она видѣла всего на всего два раза, она готова была оставить и отца, и мать, и родные острова. Что касается Кива, то лошадь его взлетѣла по горной тропинкѣ подъ скалою могилъ, и звуки ея копытъ, и звукъ пѣсни распѣваемой Кивомъ для собственнаго удовольствія, отдавались въ пещерахъ мертвецовъ. Съ пѣснею подъѣхалъ онъ къ блестящему дому. Онъ сѣлъ кушать на боль-

шомъ балконѣ, и китаецъ дивился, что его хозяинъ поетъ между глотками. Солнце опустилось въ море, и наступила ночь, а Кивъ разгуливалъ по балконамъ при свѣтѣ лампъ и пѣніемъ своимъ поражалъ людей, находившихся на корабляхъ.

— Я достигъ высшаго предѣла счастія,—сказалъ онъ самъ себѣ.—Лучше этой жизни быть не можетъ! Это вершина горы. Около меня все склоняется къ худшему. Велю освѣтить комнаты и въ первый разъ выкупаюсь въ своей прекрасной ваннѣ съ горячею и холодною водою, а потомъ лягу спать на кровати моей брачной комнаты.

Онъ отдалъ приказаніе китайцу. Тому пришлось встать, затопить печи. Работая внизу у паровыхъ котловъ, онъ слышалъ, какъ радостно распѣвалъ его господинъ въ освѣщенныхъ комнатахъ.

Когда вода нагрѣлась, китаецъ позвалъ Кива, и тотъ вошелъ въ ванную комнату. И китаецъ слышалъ, какъ онъ пѣлъ, наполняя мраморный бассейнъ, пѣлъ, пока раздѣвался, и вдругъ пѣнье прекратилось.

Китаецъ слушалъ, слушалъ, потомъ поднялся наверхъ къ Киву спросить, все ли благополучно. Кивъ отвѣтилъ «да» и приказалъ ему ложиться. Пѣнья больше въ блестящемъ домѣ не было, и всю ночь китаецъ слышалъ, какъ хозяинъ его ходилъ безъ отдыха по балконамъ.

Дѣло то, по правдѣ сказать, заключалось въ томъ, что Кивъ, раздѣвшись, замѣтилъ на своемъ тѣлѣ лишай, похожій на заплату на сюртукѣ. Тогда то онъ и пересталъ пѣть, потому что ему была знакома такая заплата, и онъ зналъ, что заболѣлъ китайскою болѣзнью—проказою.

Каждому печально было бы получить такую болѣзнь и грустно было бы покинуть такой прекрасный удобный домъ и уѣхать отъ друзей на сѣверный берегъ Молокая къ утесамъ и прибоямъ. А каково было Киву, который вчера только встрѣтилъ свою возлюбленную, сегодня получилъ ея согласіе и вдругъ увидѣлъ, что всѣ его надежды разбились, какъ какая-нибудь стеклянная вещица?

Онъ сначала присѣлъ на край ванны, затѣмъ вскрикнулъ, вскочилъ и, выбѣжавъ на балконъ, сталъ бѣгать взадъ и впередъ, какъ сумасшедшій.

«Я охотно оставилъ бы Гавайю, родину моихъ предковъ,—

думалъ Кивъ.—Оставилъ бы и свой домъ на горѣ и смѣло поѣхалъ бы въ Молокай къ обрывамъ Калаупапа, жилъ бы тамъ съ прокаженными, и умеръ бы вдали отъ отцовъ моихъ. Но что я сдѣлалъ дурного, какой грѣхъ лежитъ на моей душѣ, что я встрѣтилъ Кокуа, освѣжавшуюся вечеромъ морскою водою? О, Кокуа, души обольстительница! Свѣтъ жизни моей! Не жениться мнѣ на ней! Не видать мнѣ ея больше. Не обнимать мнѣ ея любящей рукой. Объ этомъ только, о тебѣ, о, Кокуа, изливаю я свои жалобы».

Вы понимаете теперь, какого сорта человѣкъ былъ Кивъ. Онъ могъ жить въ своемъ домѣ долгіе годы, и никто не узналъ бы о его болѣзни. Но для него это значенія не имѣло, если онъ долженъ былъ лишиться Кокуа. Опять таки онъ могъ бы даже въ такомъ видѣ жениться на Кокуа, и многіе сдѣлали бы это, потому что у нихъ душа кабанья; но Кивъ любилъ дѣвушку благородно и не хотѣлъ вредить ей и подвергать ее опасности.

Немного попозже пополуночи онъ вспомнилъ про бутылку. Онъ обошелъ кругомъ къ заднему портику и припомнилъ тотъ день, когда дьяволенокъ выглянулъ изъ бутылки, и при этой мысли холодъ пробѣжалъ по его жиламъ.

«Страшная штука эта бутылка.—думалъ Кивъ,—и дьяволенокъ страшенъ, и ужасный рискъ адское пламя, но какую еще надежду я могу имѣть, чтобы излечить свою болѣзнь и жениться на Кокуа? Если я не испугался дьявола только ради пріобрѣтенія дома, такъ неужто мнѣ не поглядѣть на него снова, чтобы получить Кокуа?».

Тутъ ему припомнилось, что завтра «Голлъ» зайдетъ сюда на обратномъ пути въ Гонолулу.

«Я поѣду сначала туда повидаться съ Лопака,—подумалъ онъ.—Теперь у меня одна надежда разыскать эту самую бутылку, отъ которой я былъ такъ радъ отдѣлаться».

Онъ ни на секундочку не заснулъ. Куски пищи застревали въ горлѣ. Онъ написалъ письмо Кьяно, а самъ около того времени, когда долженъ былъ придти пароходъ, поѣхалъ верхомъ около утеса могилъ. Лошадь шла шагомъ. Онъ поднялъ глаза на темные входы пещеръ и позавидовалъ умершимъ, которые спали тамъ, покончивъ съ тревогами. Вспомнивъ, какъ онъ галопировалъ здѣсь наканунѣ, онъ удивился. Когда онъ спустился къ Гукена, тамъ уже собралось все населеніе для встрѣчи парохода.

Всѣ сидѣли подъ навѣсомъ передъ магазиномъ, болтали, шутили, передавали новости. Киву было не до разговоровъ, и онъ, сидя среди толпы, смотрѣлъ на дождь, поливающій дома, на прибой волнъ между скалъ, и вздохи поднимались изъ его груди.

— Кивъ изъ «блестящаго дома» не въ духѣ сегодня,—говорили люди другъ другу.

Онъ былъ дѣйствительно не въ духѣ и не удивительно. Пришелъ «Голлъ», и вельботъ доставилъ Кива на бортъ. Задняя корма была переполнена гаолами (бѣлыми), посѣщавшими, какъ у нихъ принято, вулканъ; въ средней части толпились канаки, а переднюю корму заняли волы изъ Хило и лошади изъ Кеу. Кивъ сѣлъ особнякомъ отъ всѣхъ и съ грустью смотрѣлъ на домъ Кьяно, стоявшій внизу, среди темныхъ скалъ, подъ сѣнью кокосовыхъ пальмъ. Онъ слѣдилъ за краснымъ фолоку, казавшимся не больше мухи и двигавшимся взадъ и впередъ вмѣстѣ съ порхающимъ существомъ. «О, царица сердца моего,—воскликнулъ онъ,—душою своею жертвую, чтобы владѣть тобою!».

Вскорѣ стемнѣло. Каюты освѣтили, и гаолы по обыкновенію сѣли играть въ карты и пить виски; а Кивъ всю ночь проходилъ по палубѣ, и весь слѣдующій день, когда они шли на парахъ съ подвѣтренной стороны Мауи или Молокая, онъ продолжалъ ходить, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ.

Подъ вечеръ они прошли мимо Бриллiантовой головы къ дамбѣ Гонолулу. Кивъ вышелъ съ толпой и сталъ разспрашивать про Лопака. Оказалось, онъ пріобрѣлъ шкуну—лучшей не было на островахъ—и отправился чуть ли не въ Пола-Пола или въ Каики. Стало быть, разыскивать Лопака было безполезно. Кивъ припомнилъ объ одномъ изъ его пріятелей—городскомъ нотаріусѣ (имени его я назвать не смѣю) и освѣдомился о немъ. Ему сказали, что онъ неожиданно разбогатѣлъ и пріобрѣлъ себѣ прекрасный домъ на берегу Ваикики. Это навело Кива на мысль; онъ крикнулъ извозчика и поѣхалъ къ нотаріусу.

Домъ былъ новенькій, и деревья въ саду не больше тросточекъ. Самъ нотаріусъ имѣлъ видъ вполнѣ довольнаго человѣка.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ.

— Вы другъ Лопака,—отвѣтилъ Кивъ,—и, вѣроятно, можете навести меня на слѣдъ одной штучки, купленной у меня Лопака.

Лицо нотаріуса омрачилось.

— Не стану притворяться, что не такъ понялъ васъ, м-ръ Кивъ, хотя не слѣдовало бы впутываться въ это скверное дѣло,— сказалъ нотаріусъ.—Вы можете быть увѣрены, что я ничего не знаю, но догадываюсь и думаю, что вы получите свѣдѣнія, если обратитесь вотъ куда.

Онъ назвалъ фамилію человѣка, которой опять-таки лучше не называть. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Кивъ ходилъ отъ одного къ другому, находя повсюду новые костюмы, кареты, чудесные дома и довольныхъ людей, лица которыхъ, однако, омрачались при его намекѣ на дѣло.

«Несомнѣнно я напалъ на слѣдъ,—думалъ Кивъ.—Всѣ эти платья, всѣ эти кареты—дары дьяволенка, а веселыя лица—именно лица людей, которые воспользовались благами и благополучно отдѣлались отъ проклятой вещи. Какъ увижу блѣдныя щеки да услышу вздохи, такъ и буду знать, что бутылка близка».

Такимъ образомъ, его направили къ одному гаолу въ Беританскую улицу. Онъ подошелъ къ двери около времени вечерней закуски и нашелъ обычные признаки новаго дома: и молодой садъ, и электрическій свѣтъ въ окнахъ; но когда вышелъ домовладѣлецъ, то дрожь надежды и страха пробѣжала по Киву, потому что онъ увидѣлъ молодого человѣка, блѣднаго, какъ смерть, облысѣвшаго и съ тѣмъ выраженіемъ, какое бываетъ у человѣка, осужденнаго на галеры. «Бутылка, навѣрно, здѣсь», подумалъ Кивъ и сообщилъ молодому человѣку цѣль своего посѣщенія.

— Я пришелъ купить бутылку,—сказалъ онъ.

При этихъ словахъ молодой гаолъ Беританской улицы прислонился къ стѣнѣ.

— Бутылку?—пролепеталъ онъ.—Вы хотите купить бутылку?—Онъ точно задохнулся, схватилъ Кива за руку, притащилъ его въ какую-то комнату и налилъ два стакана вина.

— Свидѣтельствую вамъ свое почтеніе,—сказалъ Кивъ, которому приходилось въ свое время вращаться среди бѣлыхъ.—Да, я пришелъ купить у васъ бутылку,—повторилъ онъ.—Какая сй цѣна въ настоящее время?..

При этомъ вопросѣ стаканъ выскользнулъ изъ рукъ молодого человѣка. Онъ смотрѣлъ на Кива, какъ привидѣніе.

— Цѣна?—переспросилъ онъ.—Цѣна... Вамъ развѣ цѣна неизвѣстна?

— Потому-то именно я васъ спрашиваю о ней,—возразилъ

Кивъ.—Отчего вы такъ смутились? Или съ цѣною что-нибудь не ладно?

— Она съ вашего времени очень упала въ цѣнѣ, м-рь Кивъ,—сказалъ, заикаясь, молодой человѣкъ.

— Хорошо, хорошо! У меня найдется меньшая монета, чтобъ заплатить за нее,—возразилъ Кивъ.—Сколько она вамъ стоила?

— Два цента,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, блѣдный, какъ полотно.

— Какъ, два цента?—воскликнулъ Кивъ.—Значитъ, продать ее вы можете только за одинъ центъ, а тотъ, кто ее купитъ...—Слова замерли на языкѣ Кива. Ему уже не придется продать ее, и бутылка съ дьяволенкомъ останется у него до самой смерти и послѣ смерти потащитъ его въ пекло ада.

Молодой человѣкъ Беританской улицы упалъ передъ нимъ на колѣни.

— Купите ее ради Бога!—воскликнулъ онъ.—Возьмите въ придачу все мое состояніе. Я былъ сумасшедшимъ, купивши ее за такую цѣну. Я растратилъ конторскія деньги, и безъ этого погибъ бы, пришлось бы идти на галеры.

— Бѣдное созданіе, вы рисковали душой ради такого отчаяннаго случая, во избѣжаніе наказанія за личный позоръ, и думаете, что я могу колебаться, имѣя въ виду любовь! Дайте мнѣ бутылку и сдачу, которая у васъ, навѣрно, заготовлена. Вотъ вамъ пять центовъ.

Кивъ не ошибся въ своемъ предположеніи: сдача лежала готовою въ комодѣ. Бутылка перешла въ другія руки, и Кивъ, прикоснувшись къ ней пальцами, сейчасъ же выразилъ желаніе стать чистымъ человѣкомъ. По возвращеніи домой онъ прошелъ въ свою комнату и, раздѣвшись передъ зеркаломъ, убѣдился, что кожа у него стала, какъ у ребенка. Тутъ случилась странная вещь: только что онъ увидѣлъ это чудо, какъ настроеніе его измѣнилось, и онъ забылъ думать и о проказѣ, и о Кокуа, и осталась у него только одна дума, что онъ на вѣки вѣчные связанъ съ дьявольской бутылкой, и нѣтъ у него впереди ничего лучшаго, какъ вѣчно быть угольнымъ мусоромъ въ пламени ада. Мысленному зрѣнію его представлялось пламя, и сердце его сжалось, въ глазахъ потемнѣло.

Когда Кивъ пришелъ немного въ себя, онъ вспомнилъ, что въ этотъ вечеръ въ отелѣ играетъ оркестръ. Онъ пошелъ туда, потому что боялся остаться одинъ, и тамъ, среди довольныхъ лицъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ, слушалъ музыку, смотрѣлъ, какъ Бергеръ отбивалъ тактъ, и продолжалъ все время слышать трескъ пламени и видѣлъ красный огонь, горѣвшій на днѣ бездонной пропасти. Вдругъ оркестръ заигралъ «Хики-ао-ао», пѣсню, которую онъ пѣлъ съ Кокуа, и мужество вернулось къ нему.

«Дѣло сдѣлано,—подумалъ онъ.—Воспользуемся еще разъ добромъ и зломъ».

Онъ съ первымъ пароходомъ вернулся въ Гавайю и, какъ только все устроилось, женился на Кокуа и перевезъ ее въ «блестящій домъ» на горѣ.

Стали они жить такъ: когда они бывали вмѣстѣ, сердце Кива успокаивалось, но какъ только онъ оставался одинъ, на него нападалъ ужасъ, и ему снова слышался трескъ пламени и видѣлся огонь въ бездонной пропасти. Дѣвушка всецѣло отдалась ему: сердце ея усиленно билось при видѣ его, и рука цѣплялась за его руку. Она была такъ изящна отъ головы до кончика ногтей, что всѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на нее. Характеръ у нея былъ премилый, и всегда было наготовѣ ласковое слово. Она—это лучшее украшеніе всѣхъ трехъ этажей «блестящаго дома»—ходила по комнатамъ, распѣвая, какъ птичка; а Кивъ съ восторгомъ смотрѣлъ на нее, слушалъ, а потомъ съеживался, плакалъ и ворчалъ при мысли о цѣнѣ, которую онъ заплатилъ за нее. Послѣ этого ему приходилось вытереть глаза, вымыть себѣ лицо, итти къ ней на балконъ, присоединяться къ ея пѣнію и съ болью въ душѣ отвѣчать на ея улыбки.

Наконецъ, насталъ день, когда она стала не такъ легка на ноги, и пѣсни стали раздаваться рѣже. Теперь плакалъ уже не одинъ Кивъ, а оба прятались другъ отъ друга на противоположные балконы, раздѣленные всѣмъ пространствомъ «блестящаго дома». Кивъ былъ такъ погруженъ въ свое отчаяніе, что не замѣчалъ перемѣны и только радовался, что можетъ большее число часовъ сидѣть одинъ и думать о своей судьбѣ, и что не такъ часто приходится показывать улыбающуюся физіономію съ болью на душѣ. Однажды, проходя по дому, онъ услышалъ рыданія и нашелъ Кокуа лежавшею ничкомъ на балконѣ и плачущей, какъ потерянная.

— Ты хорошо дѣлаешь, что плачешь въ этомъ домѣ, Кокуа,—сказалъ онъ,—хотя я отдалъ бы голову на отсѣченіе, чтобы ты была счастлива.

— Счастлива!—воскликнула она.—Когда ты жилъ одинъ въ своемъ «блестящемъ домѣ», ты слылъ на островѣ за счастливаго человѣка. Смѣхъ и пѣсни были на твоихъ устахъ, и лицо твое было свѣтло, какъ солнце. Потомъ ты женился на бѣдной Кокуа, и—Богъ знаетъ чего ей недостаетъ—съ тѣхъ поръ ты пересталъ улыбаться!—Она заплакала.—О, за что это! Я думала, что я хорошенькая! Я любила его! Чѣмъ могла я нагнать это облако на супруга моего?

— Бѣдняжка Кокуа,—сказалъ Кивъ, садясь рядомъ съ нею и стараясь взять ея руку, которую она вырвала у него,—бѣдняжка Кокуа!—повторилъ онъ снова.—Бѣдное дитя мое! Милочка моя! Я все время думалъ о томъ, какъ бы пощадить тебя. Ну, хорошо! Ты все узнаешь и, быть можетъ, пожалѣешь Кива и поймешь, какъ горячо онъ любилъ тебя, если рисковалъ попасть въ адъ за обладаніе тобою, и какъ несчастный осужденный до сихъ поръ тебя любитъ, если въ состояніи улыбаться при видѣ тебя!

И онъ разсказалъ ей всю исторію съ самаго начала до конца.

— Ты это сдѣлалъ ради меня?—воскликнула она.—Но вѣдь я то тутъ непричемъ,—заплакала она, прижимаясь къ нему.

— Ахъ, дитя! Да мнѣ-то страшно, когда я подумаю объ адскомъ пламени!

— Не говори! Никто не можетъ погибнуть за то, что любилъ Кокуа, не имѣя за собой другой вины. Послушай, Кивъ! Я спасу тебя этими руками или погибну вмѣстѣ съ тобою. Ты, любя меня, отдалъ свою душу и думаешь, что я взамѣнъ этого не пожелаю умереть, чтобы спасти тебя?

— Ахъ, дорогая моя, хоть сто разъ умри, разницы никакой не будетъ!—воскликнулъ онъ.—Развѣ только оставишь меня тосковать до дня моего осужденія!..

— Ты ничего не знаешь,—возразила она.—Я не простая дѣвушка, я воспитывалась въ школѣ въ Гонолулу и говорю, что спасу своего возлюбленнаго. Что ты говорилъ насчетъ цента? Но свѣтъ состоитъ не изъ однихъ американцевъ. Въ Англіи есть монета, которую они называютъ фартингъ, она равняется половинѣ цента. Ахъ, какое горе!—воскликнула она.—Это не улуч-

шаетъ дѣла, потому что покупатель долженъ погибнуть, а намъ не найти другого такого молодца, какъ мой Кивъ!.. Есть еще Франція. У нихъ есть мелкая монета, называется она сантимъ, и ихъ даютъ пять за центъ или около того. Лучшаго мы ничего сдѣлать не можемъ. Поѣдемъ, Кивъ, на французскіе острова, поѣдемъ на Таити какъ можно скорѣе. У насъ будетъ четыре сантима, три сантима, два сантима, одинъ сантимъ, еще четыре продажи впереди, и мы оба можемъ вступать въ переговоры. Ну, Кивъ, поцѣлуй меня и прогони тревогу, Кокуа защититъ тебя.

— Даръ Божій!—воскликнулъ онъ.—Подумать не могу, что Богъ накажетъ меня за желаніе получить такое сокровище! Поступай, какъ знаешь, вези меня, куда хочешь! Вручаю тебѣ и свою жизнь, и свое спасенье.

На слѣдующее утро Кокуа занялась приготовленіемъ, вытащила сундукъ Кива, который онъ бралъ въ плаваніе, поставила въ уголъ бутылку и уложила въ него самые богатые костюмы и самыя лучшія бездѣлушки, потому что «мы должны казаться богатыми, ато кто же повѣритъ въ бутылку?»,—сказала она.

Во время приготовленій она была весела, какъ птичка, и только, увидя Кива, готова была заплакать, и она подбѣгала къ нему и цѣловала его. У Кива же тяжесть свалилась съ души. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ подѣлился своей тайной и у него явился лучъ надежды впереди, онъ словно возродился, ноги носили его легко по землѣ, и дышать онъ сталъ свободнѣе. Но ужасъ не покинулъ его совершенно, и по временамъ, при сильномъ вѣтрѣ, надежда умирала въ немъ, и мерещился ему адъ и геенна огненная.

По городу распустился слухъ, что они ѣдутъ повеселиться въ Штаты, что сочли очень страннымъ, хотя менѣе страннымъ, чѣмъ дѣйствительная причина, если бы только кто-нибудь догадывался о ней. Они отправились въ Гонолулу на «Голлѣ», оттуда на «Уматилла» въ Санъ-Франциско, затѣмъ на легкомъ почтовомъ суднѣ переправились къ Папеетѣ, главному французскому посту на южныхъ островахъ. Они прибыли туда послѣ пріятнаго путешествія въ ясный день муссона, видѣли и прибой волны, разбивающейся у рифа, и Мотуити съ его пальмами, и отходившую шхуну, и бѣлые дома на берегу, окруженные деревьями, а надъ ними горы и облака Таити—мудраго острова.

Благоразумнѣе всего было нанять домъ. Они такъ и посту-

пили, поселившись противъ британскаго консульства, чтобы шикнуть деньгами и блеснуть экипажами и лошадьми. Сдѣлать это было очень легко, имѣя въ своемъ распоряженіи бутылку. Кокуа была смѣлѣе Кива и обращалась къ дьяволенку за долларами, когда вздумается. Въ городѣ ихъ скоро замѣтили, благодаря ихъ образу жизни, и иностранцы изъ Гавайи, ихъ верховыя лошади и экипажи, прекрасные холоку и богатыя ожерелья Кокуа стали предметомъ разговоровъ.

Они очень скоро освоились съ таитскимъ языкомъ, дѣйствительно похожимъ на гавайскій, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ буквъ, и, научившись свободно владѣть имъ, начали предлагать бутылку. Вы понимаете, что предлагать было нелегко; нелегко было убѣдить людей, что вы говорите серьезно, предлагая за четыре сантима источникъ здоровья и неистощимаго богатства. Необходимо было, кромѣ того, объяснить опасность. Въ общемъ люди или не вѣрили и смѣялись, или видѣли только темную сторону, серьезно хмурились и убѣгали отъ Кива и отъ Кокуа, какъ отъ лицъ, водившихся съ дьяволомъ. Они замѣтили, что ихъ избѣгаютъ въ городѣ. Дѣти съ визгомъ убѣгали отъ нихъ,—вещь невыносимая для Кокуа,—католики крестились, когда проходили мимо, словомъ, всѣ единодушно отдѣлывались отъ ихъ разговоровъ.

На нихъ напало уныніе. Они сидѣли по вечерамъ въ своемъ новомъ домѣ и не обмѣнивались ни единымъ словомъ, или же молчаніе нарушалось внезапными рыданіями Кокуа. Иногда они вмѣстѣ молились, иногда ставили бутылку на полъ и весь вечеръ наблюдали за движеніями тѣни внутри ея. Въ такіе дни они боялись ложиться спать и долго не могли заснуть. Если одинъ изъ нихъ вздремнетъ, то, очнувшись, видитъ, что другой тихонько плачетъ въ темнотѣ, а то проснется одинъ, другой убѣжалъ отъ сосѣдства бутылки въ садикъ подъ бананы или побродить при лунномъ свѣтѣ по набережной.

Такъ было разъ ночью съ Кокуа. Она проснулась, а Кивъ ушелъ. Пощупала кровать, его мѣсто холодно. Страхъ напалъ на нее. Она сѣла. Сквозь ставни пробивался легкій лунный свѣтъ. Въ комнатѣ было свѣтло, и она могла увидѣть стоявшую на полу бутылку. На дворѣ дулъ сильный вѣтеръ, деревья громко скрипѣли въ аллеѣ, падающіе листья шуршали на верандѣ. Среди этого шума Кокуа слышала еще звуки—былъ ли то голосъ че-

ловѣка или животнаго, она разобрать не могла, — печальные, какъ смерть, и они уязвили ее до самой глубины души. Она осторожно встала, распахнула дверь и выглянула въ освѣщенный луною дворъ. Тамъ подъ бананами лежалъ лицомъ внизъ Кивъ, лежалъ и вылъ.

Первою мыслью Кокуа было подбѣжать и утѣшить его; но вторая мысль удержала ее. Кивъ велъ себя по отношенію къ женѣ, какъ честный человѣкъ, какъ молодецъ, и ей не слѣдовало въ часъ слабости обращать вниманіе и конфузить его. Эта мысль побудила ее вернуться домой.

«О, небо, какъ безпечна, какъ слаба я была,—думала она.— Гибель грозитъ ему, а не мнѣ, онъ, а не я, взялъ проклятіе на душу. Ради меня, ради такого недостойнаго существа, онъ такъ близко видитъ теперь пламя ада и чуетъ дымъ его, лежа тамъ на вѣтру при лунномъ свѣтѣ. Неужели я такъ глупа, что до сихъ поръ не догадалась о своемъ долгѣ или видѣла и отворачивалась? Теперь, наконецъ, заберу свою душу въ руки любви, прощусь съ бѣлыми ступенями неба и ожидающими меня лицами друзей... Любовь за любовь! Пусть и моя любовь сравнится съ любовью Кива! Душу за душу! Пусть гибнетъ моя душа!»

Она была женщина ловкая и одѣлась очень быстро; затѣмъ взяла размѣнную монету (они всегда имѣли при себѣ драгоцѣнные сантимы, такъ какъ монета эта употребляется рѣдко, и они запаслись ею въ правительственномъ учрежденіи). Когда она вошла въ аллею, вѣтеръ нагналъ тучи, и луна скрылась. Городъ спалъ, и она не знала, куда бы ей повернуть, не знала, пока не услышала чьего-то кашля въ тѣни деревьевъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь, старичекъ, въ такую холодную ночь?— спросила Кокуа.

Старикъ едва могъ говорить отъ кашля. Изъ словъ его она поняла, что онъ старъ, бѣденъ и на островѣ чужо

— Не окажете ли вы мнѣ услугу?—сказала Кокуа.—Какъ человѣкъ посторонній, какъ старикъ, не поможете ли вы дочери Гавайи?

— А, такъ вы-то и есть колдунья съ восьми острововъ!— сказалъ старикъ.—Вамъ хочется смутить даже мою старую душу? Но я слышалъ о васъ и презираю ваше беззаконіе.

— Сядьте и позвольте мнѣ разсказать вамъ одну исторію,— сказала Кокуа. И она передала ему исторію Кива отъ начала до

Тамъ подъ бананами лежалъ лицомъ внизъ Кивъ, лежалъ и былъ.

конца.—Я—его жена, которую онъ купилъ за спасеніе души своей,—продолжала она.—Что мнѣ дѣлать? Если я пойду къ нему сама и предложу купить бутылку, онъ откажетъ; но если придете вы, онъ съ удовольствіемъ продастъ. Я подожду васъ здѣсь. Вы купите ее за четыре сантима, а я перекуплю у васъ за три. Господь подкрѣпитъ бѣдную дѣвушку!

— Если вы фальшивите, я думаю, Богъ поразитъ васъ смертью,—сказалъ старикъ.

— Поразитъ, поразитъ, будьте увѣрены!—воскликнула Кокуа.—Я не могу обмануть, Богъ не потерпитъ этого!

— Давайте мнѣ четыре сантима и ждите меня здѣсь,—сказалъ старикъ.

Когда Кокуа осталась одна на улицѣ, сердце ея замерло. Вѣтеръ ревѣлъ между деревьями и казался ей шумомъ адскаго пламени. Тѣни толпились при свѣтѣ уличныхъ фонарей и казались ей хватающими руками дьяволовъ. Если бы у нея хватило силы, она убѣжала бы; если бы хватило голоса, закричала бы, но она не могла сдѣлать ни того, ни другого и стояла въ аллеѣ, дрожа, какъ испуганный ребенокъ.

Потомъ она увидѣла старика, возвращавшагося съ бутылкой въ рукахъ.

— Я исполнилъ вашу просьбу,—сказалъ онъ.—Мужа вашего я оставилъ плачущимъ, какъ дитя. Сегодня онъ будетъ сладко спать.

Онъ подалъ ей бутылку.

— Прежде чѣмъ отдадите ее мнѣ,—вздохнула Кокуа,—воспользуйтесь ею и потребуйте, чтобы она избавила васъ отъ кашля.

— Я уже старикъ и слишкомъ близокъ къ могилѣ, чтобы пользоваться милостью дьявола,—возразилъ тотъ.—Что это значитъ? Почему вы не берете бутылки? Вы колеблетесь?

— Не колеблюсь, но чувствую слабость. Подождите минутку. Рука не слушается, тѣло отстраняется отъ проклятой вещи,—сказала Кокуа.—Одну минуточку только!

Старикъ ласково посмотрѣлъ на Кокуа.

— Бѣдное дитя!—сказалъ онъ.—Вы боитесь. Вы предчувствуете несчастіе... Ну, пусть бутылка останется у меня. Я уже старикъ и на этомъ свѣтѣ счастливъ быть не могу, а относительно будущаго...

— Дайте ее мнѣ!—перебила, задыхаясь, Кокуа. — Вотъ деньги. Неужели вы считаете меня такою низкою? Дайте бутылку!

— Да благословитъ васъ Богъ, дитя!—сказалъ старикъ.

Кокуа спрятала бутылку подъ холоку, простилась со старикомъ и пошла по аллеѣ, куда глаза глядятъ. Для нея теперь всѣ дороги были равны: всѣ вели въ адъ. Иногда она шла тихо, иногда бѣжала, то громко вскрикивала, то ложилась у дороги и плакала. Ей припомнилось все, что она слышала объ адѣ, и она чуяла дымъ, видѣла, какъ морщилось на угольяхъ ея тѣло.

Подъ утро она пришла въ себя и вернулась домой. Старикъ сказалъ правду: Кивъ спалъ, какъ ребенокъ. Кокуа стояла и смотрѣла на него.

— Теперь, муженекъ, твой чередъ спать, — сказала она,— твой чередъ будетъ смѣяться и пѣть, когда проснешься. А бѣдная Кокуа... увы, не будетъ больше ни спать, ни пѣть, ни наслаждаться ни на землѣ, ни въ раю!

Она легла рядомъ съ нимъ на кровать, и горе ея было такъ сильно, что она моментально впала въ глубокій сонъ.

Поздно утромъ мужъ разбудилъ ее и сообщилъ пріятную новость. Онъ словно поглупѣлъ отъ восторга, такъ какъ не обратилъ вниманія на ея скорбь, какъ ни плохо она скрывала ее. Слова застревали у нея въ горлѣ; все равно, Кивъ говорилъ за нее. Она не съѣла ни кусочка, но кто замѣтилъ это? Кивъ очистилъ все блюдо. Кокуа смотрѣла и слушала его, какъ во снѣ. По временамъ она забывалась и проводила рукою по лбу. Ей казалось чудовищнымъ сознавать себя обреченною на гибель и слышать болтовню мужа. Кивъ все время ѣлъ, разговаривалъ, назначилъ время возвращенія, благодарилъ ее за спасеніе, ласкалъ, называлъ своей вѣрной помощницей и посмѣивался надъ старикомъ, который былъ такъ глупъ, что купилъ бутылку.

— На видъ казался почтеннымъ старикомъ, но по наружности судить нельзя,—говорилъ Кивъ.—И на что старому негодяю понадобилась бутылка?

— У него могла быть хорошая цѣль, муженекъ,—сказала скромно Кокуа.

Кивъ засмѣялся, какъ человѣкъ разсердившійся.

— Чепуха! Говорятъ тебѣ, старый плутъ и старый оселъ!— крикнулъ Кивъ.—И за четыре-то сантима трудно было продать

бутылку, а за три будетъ почти невозможно. Пространство не особенно-то велико, вещь начинаетъ припахивать паленымъ... Брр!—вздрогнулъ онъ.—Я самъ, правда, купилъ ее за одинъ центъ, не зная, что есть болѣе мелкія монеты. Я одурѣлъ отъ страданья, а другого такого дурака не найдется, и бутылка останется до конца у того, кто купилъ ее!

— О, не ужасно ли спастись самому путемъ вѣчной гибели другого?—сказала Кокуа.—Мнѣ кажется, что я не могла бы смѣяться. Меня это тревожило бы. Я была бы полна тоски и молилась бы за бѣднаго обладателя бутылки.

Кивъ, сознавая ея правоту, разсердился еще больше.

— Скажите пожалуйста!—воскликнулъ онъ.—Можешь тосковать, если желаешь! Такъ не поступила бы хорошая жена. Ты постыдилась бы говорить это, если бы сколько-нибудь думала обо мнѣ!

Съ этими словами онъ вышелъ, и Кокуа осталась одна.

Былъ ли у нея какой-нибудь шансъ продать бутылку за два сантима?

Она не предвидѣла никакого; а если и былъ, то мужъ торопилъ ея отъѣздъ въ мѣстность, гдѣ нѣтъ монеты ниже цента. А теперь? На другое утро ея самопожертвованія мужъ браниться и покидаетъ ее!

Она не пыталась даже воспользоваться временемъ, предоставленнымъ въ ея распоряженіе, а осталась дома, вынула бутылку, съ ужасомъ осмотрѣла ее и съ отвращеніемъ убрала съ глазъ долой.

Кивъ, между тѣмъ, вернулся и предложилъ ей прокатиться.

— Мнѣ, муженекъ, нездоровится,—сказала она.—Тяжело на душѣ... Извини меня, я не могу веселиться.

Тутъ Кивъ ужасно разозлился на нее, предполагая, что она скучаетъ изъ-за старика, и на себя, потому что онъ чувствовалъ, что она права, и стыдился своего счастія.

— Такъ вотъ твоя вѣрность! Такъ-то ты любишь!—воскликнулъ онъ.—Мужъ твой только-что спасся отъ гибели, которой онъ подвергся изъ любви къ тебѣ, а ты не можешь радоваться! У тебя безчестное сердце, Кокуа!

Онъ ушелъ взбѣшенный и цѣлый день бродилъ по городу, встрѣтилъ пріятелей, пилъ съ ними, потомъ они наняли карету, поѣхали за городъ и тамъ опять пили. Кивъ все время былъ въ

дурномъ расположеніи духа, потому что онъ такимъ образомъ проводилъ время, а жена скучала, и потому еще, что въ душѣ онъ сознавалъ, что она болѣе права, чѣмъ онъ, и сознаніе это побуждало его пить еще больше.

Съ нимъ вмѣстѣ пилъ одинъ грубый старикъ-гаолъ. Онъ былъ шкиперомъ китоловнаго судна, дезертировалъ, работалъ въ рудникахъ и былъ приговоренъ къ тюремному заключенію. У него была низкая душа и злой языкъ. Онъ самъ любилъ пить, любилъ, когда другіе пьютъ, и заставлялъ пить Кива. Скоро денегъ въ компаніи не оказалось.

— Послушайте, васъ считаютъ богачомъ,—сказалъ шкиперъ Киву.—У васъ есть тамъ бутылка, что ли, или другая какая-то глупость.

— Да, я богатъ,—отвѣтилъ Кивъ.—Я пойду домой и добуду деньжонокъ у жены. Она ихъ хранитъ у себя.

— Это, пріятель, плохо,—сказалъ шкиперъ.—Никогда не довѣряйте долларовъ юбкѣ. Всѣ онѣ фальшивы, какъ вода. Приглядывайте за нею!

Его слова запечатлѣлись въ душѣ Кива, потому что онъ ошалѣлъ отъ выпитаго вина.

— Я дѣйствительно не удивлюсь, если она окажется фальшивой,—подумалъ онъ.—Иначе отчего бы ей было падать духомъ при моемъ освобожденіи. Но я ей покажу, что я не такой человѣкъ, котораго можно одурачить. Я поймаю ее на мѣстѣ преступленія.

И вотъ, вернувшись въ городъ, Кивъ попросилъ шкипера подождать его на углу у старой тюрьмы, а самъ пошелъ одинъ по аллеѣ къ дому. Стемнѣло. Домъ былъ освѣщенъ внутри, но не слышно было ни звука. Кивъ пробрался осторожно къ заднему крыльцу, открылъ тихонько дверь и заглянулъ въ комнату.

Кокуа сидѣла на полу. Рядомъ съ нею стояла лампа, а передъ нею молочно-бѣлая пузатая бутылка съ длиннымъ горлышкомъ. Глядя на нее, Кокуа ломала руки.

Долго стоялъ Кивъ у порога и смотрѣлъ на жену. Сначала онъ ошалѣлъ, затѣмъ на него напалъ ужасъ, что торгъ не удался, и бутылка вернулась къ нему, какъ вернулась въ Санъ-Франциско. Ноги у него подкосились, винные пары исчезли изъ головы, какъ исчезаетъ утромъ туманъ надъ рѣкой. Затѣмъ ему

пришла въ голову другая мысль, такая странная, что у него вспыхнули щеки.

«Надо удостовѣриться», подумалъ онъ.

Онъ затворилъ дверь, снова тихонько обошелъ уголъ дома, затѣмъ шумно вошелъ, будто только-что вернулся. Смотрите! Когда онъ открылъ дверь, бутылки уже не было, а Кокуа сидѣла на стулѣ и вскочила, какъ бы очнувшись отъ сна.

— Я цѣлый день пилъ и веселился, — сказалъ Кивъ. — Я былъ въ обществѣ добрыхъ пріятелей и теперь только вернулся за деньгами и опять отправлюсь кутить и пировать съ ними.

Его лицо и голосъ были суровы, какъ приговоръ, но Кокуа была слишкомъ взволнована, чтобъ замѣтить это.

— Ты хорошо дѣлаешь, что пользуешься своей собственностью,—сказала она дрогнувшимъ голосомъ.

— О, я всегда и во всемъ поступаю хорошо, — отвѣтилъ Кивъ, подошелъ къ ящику и вынулъ деньги. Кромѣ того, онъ заглянулъ въ тотъ уголъ, гдѣ онъ хранилъ бутылку, ея тамъ не было.

Вдругъ ящикъ швырнуло на полъ, какъ морскую волну, комната завертѣлась вокругъ него, какъ облако дыма, потому что онъ понялъ, что погибъ, что исхода больше нѣтъ.

«Этого-то я и боялся,—подумалъ онъ. — Бутылку купила она!».

Онъ понемногу пришелъ въ себя и всталъ, но потъ струился по его лицу обильный, какъ дождь, и холодный, какъ ключевая вода.

— Кокуа,—сказалъ онъ,—я говорилъ тебѣ сегодня, какая бѣда случилась со мною. Я вернусь къ своимъ веселымъ товарищамъ, — онъ при этомъ спокойно улыбнулся. — Мнѣ доставитъ большее удовольствіе чарка вина, если ты простишь меня.

Она обняла его колѣни и поцѣловала ихъ, обливаясь слезами.

— О,—воскликнула она, — я просила только ласковаго слова!

— Не будемъ больше думать жестоко другъ о другѣ,—сказалъ Кивъ и ушелъ изъ дома.

Изъ денегъ Кивъ взялъ только нѣсколько сантимовъ, положенныхъ ими въ ящикъ въ день пріѣзда. Очевидно, у него и въ помыслѣ не было пить. Жена отдала за него душу, теперь онъ

долженъ отдать за нее свою душу, больше онъ ни о чемъ думать не могъ.

Шкиперъ ждалъ его у угла старой тюрьмы.

— Бутылка у жены,—сказалъ Кивъ,—и если вы мнѣ не поможете добыть ее, то сегодня у насъ не будетъ ни денегъ, ни спиртныхъ напитковъ.

— Не хотите ли вы сказать, что относитесь серьезно къ этой бутылкѣ?—спросилъ шкиперъ.

— Вотъ фонарь,—отвѣтилъ Кивъ.—Такой ли у меня видъ, что я шучу?

— Это вѣрно. Вы серьезны, какъ привидѣніе,—сказалъ шкиперъ.

— Ну, такъ вотъ вамъ два сантима,—сказалъ Кивъ,—ступайте къ моей женѣ и предложите ей эти два сантима за бутылку, которую (если я не ошибаюсь) она сейчасъ-же вамъ отдастъ. Принесите ее сюда, и я куплю ее у васъ за одинъ сантимъ, потому что для бутылки существуетъ законъ: ее слѣдуетъ всегда продавать за меньшую сумму. Что бы вы ни дѣлали, не говорите ей ни слова о томъ, что пришли отъ меня.

— Не дурачите ли вы меня, пріятель?—спросилъ шкиперъ.

— Вамъ это не повредитъ, если бы я и дурачилъ,—возразилъ Кивъ.

— Это такъ, товарищъ,—согласился шкиперъ.

— А если сомнѣваетесь, можете попробовать,—добавилъ Кивъ.—Какъ только выйдете изъ дома, пожелайте имѣть полный карманъ денегъ или бутылку лучшаго рома, или что вамъ вздумается, и вы увидите достоинство этой вещи.

— Отлично, канака,—сказалъ шкиперъ,—я попробую; но если вы сыграли со мною шутку, такъ я тоже потѣшусь надъ вами.

Китоловъ пошелъ по аллеѣ, а Кивъ стоялъ и ждалъ почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ ждала наканунѣ ночью Кокуа; только Кивъ былъ рѣшительнѣе и никогда не отказывался отъ своей цѣли, хотя его душа была полна горькаго отчаянія.

Долго, казалось, пришлось ему ждать, пока онъ не услышалъ голосъ, распѣвающій въ темной аллеѣ. Онъ зналъ, что этотъ голосъ шкипера; страннымъ казалось только, что онъ такъ внезапно опьянѣлъ.

Вслѣдъ за этимъ и самъ шкиперъ подошелъ, спотыкаясь, къ

фонарю. Дьявольская бутылка была у него въ сюртукѣ; другую бутылку онъ держалъ въ рукѣ и, подходя, поднесъ ее ко рту и выпилъ.

— Она у васъ, я вижу,—отвѣтилъ Кивъ.

— Руки долой!—крикнулъ шкиперъ, отскакивая назадъ.—Подойди на шагъ ко мнѣ, и я тебѣ заткну глотку! Ты думалъ, что я тебѣ позволю моими руками жаръ загребать?

— Что вы этимъ хотите сказать?—спросилъ Кивъ.

— Что? Я хотѣлъ сказать, что бутылка эта штука хорошая, вотъ что!—крикнулъ шкиперъ.—Понять не могу, какъ это я добылъ ее за два сантима; но ужъ вы-то ее за одинъ сантимъ не получите, въ этомъ я увѣренъ.

— Вы хотите сказать, что не желаете продать ее?—спросилъ, задыхаясь, Кивъ.

— Не желаю, сударь! А рому вамъ выпить дамъ, если хотите,—сказалъ шкиперъ.

— Говорятъ вамъ, что человѣкъ, у котораго находится эта бутылка, идетъ въ адъ,—сказалъ Кивъ.

— Я во всякомъ случаѣ попаду туда, я полагаю,—возразилъ морякъ,—а эта бутылка самая лучшая штука, изъ-за какой только я могъ бы туда попасть. Нѣтъ, сударь,—воскликнулъ онъ снова,—теперь эта бутылка моя, а вы можете отправиться выуживать себѣ другую!

— Неужели это правда?—воскликнулъ Кивъ.—Ради васъ лично, умоляю, продайте ее мнѣ!

— Я не придаю значенія вашимъ разговорамъ,—возразилъ шкиперъ.—Вы считали меня дуракомъ, а теперь видите, что я не дуракъ, ну, и кончено! Коли не хотите сдѣлать глотокъ рому, такъ я самъ хлебну. За ваше здоровье! И покойной ночи!

И онъ пошелъ по аллеѣ по направленію къ городу, и такимъ образомъ вышла изъ разсказа бутылка.

Кивъ побѣжалъ къ Кокуа легкій, какъ вѣтеръ. Велика была въ ту ночь ихъ радость и велико было съ тѣхъ поръ спокойствіе, царившее до конца дней въ «блестящемъ домѣ».

III. ОСТРОВЪ ГОЛОСОВЪ.

Кеола, женясь на Леуа, дочери Каламака, колдуна молокайскаго, жилъ въ одномъ домѣ съ отцомъ своей жены. Не было человѣка умнѣе этого пророка: онъ читалъ по звѣздамъ, гадалъ съ помощью злыхъ духовъ по тѣлу умершаго, поднимался одинъ на вершины высокихъ горъ въ область горныхъ эльфовъ и уловлялъ въ западню души предковъ.

Поэтому ни къ кому во всемъ королевствѣ Гавайскомъ не обращались такъ часто за совѣтомъ, какъ къ нему. Благоразумные люди руководствовались его совѣтами въ жизни при покупкахъ, при продажѣ, при женитьбѣ и даже самъ король два раза вызывалъ его въ Кону для разысканія сокровищъ Камеамеа. Никого такъ не боялись. Нѣкоторые изъ его враговъ исчахли отъ болѣзни, испорченные его колдовствомъ, а нѣкоторые прямо похищались и исчезали, такъ что потомъ люди напрасно искали хоть бы одну косточку ихъ тѣлъ. Ходили слухи, что онъ обладаетъ искусствомъ или даромъ древнихъ героевъ. Люди видѣли его ночью на горахъ, шагающимъ съ одного утеса на другой, видѣли его ходившимъ въ лѣсу, причемъ голова и плечи его были выше деревьевъ.

Странный былъ человѣкъ этотъ Каламакъ. Онъ былъ по происхожденію чистокровный молокаецъ и мауи, но лицомъ онъ былъ бѣлѣе любого иностранца, волосы у него были цвѣта сухой травы, а глаза красные и очень тусклые. На островахъ существовала поговорка: «Слѣпъ, какъ Каламакъ, который видитъ насквозь завтрашній день».

О дѣяніяхъ тестя Кеола зналъ немножко по слухамъ, нѣсколько больше подозрѣвалъ, а остального вовсе не зналъ. Но его смущала одна вещь: Каламакъ не жалѣлъ ни на ѣду, ни на питье, ни на платье и за все платилъ блестящими новенькими долларами. «Блестящъ, какъ долларъ Каламака»—было второй поговоркой на восьми островахъ. Однако, онъ не торговалъ, не сажалъ ничего, жалованья не получалъ,—иногда только получалъ за колдовство,—однимъ словомъ, понятнаго источника для такого количества серебряныхъ монетъ не было.

Какъ-то разъ жена Кеола отправилась въ гости къ Каунакакайѣ, на подвѣтренную сторону острова. Всѣ мужья уѣхали на

рыбную ловлю; но Кеола былъ лѣнивая собака и лежалъ на верандѣ, наблюдая за прибоемъ волны къ берегу, за летающими около утеса птицами. Его преслѣдовала главнымъ образомъ одна мысль—мысль о долларахъ. Ложась спать, онъ задавалъ себѣ вопросы, почему ихъ такъ много, а просыпаясь утромъ думалъ, отчего они такіе новенькіе, словомъ, мысль эта никогда не покидала его. Но сегодня именно онъ былъ увѣренъ въ душѣ, что сдѣлалъ нѣкоторое открытіе, потому что онъ, кажется, замѣтилъ мѣсто, гдѣ Каламакъ хранилъ свое сокровище, а именно запертую на замокъ конторку у стѣны гостиной, подъ портретомъ Камеамеа V и фотографической карточкой королевы Викторіи въ коронѣ. Кажется, не позже вчерашняго вечера онъ нашелъ случай заглянуть туда, и мѣшокъ лежалъ пустой. То былъ день прибытія парохода. Ему былъ виденъ дымъ его у Калаупапа, и онъ долженъ былъ скоро придти съ провіантомъ: съ консервами лососины, съ джиномъ и всевозможными роскошными рѣдкостями для Каламака.

— Если онъ заплатитъ сегодня за товаръ, я буду знать навѣрное, что онъ колдунъ, и что его доллары идутъ изъ дьявольскаго кармана,—думалъ Кеола.

Въ это время къ нему подошелъ тесть, очень сердитый на видъ, и всталъ за нимъ.

— Это пароходъ?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ Кеола. — Онъ зайдетъ въ Пелекуну, а оттуда прямо сюда.

— Въ такомъ случаѣ, дѣлать нечего, придется взять въ помощники васъ, Кеола, за неимѣніемъ лучшаго. Пойдемъ въ домъ,—сказалъ Каламакъ.

Они вошли въ гостиную, прелестную комнату, оклеенную обоями, увѣшанную картинами, съ качалкою, столомъ и диваномъ въ европейскомъ вкусѣ. Кромѣ того, тутъ были еще этажерка, семейная Библія на столѣ и запертая на замокъ конторка у стѣны, такъ что всякій могъ видѣть, что это домъ состоятельнаго человѣка.

Каламакъ велѣлъ Кеолу закрыть ставни, самъ заперъ на ключъ всѣ двери, открылъ конторку, досталъ изъ нея два ожерелья, увѣшанныя талисманами и раковинами, пучекъ высушенныхъ травъ и древесныхъ листьевъ и свѣжую пальмовую вѣтвь.

— Я намѣреваюсь сдѣлать необыкновенно странную шту-

ку,—сказалъ онъ.—Въ древнія времена живали мудрецы, творившіе среди прочихъ чудесъ и это чудо; но они дѣлали его обыкновенно въ пустынѣ, ночью при свѣтѣ звѣздъ, а я сдѣлаю его здѣсь въ комнатѣ среди бѣла дня.

Сказавши это, онъ взялъ со стола Библію, положилъ ее на диванъ и закрылъ подушкою, вынулъ цыновку удивительно красиваго рисунка и сложилъ на насыпанный въ оловянную сковороду песокъ, пучки травъ и листьевъ. Послѣ этого онъ и Кеола надѣли ожерелья и встали въ двухъ противоположныхъ углахъ цыновки.

— Время наступаетъ,—сказалъ колдунъ.—Не бойтесь!

Онъ поджегъ траву, забормоталъ что-то, размахивая пальмовою вѣтвью. Сначала было темновато изъ-за закрытыхъ ставенъ, но травы ярко вспыхнули, освѣтивъ комнату, затѣмъ пламя поднялось надъ Кеолою, у него закружилась голова, въ глазахъ потемнѣло, а въ ушахъ звучало бормотанье Каламака. Вдругъ цыновку, на которой они стояли, точно дернули или вытащили быстро, какъ молнія, и въ то же мгновеніе домъ и комната исчезли... У Кеолы замеръ духъ. Волны свѣта прокатились надъ его головою, и онъ увидѣлъ себя перенесеннымъ на берегъ моря подъ яркіе лучи солнца и услышалъ шумъ прибоя. Оба они стояли на той же самой цыновкѣ, держась другъ за друга, безмолвные, задыхающіеся, закрывая глаза рукою.

— Что это было?—спросилъ Кеола, который опомнился первымъ, какъ болѣе молодой.—Эта мука напоминала агонію.

— Ничего не значитъ. Теперь все кончено,—вздохнулъ Каламакъ.

— Но гдѣ мы, скажите ради Бога?

— Не въ томъ дѣло,—возразилъ колдунъ.—Разъ мы здѣсь, дѣло въ нашихъ рукахъ, и намъ слѣдуетъ приступать къ нему. Пока я отдышусь, вы сходите къ опушкѣ лѣса и принесете по три пригоршни листьевъ такой-то и такой-то травы, такихъ-то и такихъ-то деревьевъ. Поторопитесь, потому что мы должны быть дома до прибытія парохода. Наше исчезновеніе могло бы показаться страннымъ.

Онъ сѣлъ на песокъ и вздохнулъ.

Кеола поднимался по песчаному и коралловому берегу, усѣянному оригинальными раковинами, и думалъ: «Какъ это я не

зналъ этого берега? Я опять приду сюда набрать раковинъ». Передъ нимъ поднимался къ небу рядъ пальмъ, не такихъ, какъ на восьми островахъ, а высокихъ, свѣжихъ, прекрасныхъ, склонявшихъ увядшіе вѣера, похожіе на золото среди зелени.

«Странно, что я не видѣлъ этой рощи,—думалъ онъ.—Непремѣнно приду сюда поспать въ теплую погоду. Какъ вдругъ стало тепло!—думалъ онъ, потому что въ Гавайѣ была зима и день былъ прохладный.—А гдѣ же сѣрыя горы? Гдѣ высокій утесъ съ лѣсомъ и порхающими птицами?».

Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ меньше понималъ, въ какую часть острова онъ попалъ.

По опушкѣ лѣса росла у берега трава, а дальше уже шли деревья. Дойдя до деревьевъ, Кеола увидѣлъ молодую дѣвушку, на которой не было ничего, кромѣ пучка листьевъ.

«Однако, въ этой мѣстности не особенно заботятся о костюмѣ!», подумалъ Кеола и остановился, предполагая, что она замѣтитъ его и убѣжитъ; видя, что она продолжаетъ стоять и смотрѣть, онъ началъ громко пѣть.

Она вскочила при этомъ звукѣ, и на ея лицѣ выразилось смущеніе, ротъ раскрылся отъ ужаса, и она стала осматриваться. Странно, что глаза ея ни разу не остановились на Кеолѣ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ. — Вамъ не къ чему пугаться, я васъ не съѣмъ.

Только-что онъ успѣлъ разинуть ротъ, какъ молодая женщина убѣжала въ кусты. «Странныя манеры», подумалъ Кеола и, долго не раздумывая, побѣжалъ за нею.

Дѣвушка, убѣгая, кричала что-то на языкѣ, на которомъ въ Гавайѣ не говорили; однако, нѣкоторыя слова были тѣ же самыя, и онъ понялъ, что она предостерегаетъ другихъ, и увидѣлъ массу народа—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, бѣжавшихъ и кричавшихъ, какъ на пожарѣ. Тутъ онъ и самъ испугался, отнесъ Каламаку листья и разсказалъ ему, что видѣлъ.

— На это не слѣдуетъ обращать вниманія,—сказалъ Каламакъ.—Все это похоже на сонъ и тѣни: все исчезнетъ и забудется.

— Она какъ будто не видѣла меня,—сказалъ Кеола.

— Не видѣла и на самомъ дѣлѣ,—отвѣтилъ колдунъ.—Мы гуляемъ здѣсь невидимками при яркомъ свѣтѣ въ силу этихъ

Травы ярко вспыхнули, освѣтивъ комнату.

талисмановъ; но они насъ слышатъ, и потому полезно говорить такъ же тихо, какъ я.

Онъ обложилъ цыновку камнями, а въ середину положилъ листья.

— Вы должны будете зажечь листья и поддерживать медленное горѣніе. Я долженъ буду сдѣлать свое дѣло, пока листья горятъ, и та же сила, которая принесла насъ сюда, отнесетъ насъ обратно, раньше, чѣмъ потемнѣетъ пепелъ. Приготовьте спички и не забудьте позвать меня во-время, чтобы огонь не догорѣлъ и я не остался здѣсь.

Какъ только листья загорѣлись, колдунъ выскочилъ изъ круга, какъ олень, и давай бѣгать по берегу, точно выкупавшаяся собака. Бѣгая, онъ хваталъ раковины, и Кеолѣ казалось, что онѣ сверкали, когда онъ бралъ ихъ въ руки. Листья горѣли яркимъ пламенемъ, быстро пожиравшимъ ихъ. У Кеолы осталась только одна горсть, а колдунъ убѣжалъ очень далеко.

— Назадъ,—крикнулъ Кеола,—назадъ! Листья скоро догорятъ.

Каламакъ вернулся. Если раньше онъ бѣжалъ, то теперь летѣлъ; но какъ ни быстро онъ бѣжалъ, листья горѣли еще быстрѣе. Пламя почти догорало, когда онъ однимъ прыжкомъ очутился на цыновкѣ. Вѣтеръ, произведенный его прыжкомъ, потушилъ огонь, и съ этимъ исчезли и берегъ, и солнце, и море, и они снова очутились въ сумеркахъ гостиной, и снова были встряхнуты и ослѣплены, а на цыновкѣ между ними лежала груда свѣтлыхъ долларовъ. Кеола подбѣжалъ къ окну—на волнахъ качался пароходъ.

Въ тотъ же вечеръ Каламакъ отвелъ зятя въ сторону и далъ ему пять долларовъ.

— Если вы умный человѣкъ, Кеола (въ чемъ я сомнѣваюсь), то вы подумаете, что заснули сегодня послѣ обѣда на верандѣ и видѣли сонъ,—сказалъ онъ. — Я говорить много не люблю и держу помощниковъ съ короткой памятью.

Ни слова не сказалъ больше Каламакъ и больше объ этомъ дѣлѣ не поминалъ, но оно засѣло въ головѣ Кеолы, и если онъ и прежде былъ лѣнивъ, то теперь ровно ничего не дѣлалъ.

«Зачѣмъ мнѣ работать,—разсуждалъ онъ,—если у меня есть тесть, дѣлающій доллары изъ раковинъ».

Свой запасъ онъ израсходовалъ. Израсходовалъ онъ его на костюмы. Потомъ онъ загоревалъ.

«Лучше бы было купить концертино, съ которымъ развлекался бы я цѣлый день», думалъ онъ и разсердился на Каламака.

«Песья душа у этого человѣка, — думалъ онъ.—Можетъ, когда хочетъ, собирать доллары на берегу и заставляетъ меня горевать о концертино! Пусть поостережется! Я не ребенокъ, я такой же ловкачъ, какъ и онъ, и знаю его тайну».

Онъ сказалъ объ этомъ своей женѣ Леуа и пожаловался на поведеніе ея отца.

— Лучше бы оставить отца въ покоѣ. Онъ опасный человѣкъ, чтобы итти ему наперекоръ,—сказала Леуа.

— Я его не боюсь!—воскликнулъ Кеола и щелкнулъ пальцами.—Я его прижму! Я изъ него могу сдѣлать все, что захочу!

И онъ разсказалъ Леуа всю исторію.

— Дѣлай, какъ хочешь,—сказала она,—но если ты вздумаешь противиться отцу, то, навѣрно, о тебѣ ничего больше не услышатъ. Подумай о такомъ-то, о такомъ-то, вспомни Уа— онъ былъ дворянинъ представительнаго собранія, каждый годъ ѣздилъ въ Гонолулу, а отъ него не нашлось ни косточки, ни волоска. Вспомни Камау, исхудавшаго такъ, что жена поднимала его одной рукой. Кеола, ты младенецъ въ рукахъ моего отца; онъ возьметъ тебя двумя пальцами и съѣстъ тебя, какъ креветку.

Въ дѣйствительности Кеола боялся Каламака, но былъ тщеславенъ, и слова жены подожгли его.

— Отлично! Если ты такого мнѣнія обо мнѣ, я тебѣ докажу, какъ сильно ты ошибаешься,—сказалъ онъ и прямо прошелъ къ тестю, сидѣвшему въ гостиной.

— Мнѣ хочется имѣть концертино, Каламакъ,—сказалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ Каламакъ.

— Да, и скажу вамъ откровенно, что разсчитываю получить его,—отвѣтилъ онъ.—Человѣкъ, собирающій доллары на берегу, можетъ, разумѣется, купить концертино.

— Я понятія не имѣлъ, что вы такъ умны,—сказалъ колдунъ.—Я считалъ васъ робкимъ, безполезнымъ малымъ и, право, выразить не могу, какъ я доволенъ, что ошибся. Я начинаю думать, что могу найти помощника и наслѣдника своего труднаго дѣла. Концертино? Вы получите лучшее концертино въ Гоно-

лулу. Сегодня вечеромъ, какъ только стемнѣетъ, мы съ вами отправимся за деньгами.

— Мы вернемся на берегъ?—спросилъ Кеола.

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ Каламакъ.—Вамъ надо будетъ узнать получше мои тайны. Въ тотъ разъ я научилъ васъ собирать раковины, а теперь научу васъ ловить рыбу. Хватитъ у васъ силы спустить на воду ботъ Пиля?

— Я думаю,—отвѣтилъ Кеола.—Отчего бы не взять вашего? Вѣдь онъ уже на ходу.

— У меня есть причина, которой вы не поймете до завтра,—сказалъ Каламакъ. — Шлюпка Пиля самая подходящая для моихъ цѣлей. Итакъ, будьте пожалуйста здѣсь, когда стемнѣетъ, а пока пусть это дѣло будетъ между нами, такъ какъ посвящать семью въ наше дѣло нѣтъ никакой надобности.

Медъ не могъ быть слаще голоса Каламака, и Кеола съ трудомъ сдерживалъ свое удовольствіе.

«Я могъ бы имѣть концертино нѣсколько недѣль тому назадъ,—думалъ онъ,—и для этого ничего не требовалось, кромѣ небольшой смѣлости».

Леуа онъ засталъ плачущею и чуть было не сказалъ ей, что все обошлось благополучно.

«Нѣтъ,—подумалъ онъ,—подожду, пока не буду имѣть возможности показать ей концертино. Посмотримъ, что скажетъ дѣвочка тогда. Пойметъ, быть можетъ, и будетъ знать на будущее время, что у мужа ея есть доля ума».

Какъ только стемнѣло, тесть и зять спустили на воду шлюпку Пиля и подняли парусъ. Волненіе было на морѣ сильное, вѣтеръ дулъ съ подвѣтренной стороны, шлюпка шла легко и быстро, разрѣзая волны. У колдуна былъ съ собой фонарь; онъ зажегъ его и держалъ въ рукѣ за кольцо. Оба они сидѣли, курили сигары, которыя Каламакъ всегда имѣлъ въ запасѣ, и дружески бесѣдовали о магіи, о большой суммѣ денегъ, которыя они могутъ добыть при занятіи ею, т. е. магіею, что они купятъ, во-первыхъ, что, во-вторыхъ. Каламакъ говорилъ, какъ отецъ.

Потомъ онъ оглядѣлъ все вокругъ, взглянулъ на звѣзды, оглянулся на островъ, находившійся тремя частями подъ водою, и точно сталъ обдумывать свое положеніе.

— Взгляните,—сказалъ онъ,—Молокай уже далеко позади насъ, а Мауи похожъ на облачко. По положеніе звѣздъ я знаю,

что пріѣхалъ, куда желалъ. Эта часть океана называется Моремъ Мертвецовъ. Здѣсь оно страшно глубоко, и все дно его покрыто человѣческими костями, а въ ямахъ его обитаютъ боги и духи. Теченіе направлено къ сѣверу и черезчуръ сильно даже для акулы, а если сбросить человѣка, оно унесетъ его, какъ дикій конь, въ безпредѣльный океанъ. Его немедленно ломаетъ, и онъ идетъ ко дну, гдѣ кости его разбрасываются съ остальными, а боги уничтожаютъ душу.

Ужасъ охватилъ Кеолу при этихъ словахъ. Взглянувъ на колдуна, онъ замѣтилъ при свѣтѣ звѣздъ и фонаря, что лицо его какъ будто мѣняется.

— Что съ вами?—тревожно вскрикнулъ Кеола.

— Со мною ничего, а вотъ кое-кому другому плохо придется,—отвѣтилъ колдунъ.

Говоря это, онъ перехватилъ фонарь другою рукою и... Что это? Онъ сталъ тащить палецъ изъ кольца, но палецъ застрялъ, кольцо лопнуло, а рука стала въ три раза больше.

Тутъ Кеола взвизгнулъ и закрылъ лицо руками.

Каламакъ поднялъ фонарь.

— Посмотрите-ка мнѣ въ лицо!—сказалъ онъ.

Голова его стала величиною съ боченокъ, а онъ все росъ, росъ, какъ растетъ нагорное облако. Кеола сидѣлъ передъ нимъ и визжалъ, а шлюпка неслась къ морю.

— Что ты думаешь теперь насчетъ концертино?—спросилъ колдунъ.—Увѣренъ ли ты, что тебѣ не хотѣлось бы имѣть лучше флейту? Нѣтъ? Это хорошо, потому что я не люблю видѣть непостоянство въ моей семьѣ! Но я начинаю думать, что мнѣ лучше будетъ отдѣлаться отъ этой дрянной шлюпки, потому что объемъ мой необычайно увеличился, и если не принять мѣръ предосторожности, то мы немедленно перекувырнемся.

Съ этими словами онъ свѣсилъ ноги за бортъ, при чемъ, съ быстротой взгляда или мысли, сталъ выше разъ въ тридцать, въ сорокъ, и опустился въ морскую глубину. Вода покрывала его до подмышекъ, голова и плечи поднялись на подобіе острова, и волны, ударяя его въ грудь, разбивались, какъ объ утесъ. Шлюпка продолжала итти къ сѣверу; но колдунъ протянулъ руку, схватилъ планширъ большимъ и указательнымъ пальцемъ, выломалъ бокъ, какъ какой-нибудь сухарь, и Кеола полетѣлъ въ море, а обломки шлюпки колдунъ забросилъ за нѣсколько миль

— Извините, что я беру съ собой фонарь,—сказалъ онъ.— Мнѣ долго придется итти въ бродъ, земля далеко, почва неровна, и я ощущаю кости подъ ногами.

Онъ повернулся и пошелъ огромными шагами, и Кеола, погружаясь въ промежутокъ между двумя волнами, не видѣлъ его, но, поднимаясь на гребень волны, видѣлъ, какъ онъ шагалъ, держа фонарь высоко надъ головою, видѣлъ какъ разбивались около него волны.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ острова были впервые выужены изъ моря, не было человѣка, напуганнаго сильнѣе Кеолы. Онъ плылъ, но плылъ, какъ щепокъ, который плыветъ неизвѣстно куда, когда его бросятъ въ воду, чтобъ утопить. Онъ ни о чемъ не могъ думать, кромѣ огромнаго роста колдуна, о его большущей, какъ гора, головѣ, его плечахъ, величиною съ островъ, и о волнахъ, которыя тщетно били по немъ; вспомнилъ онъ также о концертино, и стыдно ему стало, а какъ подумалъ о костяхъ мертвецовъ, такъ задрожалъ отъ страха.

Вдругъ онъ увидѣлъ какое-то движущееся пятно, свѣтъ внизу, отблескъ между волнъ и услышалъ разговоръ людей. Онъ громко крикнулъ, ему отвѣтили, и въ одно мгновеніе надъ нимъ повисъ качаемый волною носъ корабля. Онъ ухватился обѣими руками за цѣпи; его то покрывало и подкидывало волной, то опускало книзу, а минуту спустя, онъ былъ вытащенъ моряками на бортъ.

Ему дали джину, сухарей, сухое платье, спросили, какъ онъ попалъ туда, гдѣ его нашли, и замѣченный ими свѣтъ не былъ ли маякомъ Лае-О-Ка-Лау.

Кеола зналъ, что бѣлые люди все равно что дѣти и вѣрятъ только своимъ собственнымъ исторіямъ, поэтому о себѣ сказалъ, что ему вздумалось, а относительно свѣта (то былъ фонарь Каламака) поклялся, что никакого свѣта не видѣлъ.

Корабль оказался шкуной, идущей сначала въ Гонолулу, а оттуда для торговли на мелкіе острова. На счастье Кеолы она потеряла одного матроса во время шквала. Разговаривать было нечего—Кеола не смѣлъ оставаться на восьми островахъ. Разговоры распространяются очень быстро, и люди вообще такъ любятъ болтать и сообщать новости, что спрячься Кеола хоть на сѣверѣ Кауая или на югѣ Кеу, колдунъ узнаетъ объ этомъ скорѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, и тогда онъ погибъ. Сообразуясь

съ этимъ, онъ поступилъ какъ нельзя благоразумнѣе, нанявшись матросомъ вмѣсто того, который потонулъ.

Положеніе его было въ нѣкоторомъ отношеніи хорошее; пищу давали прекрасную и въ большомъ количествѣ: сухари и солонину онъ получалъ ежедневно, а два раза въ недѣлю давали гороховый супъ и пуддингъ, приготовленный изъ муки съ саломъ, такъ что Кеола потолстѣлъ. Капитанъ былъ человѣкъ добрый, а остальной экипажъ не хуже другихъ бѣлыхъ. Несносенъ былъ одинъ только штурманъ, самый противный изъ всѣхъ людей, съ которыми когда-либо приходилось встрѣчаться Кеолѣ. Онъ постоянно ругался и билъ Кеолу и за то, что тотъ сдѣлалъ, и за то, чего не дѣлалъ. Побои оказывались весьма тяжкими, такъ какъ человѣкъ онъ былъ сильный, а употребляемыя имъ выраженія непріятно дѣйствовали на Кеолу, потому что онъ принадлежалъ къ хорошей семьѣ и привыкъ къ уваженію. Хуже всего было то, что чуть, бывало, Кеола улучитъ минутку вздремнуть, штурманъ проснется и подниметъ его концомъ троса. Кеола понялъ, что ему тутъ не ужиться, и рѣшилъ бѣжать.

Берегъ показался только мѣсяцъ спустя послѣ ухода судна изъ Гонолулу. Ночь была дивная, звѣздная, море было такъ же гладко, какъ прекрасно было небо. Вѣтеръ дулъ попутный. Вдали виднѣлся островъ съ рядомъ пальмовыхъ деревьевъ вдоль берега.

Капитанъ со штурманомъ смотрѣли на островъ въ почной бинокль, назвали его по имени и разговаривали о немъ, какъ разъ около колеса, которымъ управлялъ Кеола. Этотъ островъ, казалось, не посѣщался торговцами. По мнѣнію капитана, на немъ, кромѣ того, люди не жили, но его помощникъ думалъ иначе.

— Я бы и цента не далъ за путеводитель, въ которомъ это сказано,—говорилъ онъ. — Я однажды шелъ здѣсь ночью на шкунѣ «Евгенія»; ночь была какъ разъ такая же, какъ сегодня, и тутъ ловили рыбу съ факелами, а берегъ былъ освѣщенъ, какъ городъ.

— Берегъ крутой—это важно и, судя по картѣ, никакихъ особенныхъ опасностей не представляетъ, такъ что мы обойдемъ его съ подвѣтренной стороны. Не говорилъ ли я тебѣ, чтобы держать круче!—крикнулъ онъ Кеолѣ, который такъ усердно слушалъ, что забылъ править.

Штурманъ обругалъ его, клянясь, что канаки ни къ чему не

годны на свѣтѣ, и если бы ему удалось кинуться на него съ кофельнагелемъ, то солоно пришлось бы Кеолѣ.

Капитанъ и его помощникъ улеглись, а Кеола былъ предоста- съ вленъ самому себѣ.

«Островъ этотъ отлично подойдетъ для меня,— думалъ онъ.— Если здѣсь нѣтъ купцовъ, такъ штурманъ сюда никогда не явится; а что касается Каламака, то нѣтъ возможности, чтобы онъ когда-либо забрался такъ далеко».

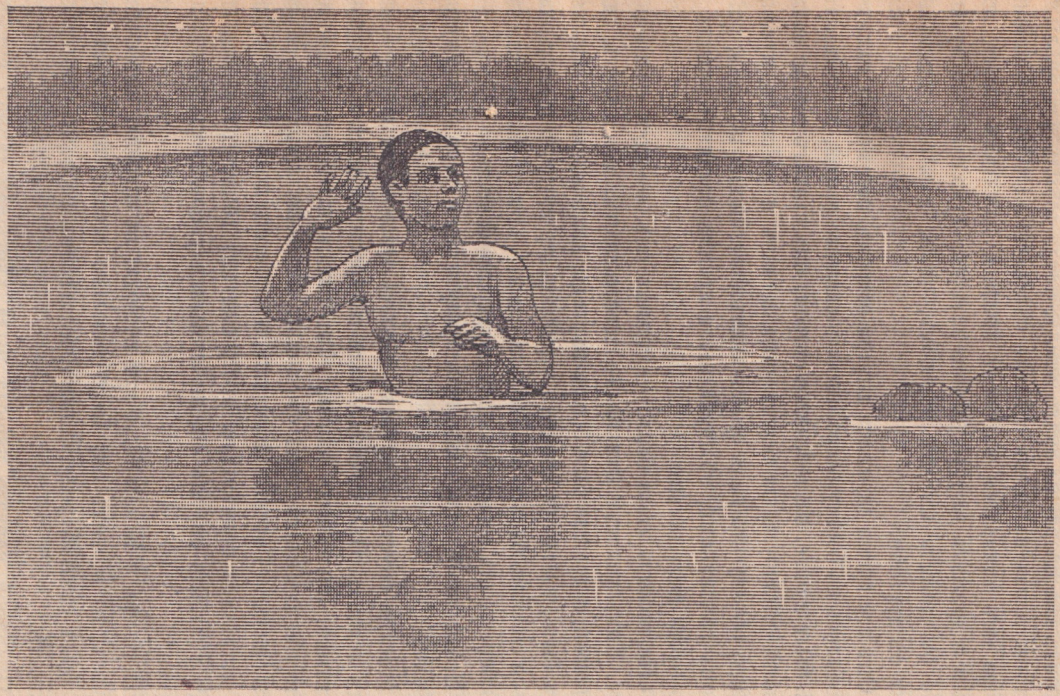
И онъ пошелъ болѣе полнымъ ходомъ поближе къ берегу. Ему надо было сдѣлать это осторожнѣе, потому что съ бѣлыми (и со штурманомъ въ особенности) всегда много хлопотъ, въ нихъ никогда нельзя быть увѣреннымъ: спятъ или притворяются спящими, а чуть малѣйшій толчокъ, вспрыгнутъ и накинутся на васъ съ веревкой. Итакъ, Кеола мало-по-малу все подвигался да подвигался къ берегу. Онъ былъ уже совсѣмъ близокъ, и громко раздавался шумъ моря.

Вдругъ штурманъ вскочилъ.

— Что ты дѣлаешь? Хочешь посадить корабль на берегъ?— заоралъ онъ и кинулся къ Кеолѣ, а тотъ—черезъ поручни да въ море.

Когда онъ вынырнулъ, шкуна уже шла въ настоящемъ направленіи, штурманъ самъ стоялъ у колеса, и Кеола слышалъ его проклятія. Съ подвѣтренной стороны море было тихо. Погода была теплая, и такъ какъ у Кеолы былъ при себѣ ножъ, то акулъ онъ не боялся. Неподалеку передъ нимъ деревья кончались, линія берега прерывалась чѣмъ-то похожимъ на гавань. Приливомъ его подняло и перенесло черезъ это мѣсто. Нѣкоторое время его то пригоняло, то оттоняло, и онъ носился по мелководью, освѣщенному десятками тысячъ звѣздъ, окруженный кольцомъ земли съ ея рядомъ пальмъ. Онъ былъ очень изумленъ, такъ какъ никогда не слышалъ объ островѣ въ такомъ родѣ.

Время, проведенное Кеолою на этомъ островѣ, дѣлится на два періода: періодъ, когда онъ былъ одинъ, и періодъ пребыванія съ племенемъ. Въ первомъ онъ всюду искалъ людей и не нашелъ ни души, видѣлъ только нѣсколько построекъ и признаки костровъ, но зола уже остыла и вскорѣ была размыта дождями, а вѣтрами было снесено и разрушено нѣсколько хижинъ. Въ этомъ мѣстѣ онъ и поселился, устроилъ себѣ очагъ, сдѣлалъ удочку, ловилъ и варилъ рыбу, взлѣзалъ за кокосовыми орѣ-



Онъ носился по мелководью, освѣщенному десятками тысячъ звѣздъ.

хами, сокъ которыхъ онъ пилъ, потому что воды на островѣ не было. Дни казались ему долгими, а ночи ужасными. Онъ устроилъ изъ скорлупы орѣха лампу, масло добылъ изъ зрѣлыхъ орѣховъ, а изъ волоконъ сдѣлалъ свѣтильню. Съ наступленіемъ вечера онъ запирался въ своей хижинѣ, зажигалъ лампу, ложился и дрожалъ до утра. Много разъ ему думалось, что лучше было бы лежать на днѣ морскомъ, чтобы валялись тамъ его кости съ другими.

Онъ все время держался внутри острова, потому что хижины находились на берегу озера, изобиловавшаго рыбой, да и пальмы тутъ были лучше. На внѣшнюю сторону онъ вышелъ только разъ, да какъ взглянулъ на берегъ океана, такъ и убѣжалъ, дрожа, назадъ, потому что видъ его съ этимъ блестящимъ пескомъ, усѣяннымъ раковинами, съ прибоемъ и яркимъ солнцемъ отбили у него охоту итти дальше.

«Не можетъ этого быть, — думалъ онъ, — хотя очень похоже. Какъ узнать? Эти бѣлые воображаютъ, что знаютъ, гдѣ плаваютъ, а должно быть идутъ наугадъ, какъ и прочіе. Мы, можетъ быть, въ концѣ концовъ вертѣлись въ кругу, и я могу оказаться совсѣмъ близко отъ Молокая, и это, можетъ быть, тотъ самый берегъ, гдѣ собираетъ свои доллары мой тесть».

Послѣ этого онъ сталъ благоразумнѣе и держался внутри острова.

Мѣсяцъ спустя на островъ явились туземцы въ шести большихъ лодкахъ. Они принадлежали къ красивой расѣ и говорили на языкѣ, звучащемъ иначе, чѣмъ языкъ гавайцевъ, но было много общихъ словъ, такъ что понять ихъ было не трудно. Мужчины оказались очень вѣжливыми, а женщины покорными. Кеолу они встрѣтили привѣтливо, построили ему домъ, но его больше всего удивляло то, что его не посылали работать съ молодыми людьми.

И теперь у Кеолы было три періода: въ первомъ онъ очень скучалъ, во второмъ ему было довольно весело, а въ третьемъ онъ былъ самымъ испуганнымъ человѣкомъ во всѣхъ четырехъ океанахъ.

Причиной перваго періода была дѣвушка, данная ему въ жены. Онъ сомнѣвался относительно острова, могъ усомниться насчетъ языка, который онъ слышалъ очень мало въ день прибытія сюда на цыновкѣ колдуна; но относительно жены сомнѣній

быть не могло, потому что она оказалась тою самою дѣвушкою, которая тогда съ крикомъ убѣжала отъ него въ лѣсъ. Значитъ, онъ плавалъ все тутъ же, а быть здѣсь все равно, что оставаться въ Молокаѣ. Онъ оставилъ родину, жену, друзей только ради того, чтобы убѣжать отъ своего врага, а это мѣсто, куда онъ прибылъ, оказалось мѣстомъ охоты колдуна, тѣмъ берегомъ, гдѣ онъ разгуливалъ невидимкою. Въ этотъ періодъ онъ держался какъ можно ближе къ лагунѣ если осмѣливался выходить изъ подъ кровли своей хижины.

Причиной второго періода былъ разговоръ съ женой и старшиною островитянъ. Самъ Кеола говорилъ мало. Онъ не очень-то довѣрялъ своимъ новымъ друзьямъ, находя ихъ черезчуръ вѣжливыми, чтобы быть чистыми, да и со времени знакомства съ тестемъ онъ сталъ подозрительнѣе. О себѣ онъ ничего не сказалъ, кромѣ своего имени, происхожденія, что онъ пріѣхалъ съ восьми острововъ, что острова эти очень красивы, разсказалъ о королевскомъ дворцѣ въ Гонолулу и о томъ, что онъ главный другъ короля и миссіонеровъ. Зато онъ много разспрашивалъ и многое узналъ. Островъ, гдѣ онъ находился, названъ «Островомъ Голосовъ». Принадлежитъ онъ этому племени, но они живутъ постоянно на другомъ островѣ, въ трехъ часахъ плаванья къ югу. Тамъ у нихъ есть прочныя жилища, и тотъ островъ очень богатъ: тамъ есть и яйца, и цыплята, и свиньи и туда приходятъ корабли торговать ромомъ и табакомъ. Туда именно и отправилась шкуна послѣ побѣга Кеолы. Тамъ умеръ штурманъ именно такъ, какъ и подобало умереть дураку бѣлолицему. Во время прихода шкуны на томъ островѣ начинался болѣзненный сезонъ, когда озерная рыба дѣлается ядовитою, и кто ее поѣстъ, тотъ пухнетъ и умираетъ.

Штурману объ этомъ говорили, и онъ видѣлъ, какъ готовили лодки, потому что въ это время народъ уѣзжаетъ съ этого острова на «Островъ Голосовъ»; но онъ былъ дуракъ бѣлолицый, который вѣрилъ только собственному разсказу, поэтому поймалъ одну изъ этихъ рыбъ, сварилъ, съѣлъ, распухъ и умеръ, что было пріятной новостью для Кеолы. «Островъ Голосовъ» большую часть года пустуетъ, развѣ кое-гдѣ пріѣдутъ матросы за копрою, да перебирается на время ихъ племя въ періодъ отравленія рыбою. Названіе свое онъ получилъ отъ чуда: морской берегъ его населенъ, повидимому, дьяволами невидимками, кото-

рые разговариваютъ на какомъ-то странномъ языкѣ, и днемъ, и ночью на берегу то зажигаютъ, то тушатъ огни. Причины этихъ поступковъ никто понять не можетъ.

Кеола спросилъ, бываетъ ли что-нибудь подобное на томъ островѣ, гдѣ они живутъ постоянно? Ему отвѣтили что ни тамъ, ни на одномъ изъ сотни острововъ, окружающихъ ихъ, этого нѣтъ и что это особенность «Острова Голосовъ». Они ему сказали тоже, что огни и голоса бываютъ всегда у моря и у выходящей къ морю опушкѣ лѣса, а что около озера человѣкъ можетъ прожить хоть двѣ тысячи лѣтъ (если бы только могъ прожить такъ долго), и его никогда никакъ не побезпокоятъ, да даже и у моря дьяволы никому не вредятъ, если ихъ не тронешь. Одинъ разъ только старшина бросилъ копье въ одинъ изъ голосовъ и въ тотъ же вечеръ упалъ съ кокосовой пальмы и умеръ.

Кеола сталъ соображать. Онъ видѣлъ, что ладно будетъ, если племя вернется на главный островъ, и что недурно остаться и здѣсь у озера, однако, онъ задумалъ устроить по возможности еще лучше. Онъ сказалъ старшинѣ, что ему разъ пришлось быть на такомъ же зачумленномъ островѣ, но жители нашли способъ избавиться отъ этой непріятности.

— Здѣсь въ лѣсу растетъ одно дерево, и дьяволы приходятъ сюда собирать его листья,—сказалъ онъ.—Пусть островитяне срубятъ дерево, гдѣ бы его ни нашли, и дьяволы больше не придутъ.

Его спросили, какого рода это дерево, и онъ показалъ дерево, листья котораго жегъ Каламакъ. Они не особенно вѣрили, но идея имъ понравилась. Ночь за ночью старики разсуждали объ этомъ на своихъ совѣтахъ, но главный старшина—хотъ и храбрый человѣкъ—боялся и напоминалъ ежедневно о старшинѣ, бросившемъ копье и убитомъ, и мысль объ этомъ снова останавливала ихъ.

Хотя Кеолѣ и не удалось добиться уничтоженія деревьевъ, но онъ всетаки чувствовалъ себя довольнымъ, присматривался ко всему, что происходитъ вокругъ, и жилъ въ свое удовольствіе. Къ женѣ, между прочимъ, онъ относился добрѣе всѣхъ, и она сильно полюбила его. Разъ приходитъ онъ въ хижину и застаетъ ее въ слезахъ.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ.

— Она говоритъ: «Ничего».

Въ ту же ночь она разбудила его. Лампа горѣла слабо, но онъ замѣтилъ, что лицо у нея удрученное.

— Кеола,—сказала она,—приложи ухо къ моему рту, чтобъ я могла шепнуть тебѣ, потому что никто не долженъ насъ слышать. За два дня до начала приготовленія лодокъ ступай на берегъ и ложись въ кусты. Мы съ тобой выберемъ мѣсто заранѣе, спрячемъ пищу, а я каждую ночь буду приходить туда и пѣть. Когда наступитъ ночь, и ты меня не услышишь, то, значитъ, мы совсѣмъ уѣхали съ острова, и тебѣ можно благополучно выйти.

У Кеолы душа замерла.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ.—Я съ дьяволами жить не могу. Я не желаю оставаться на этомъ островѣ. Мнѣ до смерти хочется бросить его.

— Живымъ ты его не оставишь, мой бѣдный Кеола!—сказала жена.—Мои соотечественники, по правдѣ сказать, людоѣды, хотя держатъ это въ секретѣ. Убить тебя до отъѣзда они хотятъ потому, что къ нашему острову заходятъ корабли, и Донатъ-Камиранъ приходитъ и говоритъ про французовъ, и въ домѣ съ верандами живетъ бѣлолицый торговецъ, и законоучитель есть... Ахъ, какое дѣйствительно чудное мѣсто! У торговца есть полные боченки муки; а разъ въ лагуну зашло французское военное судно, такъ каждому дали вина и сухарей... Бѣдный Кеола, какъ бы мнѣ хотѣлось увезти тебя туда, потому что и любовь-то моя къ тебѣ велика, и мѣсто то самое лучшее въ моряхъ, кромѣ Папеете.

И вотъ Кеола сталъ самымъ испуганнымъ человѣкомъ въ четырехъ океанахъ. Онъ слышалъ о людоѣдахъ южныхъ острововъ и всегда разговоры о нихъ пугали его, и вотъ они стучатъ въ его дверь! Отъ путешественниковъ онъ слышалъ объ ихъ обычаяхъ, о томъ, что если они замышляютъ съѣсть человѣка, такъ ласкаютъ и балуютъ его, какъ мать своего любимаго ребенка. Онъ видѣлъ, что такъ было и съ нимъ. Потому-что ему построили домъ и развлекали, и кормили, и отъ работы освободили; потому-то старики и старшины и бесѣдовали съ нимъ, какъ съ важной особой. Онъ лежалъ на кровати и ругалъ свою судьбу, и кровь стыла въ жилахъ его.

На слѣдующій день островитяне были съ нимъ любезны по обыкновенію. Они были говоруны и краснобаи, сочиняли прекрасные стихи и за обѣдомъ острили такъ, что миссіонеръ, на-

вѣрно, умеръ бы со смѣху. Кеола не обращалъ вниманія на ихъ утонченныя манеры; онъ видѣлъ ихъ сверкавшіе во рту бѣлые зубы, и сердце его возмущалось при видѣ этого. Когда они кончили ѣсть, онъ ушелъ въ лѣсъ и лежалъ въ кустахъ, какъ мертвецъ.

На другой день было то же самое, потомъ пришла за нимъ жена.

— Если ты не будешь ѣсть, Кеола, то, скажу тебѣ откровенно, тебя завтра убьютъ и сжарятъ. Нѣкоторые старшины уже ворчатъ, думаютъ, что ты заболѣлъ и спадешь съ тѣла,—сказала она.

Тутъ Кеола вскочилъ. Въ немъ вспыхнулъ гнѣвъ.

— Мнѣ все равно теперь одна дорога или другая,—сказалъ онъ.—Я между дьяволомъ и глубокимъ моремъ. Если ужъ я долженъ умереть, то дай мнѣ умереть какъ можно скорѣе! Если я долженъ быть съѣденнымъ въ крайнемъ случаѣ, такъ пусть лучше меня съѣдятъ дьяволы, чѣмъ люди! Прощай,—и онъ оставилъ ее и направился къ морскому берегу.

Берегъ былъ совершенно пустъ подъ зноемъ солнца. На немъ не было ни души, но вокругъ него кто-то ходилъ, и онъ слышалъ голоса, шепотъ и видѣлъ вспыхивающіе и потухающіе огни. Тутъ говорили на всѣхъ земныхъ языкахъ: по-французски, по-нѣмецки, по-русски, по-тамильски, по-китайски. Въ какой бы странѣ ни было извѣстно колдовство, отовсюду собралось по нѣсколько человѣкъ, и всѣ шептали Кеолѣ. Берегъ былъ похожъ на шумную ярмарку, хотя ни одного человѣка не было видно. Онъ шелъ и видѣлъ, какъ исчезали передъ нимъ раковины, и не видѣлъ людей, подбиравшихъ ихъ. Я думаю, дьяволъ и тотъ испугался бы, оставшись одинъ въ такой компаніи; но Кеола пережилъ страхъ и шелъ на смерть. На вспыхивающіе огни онъ накидывался, какъ быкъ. Всюду раздавались безтѣлесные голоса, невидимыя руки сыпали на огонь песокъ, и всѣ исчезали съ берега раньше, чѣмъ онъ добрался до нихъ.

«Ясно, что Каламака здѣсь нѣтъ, иначе я давно былъ бы убитъ», думалъ онъ.

Онъ усталъ и сѣлъ у края лѣса, опершись подбородкомъ на руки. Работа продолжалась на его глазахъ. Берегъ жужжалъ голосами, огни поднимались и опускались, раковины исчезали и

вновь появлялись даже въ то время, когда онъ смотрѣлъ на нихъ.

«Тотъ день, когда я былъ здѣсь раньше, ничто въ сравненіи съ этимъ», подумалъ онъ.

У него голова закружилась при мысли о милліонахъ долларовъ и о всѣхъ этихъ сотняхъ лицъ, собирающихъ ихъ на берегу и улетающихъ быстрѣе и выше орловъ.

«Подумаешь, какъ они меня дурачили болтовней о монетныхъ дворахъ,—говорилъ онъ.—Говорили, что деньги дѣлаются тамъ, когда ясно, что всѣ новыя монеты въ мірѣ собираются на этихъ пескахъ! На будущее время буду знать».

Наконецъ, неизвѣстно какъ и когда Кеола заснулъ и забылъ и островъ, и всѣ свои скорби.

На другой день рано утромъ его разбудилъ какой-то шумъ. Онъ проснулся въ ужасѣ, думая, что дикари накрыли его, но этого не было. Только на берегу передъ нимъ шумѣли безтѣлесные голоса, точно всѣ они неслись куда-то мимо него вверхъ по берегу.

«Что они замышляютъ? — думалъ Кеола. Для него было вполнѣ ясно, что случилось что-то необычайное, потому что ни огни не загорались, ни раковинъ никто не бралъ, но безтѣлесные голоса оставались на берегу, бѣжали и замирали вдали; за ними слѣдовали другіе, и по звуку замѣтно было, что колдуны сердиты.—Сердятся они не на меня,—подумалъ Кеола,—потому что проходятъ мимо».

Какъ бѣгутъ собаки другъ за другомъ или лошади на бѣгахъ, или горожане на пожаръ, и къ нимъ присоединяются всѣ встрѣчные, такъ было и съ Кеолою. Не сознавая, что онъ дѣлаетъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ тоже пустился бѣжать за голосами.

Обогнувъ одинъ мысъ острова, онъ увидѣлъ слѣдующій и вспомнилъ о волшебныхъ деревьяхъ, растущихъ въ большомъ количествѣ въ лѣсу. Тамъ-то и раздавался не поддающійся описанію гамъ кричащихъ людей; на этотъ шумъ направлялись и тѣ, съ которыми онъ бѣжалъ. По мѣрѣ приближенія, къ крикамъ присоединился стукъ топоровъ. При этомъ онъ, наконецъ, сообразилъ, что главный старшина согласился, и дикари принялись рубить эти деревья. Извѣстіе это обошло островъ отъ колдуна къ

колдуну и вотъ они собрались защищать свои деревья, жажда чудеснаго продолжала увлекать его. Онъ бѣжалъ съ голосами по берегу къ опушкѣ лѣса и остановился въ изумленіи. Одно дерево упало, остальныя были надрублены. Здѣсь собралась толпа. Они стояли спина къ спинѣ, нѣкоторые падали, кровь текла у ногъ ихъ. Ужасъ выражался на ихъ лицахъ, а голоса ихъ раздавались рѣзко, какъ крики ласточки.

Видѣли вы ребенка, который деревяннымъ мечомъ сражается, нападаетъ и рубитъ воздухъ? Такъ же вотъ толпились людоѣды, поднимая топоры и съ визгомъ опуская ихъ, а противниковъ у нихъ не было, только Кеола видѣлъ, какъ то здѣсь, то тамъ махали противъ нихъ топорами невидимыя руки, и какъ иногда падалъ кто-нибудь изъ толпы, разрубленный пополамъ или на части, и со стономъ вылетала душа его.

Нѣкоторое время Кеола смотрѣлъ на эти чудеса, какъ во снѣ, а затѣмъ его охватилъ смертельный страхъ, что приходится видѣть такія дѣла. Въ эту самую минуту главный старшина увидѣлъ его, указалъ на него и назвалъ по имени. Вслѣдъ затѣмъ его увидѣли и остальные, и у нихъ глаза и зубы разгорѣлись. «Я черезчуръ долго былъ здѣсь»,—подумалъ Кеола и кинулся бѣжать изъ лѣсу по берегу, куда глаза глядятъ.

— Кеола!—сказалъ ему голосъ, когда онъ бѣжалъ по голому песку.

— Леуа! Ты ли это?—вскрикнулъ онъ, задыхаясь и тщетно ища ее:—повидимому, онъ былъ совершенно одинъ.

— Я видѣла, какъ ты шелъ впереди, но ты меня не слышалъ,—продолжалъ голосъ.—Собирай скорѣе листья и травы и освободимся!

— Ты здѣсь съ цыновкой?—спросилъ онъ.

— Я здѣсь рядомъ съ тобою,—сказала она, и онъ почувствовалъ ея руки.—Живо, листья и травы, пока не вернулся отецъ!

Кеола спѣшилъ ради спасенія своей жизни и принесъ волшебное топливо. Леуа подвела его къ цыновкѣ, поставила на нее его ногу и зажгла огонь. Шумъ битвы громко доносился изъ лѣса во время горѣнія листьевъ. Жестоко дрались колдуны съ людоѣдами. Колдуны-невидимки ревѣли на горѣ, словно быки, а людоѣды отвѣчали дикимъ, пронзительнымъ крикомъ ужаса за свои

души. Пока листья горѣли, Кеола стоялъ, слушалъ, дрожалъ и слѣдилъ, какъ подсыпались листья невидимыми руками Леуа. Она быстро подкладывала ихъ, и пламя, поднимаясь, опалило руки Кеолы, а она раздувала огонь. Послѣдніе листья догорѣли, огонь потухъ, послѣдовало сотрясеніе, и Кеола съ Леуа очутились дома.

Кеола очень обрадовался, когда увидѣлъ, наконецъ, свою жену, страшно былъ доволенъ, что опять дома на Молокаѣ и сидитъ у чашки похлебки, потому что на кораблѣ похлебки не готовили, и на «Островѣ Голосовъ» ея тоже не было; а главное, онъ былъ до смерти радъ, что совершенно избавился отъ рукъ людоѣдовъ. Не выяснилось только одно дѣло, и Леуа съ Кеолою тревожились и всю ночь говорили о немъ. Каламака они оставили на островѣ; если его тамъ по милости Божіей убьютъ, все обойдется благополучно, но если ему удастся спастись и вернуться на Молокай, то плохо придется въ этотъ день его дочери и ея мужу. Они разсуждали о его дарѣ рости и о томъ, сможетъ ли онъ пройти такое разстояніе въ бродъ по морю. Кеола въ это время уже зналъ, гдѣ находился этотъ островъ, а находился онъ въ Низменномъ или Опасномъ Архипелагѣ. Они вытащили атласъ, вымѣрили разстояніе по картѣ и насколько поняли, путь былъ черезчуръ дальній для прогулки стараго джентльмэна. Но съ такимъ колдуномъ, какъ Каламакъ, нельзя было знать навѣрное, и они рѣшили, наконецъ, посовѣтоваться съ бѣлымъ миссіонеромъ.

Кеола съ самаго начала, какъ тотъ пришелъ, разсказалъ ему обо всемъ. Миссіонеръ сдѣлалъ ему строгое внушеніе за то, что онъ взялъ себѣ на островѣ вторую жену, а про остальное сказалъ, что не можетъ понять ни начала, ни конца.

— Во всякомъ случаѣ, если вы думаете, что деньги вашего отца добыты дурнымъ путемъ, то я посовѣтовалъ бы вамъ отдать часть ихъ прокаженнымъ и сколько-нибудь въ миссіонерскій фондъ,—сказалъ онъ.—Относительно же пустословія, самое лучшее было бы, если бы вы держали его при себѣ.

Однако, онъ предупредилъ полицію Гонолулу о томъ, что, насколько онъ могъ понять, Каламакъ и Кеола дѣлаютъ фальшивую монету, и что не слѣдуетъ упускать случая слѣдить за ними.

Кеола съ Леуа приняли его совѣтъ и отдали много долларовъ прокаженнымъ и въ фондъ. Совѣтъ былъ несомнѣнно хорошъ, потому что о Каламакѣ и до сего дня ничего не слыхать. Кто можетъ сказать, былъ ли онъ убитъ въ борьбѣ за деревья или все еще околачиваетъ пятки на «Островѣ Голосовъ».

КОНЕЦЪ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНЪ

С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. д.

Южный полюсъ

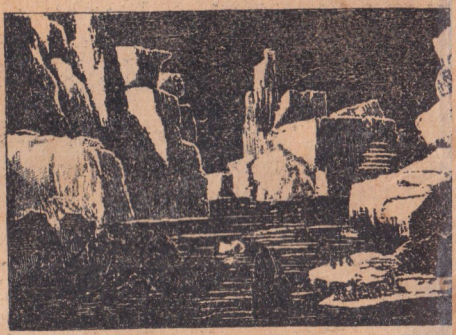
Сочиненіе **В. Фонвіелля.** Переводъ **Е. Костк**

Съ 15 рисунками и 1 картой.

Изданіе 2-е, дополненное и пересмотрѣнное **А. В. Зеленин**
преподавателемъ географіи.

Первое изданіе Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Просвѣщ
допущено въ библіотеки и читальни.

Окруженная со всѣхъ сторонъ неприступными льдами, южная полярная область съ давнихъ временъ возбуждала живой интересъ во всемъ ученомъ мірѣ и въ публикѣ. Въ настоящее время съ открытіемъ полюса лейтенантомъ Шекльтономъ интересъ къ этой части земного шара возросъ въ величайшей степени, вслѣдствіе чего предлагаемая книга В. Фонвіелля пріобрѣтаетъ особую цѣнность. Всѣ силы природы только тогда могутъ быть надлежащимъ образомъ изслѣдованы и объяснены, когда будетъ завершено изученіе поверхности земного ш на всемъ ея протяженіи, отъ одного полюса до другого. То тогда можно будетъ установить взаимную связь между различн явленіями природы, которыя теперь кажутся въ большей или м шей степени необъяснимыми.



Плавучіе льды въ Южномъ Ледовитомъ Океанѣ.

Содержаніе: Понятія древнихъ о жителяхъ южнаго полушарія. Юж полюсъ небесной сферы. Зима на южномъ полюсѣ земли. Южный полюсъ н ныхъ міровъ. Перемѣны на южномъ полюсѣ. Первыя южныя навигаціи. Пе кавалеры ордена Льва. Взглядъ президента де Броссъ на Южный полю материкъ. Земной магнетизмъ. Бугенвиль и Кергеленъ. Путешествіе Кука. скій періодъ. Экспедиціи китолововъ. Снаряженіе трехъ большихъ экспед Первая попытка Дюмонъ-Дюрвилля. Вторая попытка. Путешествіе Вил От ѣздъ Кларка Росса. Плавучія льдины. Полярныя бури. Островъ влад Полярный вулканъ. Сплошной ледъ. Послѣднія попытки Росса. Возобнов вопроса о южномъ полюсѣ въ новѣйшее время. Новѣйшія экспедиціи.

Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

ТИП. П. П. СОЙКИНА.

Книгоиздательство П. П. Сойкина. Спб., Стремянная, 12.

Высылаетъ всѣ находящіяся въ продажѣ книги за наличныя и наложеннымъ платежомъ. За наложенный платежъ взимается 10 коп Въ Азіатскую Россію безъ задатка, въ размѣрѣ половины стоимости книги наложеннымъ платежомъ не высылаются.

НА РУБЕЖѢ СТОЛѢТІЙ.

Это роскошное изданіе сочиненіе обнимаетъ до 1200 стр. текста со множествомъ картинъ, таблицъ, хромолит. и болѣе 1100 рисунковъ художн.: Каразина, Казанцева, Кившенко, Котляревскаго, Самокиша, Панова, Піотровича, Соколовскаго, Самокишъ-Судковской, Овсяникова, Чикина, Дорэ, Ріу, Жирарэ, Шпехта, Кунерта и друг.

Авторъ даетъ живое обозрѣніе достигнутыхъ въ теченіе истекшаго вѣка успѣховъ въ разныхъ областяхъ умственной жизни человѣчества и знакомитъ также въ увлекательной формѣ съ основами прогресса. Въ особенности обращено вниманіе на предметы, не входящіе въ кругъ преподаванія въ средн. учебн. заведеніяхъ. Эти науки излагаются настолько подробно, что читатель получаетъ возможно цѣльное о нихъ представленіе.

Т. I. Ч. I. ИСПОВѢДЬ ЗЕМЛИ. Очеркъ успѣховъ геологіи и палеонтологіи.

Часть II. СѢДАЯ ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА. Очеркъ успѣховъ археологіи.

Т. II. Часть I. ОТКУДА, КТО И КУДА МЫ? Очеркъ успѣховъ естествознанія.

Часть II. ВЪ ВОЛНАХЪ БЕЗКОНЕЧНОСТИ. Очеркъ успѣховъ астрономіи.

Часть III. НАУЧНЫЙ ТЕАТРЪ – БУДУЩАЯ ШКОЛА ДЛЯ НАРОДА. Очеркъ успѣховъ народнаго образованія.

Цѣна каждаго тома 3 руб., въ роск. переплетѣ 4 руб.

ВСЕЛЕННАЯ И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

(Чудеса природы и произведенія человѣка).

Въ 2-хъ томахъ. Составлено по трудамъ выдающихся германскихъ ученыхъ подъ редакціею дѣйствительнаго члена Императорскаго русскаго географическаго общества **Ф. О. ГРУЗДЕВА.**

Свыше **1000** страницъ убористой печати и до **200** иллюстрацій.

Цѣль настоящаго труда—указать мѣсто человѣка въ природѣ, разсказать о ч десахъ человѣческаго генія, описать тѣ средства, какими, отъ временъ доисторическихъ и кончая нашимъ временемъ, человѣкъ заставлялъ служить себѣ силы природы.

Главнѣйшіе отдѣлы, на которые распадается сочиненіе „ВСЕЛЕННАЯ и ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“: I. Земная кора и ея изслѣдованіе. II. Земная кора и ея отношеніе къ человѣку. III. Физика земного шара. IV. Происхожденіе и развитіе человѣческаго рода. V. Развитіе растительнаго міра. VI. Развитіе міра животныхъ. VII. Изслѣдованіе вселенной. VIII. Изслѣдованіе земной поверхности. IX. Изслѣдованіе моря. X. Изслѣдованіе формы земного шара. XI. Возникновеніе техники. XII. Изслѣдованіе и примѣненіе силъ природы и т. п.

Гл. Упр. Военно-Учебн. завед. **рекомендовано для ротныхъ библ. старш. классовъ кадетскихъ корпусовъ.**

Цѣна на обыкновенной бумагѣ **3** руб., въ роскошномъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ и красками, **4** руб.; на веленевой бумагѣ, въ 2 томахъ,—цѣна **5** руб., въ роскошномъ переплетѣ **6** рублей.